

The image features a golden scroll with a quill pen resting on it. The scroll is unrolled, showing the text. The quill pen is positioned diagonally across the scroll. The background is white.

*ИСТОРИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ
И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ*

ХРЕСТОМАТИЯ

*В 3 ЧАСТЯХ
Часть 1*

*Мозырь
2013*

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ХРЕСТОМАТИЯ

В трех частях

Часть 1

*Рекомендовано учебно-методическим объединением
по педагогическому образованию в качестве хрестоматии
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальностям профиля А - Педагогика*

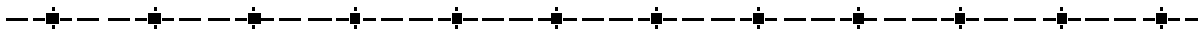
Мозырь
2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Тема 1 ЗАРОЖДЕНИЕ ВОСПИТАНИЯ, ШКОЛЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕРВОБЫТНОМ И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ ОБЩЕСТВАХ	
<i>Демокрит</i>	
Фрагменты о воспитании	8
<i>Платон</i>	
Государство	9
<i>Аристотель</i>	
Политика	24
<i>Плутарх</i>	
Сравнительные жизнеописания (Ликург)	29
<i>Марк Фабий Квинтилиан</i>	
О воспитании оратора	36
Тема 2 ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА	
<i>Эразм Роттердамский</i>	
Похвала глупости	44
Домашние беседы. XXI. Мнемоническое искусство	48
Воспитание христианского государя	50
<i>Франсуа Рабле</i>	
Гаргантюа и Пантагрюэль	60
<i>Мишель Монтень</i>	
Опыты	67
<i>Томазо Кампанелла</i>	
Город Солнца	75
Тема 3 ВОСПИТАНИЕ, ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ПО XIII в.	
Поучение Владимира Мономаха	80
Из народной энциклопедии (1910 г.)	83
Тема 4 ВОСПИТАНИЕ, ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В БЕЛАРУСИ В IX–XVIII вв.	
<i>Франциск Скорина</i>	
Предословие доктора Франьциска Скорины с Полоцька в книги Иудиф-вдовици	86
Предьсловие доктора Франьциска Скорины с Полоцька во всю Бивлию рускаго языка	87

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Николай Гусовский</i> Песня о зубре	88
<i>Симон Будный</i> Из предисловия к «Катехизису...»	91
<i>Василий Николаевич Тяпинский (Омельянович)</i> Из предисловия к «Евангелию»	93
<i>Ян Лициний Намысловский</i> Избранные «Сентенции»	95
<i>Лаврентий Зизаний (Тустановский)</i> Эпиграмма на грамматику	97
Из книги «Грамматика словенска»	98
<i>Максим Герасимович Смотрицкий (Мелетий Смотрицкий)</i> Грамматики словенския правильное синтагма	98
<i>Симеон Полоцкий</i> Обед душевный и Вечеря душевная	99
Тема 5 ШКОЛА И ПЕДАГОГИКА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В XVII–XVIII вв.	
<i>Ян Амос Коменский</i> Великая дидактика	104
<i>Джон Локк</i> Мысли о воспитании	128
<i>Жан-Жак Руссо</i> Эмиль, или О воспитании	156
Тема 6 ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ В XVII–XVIII вв.	
<i>Е. Славинецкий</i> Гражданство обычаев детских	183
<i>М. В. Ломоносов</i> Проект регламента московских гимназий	187
<i>В. Н. Татищев</i> Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ	190
<i>И. И. Бецкой</i> Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества	191
<i>Н. И. Новиков</i> О воспитании и наставлении детей	194
ИСТОЧНИКИ	198

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как свидетельствуют многочисленные исторические исследования, различным периодам развития общества соответствуют специфические условия материальной и духовной жизни, которые меняются с течением времени. Однако человечеством накоплены и непреходящие ценности: искусство, народные обычаи и традиции, передаваемые из поколения в поколение, исторические реликвии и артефакты, раскрывающие генезис культуры человеческого общества. Эти духовные богатства играют огромную роль в развитии личности: соприкосновение с ними позволяет с ранних лет освоить определенные жизненные и нравственные нормы, сохранить и передать их будущим поколениям.

Как правило, культурные и социальные ценности выступают источниками исторических исследований. В отношении педагогики к их числу относятся архивные материалы по вопросам народного образования; памятники древней письменности; древние рукописи, рассказывающие о воспитании и обучении; официальные материалы (законы об образовании и воспитании, проекты, концепции, отчеты, доклады и т. д.); учебники и учебные пособия; сочинения выдающихся педагогов прошлого и современности; общая и педагогическая пресса.

Осмыслению культурного наследия прошлого в полной мере способствует содержание курса «История образования и педагогической мысли», которое позволяет будущим педагогам на основе усвоения историко-педагогических фактов выработать собственный индивидуальный стиль профессиональной деятельности. Таким образом, исторический педагогический опыт представляет не только познавательный интерес, но и практически полезен в современных условиях педагогической деятельности. Ибо изучение истории образования призвано играть значительную роль в повышении педагогической культуры учителя, передавать лучшие традиции гуманистической педагогики и тем самым помогать педагогу в его повседневной деятельности.

Изучение курса «История образования и педагогической мысли» имеет целью дать будущим педагогам представление о мировом историко-педагогическом процессе, о качественных изменениях в развитии педагогической мысли и в школьной практике, выявить то новое, что содействовало продвижению вперед педагогической науки и имеет сферу применения в современной системе образования.

В связи с этим при изучении названного курса целесообразно обращение к первоисточникам, собранным в данной хрестоматии, содержание которой раскрывает специфику воспитания и образования в разные исторические периоды в Беларуси и зарубежных странах,

результаты воздействия на обучение и воспитание условий материальной и духовной жизни общества; показывает место школьного образования в воспитании и развитии детей, роль церковно-религиозного воспитания на различных исторических этапах; отражает основные положения авторских педагогических теорий и специфику их воплощения в практике воспитания и обучения др.

Хрестоматия «История образования и педагогической мысли» способствует формированию мировоззрения, педагогической культуры и профессионализма будущих учителей. Ее содержание преследует следующие цели:

- помочь будущим педагогам сформировать систему знаний по истории развития теории и практики воспитания и образования;
- содействовать формированию у студентов педагогического мышления на основе освоения просветительских идей;
- создать условия для овладения студентами умениями анализа исторических и современных подходов к содержанию воспитания и образования в зарубежной и отечественной педагогике;
- раскрыть ведущие тенденции развития мирового образовательного процесса через первоисточники и документы.

Изучение представленного в хрестоматии материала способствует формированию у будущих специалистов следующих представлений:

- о роли педагогики в обществе, государстве, системе человеческих отношений;
- о тенденциях и закономерностях развития отечественной и зарубежной педагогики в контексте исторического знания, а также современных образовательных и воспитательных процессов;
- о сущности разносторонних связей между целями, задачами, содержанием воспитания и обучения и тенденциями, особенностями социально-культурного развития различных стран и народов;
- о структуре профессиональной деятельности преподавателя в области образования и воспитания подрастающего поколения на различных исторических этапах;
- многовекторности педагогических знаний в современных социально-экономических условиях, об основных тенденциях их развития.

Хрестоматийные материалы призваны помочь в усвоении следующих знаний:

- генезиса мирового историко-педагогического процесса;
- эволюции различных философско-педагогических подходов к воспитанию человека;
- основных этапов развития образования и педагогической мысли в Беларуси в контексте мирового педагогического процесса;

- исторических подходов к определению психолого-педагогической сущности обучения и воспитания: принципов, методов, средств, форм;
- исторических и современных подходов к определению сущности и методов гуманизации обучения и воспитания;
- философского, культурно-исторического, национального и мирового контекстов развития образования;
- сущности, содержания, структуры и принципов развития образовательных учреждений и процессов;
- психолого-педагогических закономерностей целостного педагогического процесса, исторических и современных методов воспитания и обучения.

Хрестоматийные материалы призваны способствовать формированию у студентов следующих навыков:

- библиографических;
- работы с книгой, учебником, пособиями и другими источниками психолого-педагогической информации;
- применения рациональных приемов поиска, отбора и использования историко-педагогической информации;
- реферирования, рецензирования историко-педагогической литературы, составления тезисов, резюме, схем;
- применения историко-педагогических знаний к современному процессу организации и проведения различных форм учебных занятий и воспитательных мероприятий.

Хрестоматия разработана согласно типовой программе «Педагогика: учебная программа для высших учебных заведений по специальностям профиля А Педагогика» (сост. А. И. Андарало [и др.]; утверждена Министерством образования Республики Беларусь 24 сентября 2008 г.; регистрационный № ТД-А 015/тип). Первоисточники распределены по темам раздела «История образования и педагогической мысли».

Авторы надеются, что материалы, приведенные в данном издании, помогут будущим педагогам:

- уяснить сущность взаимодействия общества и школы в различные исторические периоды;
- сформировать представления о школе и педагогике в целом как о двигателе культурной и общественной эволюции;
- усвоить основные педагогические идеи и концепции, совершенствовать навыки их объективного анализа;
- развить познавательный интерес к освоению педагогического наследия выдающихся педагогов прошлого.

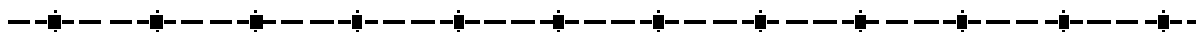

Тема 1 ЗАРОЖДЕНИЕ ВОСПИТАНИЯ, ШКОЛЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕРВОБЫТНОМ И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ ОБЩЕСТВАХ

Демокрит

ФРАГМЕНТЫ О ВОСПИТАНИИ

- Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться.
- Многие многознайки не имеют ума.
- Должно стараться не столько о многознании, сколько о всестороннем образовании ума.
- Лучшим с точки зрения добродетели будет тот, кто побуждается к ней внутренним влечением и словесным убеждением, чем тот, кто законом и силой. Ибо тот, кого удерживает от несправедливого [поступка] закон, способен тайно грешить, а тому, кто приводится к исполнению долга силой убеждения, не свойственно ни тайно, ни явно совершать что-нибудь преступное. Поэтому-то всякий, кто поступает правильно с разумением и с сознанием, тот вместе с тем бывает мужественным и прямолинейным.
- Учение вырабатывает прекрасные вещи только на основе труда, дурные же вещи сами собой производятся без труда. Ибо часто человека, у которого от природы весьма плохое состояние души, это заставляет помимо его воли быть дурным.
- Могут быть юноши умные и старики глупые. Ибо научает мыслить не время, но раннее воспитание и природа.
- Постоянное общение с дурными развивает дурные задатки.
- Благоразумие отца есть самое действительное наставление для детей.
- Природа и воспитание подобны. А именно воспитание перестраивает человека и, преобразуя, создает [ему вторую] природу.
- Если бы дети не принуждались к труду, то они не научились бы ни грамоте, ни музыке, ни гимнастике, ни тому, что наиболее укрепляет добродетель, – стыду. Ибо по преимуществу из этих занятий обычно рождается стыд.
- Воспитание есть украшение в счастье и прибежище в несчастье.
- Постоянный труд делается легче благодаря привычке.
- Хорошими люди становятся больше от упражнения, чем от природы.

- Дети скурых [родителей], если они выросли в невежестве, подобны танцующим между мечами [поставленными вверх лезвиями]. Они погибают, если при прыжке не попадают в то единственное [место], где следует поставить ноги. Однако трудно попасть в то единственное место, так как оставляют [место только для] подошвы ног. Точно так же и эти дети: если они уклонятся от следования отцовскому примеру – от [отцовской] заботливости и бережливости, то обыкновенно гибнут.

- От чего мы получаем добро, от того же самого мы можем получить и зло, а также средство избежать зла. Так, например, глубокая вода полезна во многих отношениях, но, с другой стороны, она вредна, так как есть опасность утонуть в ней. Вместе с тем найдено средство [избегнуть этой опасности] – обучение плаванию.

- У людей зло вырастает из добра, когда не умеют управлять и надлежащим образом пользоваться добром. Неправильно было бы подобные вещи относить к числу зол, [но должно] считать их благами. Добром можно пользоваться, если кто захочет, и для отражения зла.

- Воспитание детей – рискованное дело, ибо в случае удачи последняя приобретена ценою большого труда и заботы, в случае же неудачи горе несравнимо ни с каким другим.

Платон

ГОСУДАРСТВО

Книга VIII

6. Сократ: Хочешь, рассмотрим теперь, как появятся такие люди и как их можно вывести на свет, подобно тем, которые, по преданию, из обители Аида вознеслись к богам?

– Конечно, хочу.

– Это ведь будет, очевидно, не верчением черепка, а обращением души от дня, подобного ночи, к настоящему, т. е. восхождением к бытию, которое мы назовем истинной философией.

– Да.

– Не должны ли мы рассмотреть, какая наука обладает этим свойством?

– Конечно.

– Какая же наука, Главкон, влечет душу от мира становления к бытию? Мне сейчас приходит в голову еще вот что: не говорили ли мы, что этим людям в юности необходимо подвизаться на войне?

– Да, говорили.

- Значит, та наука, которую мы ищем, должна, кроме указанного свойства, обладать еще этим.
- Каким?
- Быть полезной воинам.
- Да, конечно, по возможности должна.
- В гимнастике и в музыке они были уже воспитаны раньше?
- Да.
- Но гимнастика имеет дело с возникающим и гибнущим; она ведь наблюдает за ростом и разрушением тела.
- Очевидно.
- Значит, она явно не может быть искомой нами наукой.
- Не может.
- А музыка, как мы ее раньше описали?
- Но ведь она, если помнишь, соответствовала гимнастике; она воспитывала стражей посредством навыков, прививая им путем гармонии гармоничность, а не знание, и путем ритма – ритмичность; нечто подобное заключали в себе и рассказы, как вымышленные, так и более близкие к истине. Науки же, полезной для чего-нибудь такого, что ты сейчас ищешь, в ней не было.
- Ты мне отлично это напомнил; действительно, в ней не заключалось ничего такого. Но, милый Главкон, что это будет за наука? Ведь все технические знания мы признали низменными?
- Конечно.
- Но какая же наука еще остается, если исключить музыку, гимнастику и технические знания?
- Если ты не можешь ничего выбрать вне их, возьмем что-нибудь, имеющее отношение к ним всем.
- Что же это?
- Например, то общее, чем пользуются и искусства, и рассуждения и науки и с чем каждый должен знакомиться прежде всего.
- Что же это такое?
- Простая вещь: различать одно, два и три. Я называю это кратко числом и счетом. Разве не правда, что каждое искусство и каждая наука неизбежно должны это усвоить?
- Даже очень.
- Значит, и военное искусство?
- Непременно.
7. Так не установим ли мы, что умение считать и рассчитывать является необходимым знанием для военного человека?
- Более чем что-либо другое, если он хочет что-либо понимать в тактическом искусстве или, вернее, если он хочет вообще быть человеком.

- Значит, ты того же мнения об этой науке, как и я?
- А именно?
- Что она, по-видимому, по своей природе принадлежит к ведущим к постижению того, что мы ищем, но никто не пользуется ею правильно, между тем как она всячески влечет к созерцанию бытия.

- Что ты имеешь в виду?

- Я постараюсь пояснить мою мысль. Противоречия в чувственных восприятиях ведут к мышлению: если, например, смотреть на три пальца, то зрения достаточно, чтобы установить что это пальцы, но в определении их качеств получаются противоречия: второй кажется большим по сравнению с первым и маленьким по сравнению с третьим и т. п. В таких случаях душа обращается за разрешением противоречия к мышлению.

8. Это-то я и имел сейчас в виду, говоря, что одни ощущения ведут к размышлению, другие – нет, определяя такие ощущения, которые передаются сознанию одновременно с противоположным себе, как ведущие к размышлению, а те, при которых этого не случается, как не пробуждающие мысли.

- Теперь я понимаю и согласен с тобой.

- А как тебе кажется, к которым из двух принадлежат число и единство?

- Не могу сообразить.

- Обдумай на основании только что сказанного. Если единство как таковое можно достаточно воспринимать зрением или каким-нибудь чувством, то оно, конечно, не будет толкать к познанию бытия, как мы это говорили по поводу пальцев. Если же вместе с ним мы всегда видим и его противоположность, так что ничто не представляется нам единым, не представляясь в то же время и многим, тогда, очевидно, требуется судья, и душа неизбежно недоумевает в таком случае, ищет, приводя в движение мысль, и спрашивает, что такое самое единство. Тогда учение о единстве окажется одним из тех, которые ведут и обращаются к созерцанию бытия.

- Действительно, этим свойством в сильной степени обладает зрительное восприятие единства, так как одно и то же мы одновременно видим как единство и как бесчисленное множество.

- А если это происходит с единицей, то же происходит и со всяким числом?

- Конечно.

- А не весь ли счет и арифметика имеют дело с числом?

- Конечно.

- И таким образом, они оказываются ведущими к истине?

- В сильной степени.

— Следовательно, они принадлежат, по-видимому, к тем наукам, какие мы ищем. Военному человеку их необходимо знать ради строя, а философу ради соприкосновения с бытием и выхода из мира становления, иначе он никогда не будет счислителем.

— Это верно.

— А наш страж – воин и философ.

— Да.

— Очевидно, следует, Главкон, законом ввести эту науку и убеждать тех, кому предстоит принять участие в руководстве государством, обратиться к счислению и взяться за него не в качестве дилетантов, но заниматься им до тех пор, пока они не достигнут созерцания одной только мыслью природы чисел, а также не в качестве купцов и торговцев ради купли и продажи, но ради войны и ради облегчения самой душе обращения от становления к истине и бытию.

— Ты прекрасно говоришь.

— Теперь только, после сказанного о счете, я вижу, как хороша эта наука и в скольких отношениях она полезна для наших целей, если только заниматься ею ради знания, а не ради торговли.

— В чем же именно?

— В том самом, о чем мы только что говорили: она сильно влечет душу ввысь, заставляя ее рассуждать о числах самих по себе, и не терпит, чтобы с ней рассуждали, указывая ей на числа, связанные с видимыми или осязаемыми телами. Ведь ты знаешь, что специалисты осмеивают человека, пытающегося на словах разделить единицу, и не соглашаются с ним, но если ты будешь делить ее, они будут множить, применяя меры против того, чтобы единица не показалась как-нибудь не единицей, а совокупностью многих частей.

— Совершенно правильно.

— Как ты думаешь, Главкон, если бы кто-нибудь спросил их: странные люди, о каких числах говорите вы, в которых единица такова, как вы предполагаете, равна всякой другой, ничем не отличается от нее и не имеет в себе никакой части? Как ты думаешь, что бы они ответили?

— Я думаю, они ответили бы, что говорят о таких числах, которые можно только мыслить, а относиться к ним как-нибудь иначе нельзя.

— Видишь, мой друг, что эта наука нам, по-видимому, действительно необходима, так как ясно, что она заставляет душу пользоваться одним только разумом для достижения самой истины.

— Действительно, она в сильной степени это делает.

— Ты, вероятно, замечал уже и то, что люди, обладающие от природы математическими способностями, оказываются восприимчивыми ко всем наукам, и несообразительные, будучи воспитаны на математике

и упражняясь в ней, даже если они не получают от этого никакой другой пользы, во всяком случае приобретают большую восприимчивость, чем имели раньше.

- Это действительно так.
- А кроме того, я думаю, нелегко найти науку, которая представляла бы такой труд изучающему и занимающемуся ею, как эта.
- Да.
- Ввиду всего этого не следует пренебрегать ею, но надо на ней воспитывать наиболее одаренных юношей.
- Согласен.

9. Это пусть будет у нас первым. Рассмотрим теперь второе, следующее за этим, подходит ли оно нам.

- Что именно? Или ты имеешь в виду геометрию?
- Именно.
- Поскольку она имеет отношение к военному делу, ясно, что она нам полезна: при устройстве лагеря, захвате местности, сосредоточении и развертывании войск и при всех остальных военных построениях как во время самих битв, так и в походах человек, знакомый с геометрией и незнакомый с нею, отличаются друг от друга.
- Но ведь для этого достаточно было бы малой части геометрии и счета. Надо рассмотреть, помогает ли большая и дальше идущая ее часть усматривать идею добра; а мы говорим, что этому помогает все, что заставляет душу обращаться туда, где находится самое блаженное из сущего, что она непременно должна видеть.
- Ты правильно говоришь.
- Таким образом, если она заставляет созерцать бытие, она нам полезна, если же становление – не полезна.
- Так мы утверждаем.
- Даже мало знакомые с геометрией не будут отрицать, что сущность этой науки совершенно противоположна тем выражениям, какие употребляют занимающиеся ею.
- Как?
- Их язык очень смешон и беден: как будто бы действуя и ради действия пользуясь словами, они говорят, что строят четырехугольник, удлиняют, складывают и произносят всякие подобные слова, между тем как вся эта наука существует ради познания.
- Безусловно.
- Не надо ли согласиться еще в следующем?
- В чем?
- Что она существует ради знания вечно сущего, а не того, что появляется и исчезает?

— В этом легко согласиться: геометрия есть, действительно, знание вечно существующего.

— А если так, почтеннейший, то она влечет душу к истине и создает философское настроение, заставляя обращать кверху то, что мы неправильно обращаем книзу.

— Да, более чем что-либо другое.

— Следовательно, более чем что-либо другое необходимо постановить, чтобы люди в твоём идеальном государстве ни в каком случае не оставались чужды геометрии. Ведь и побочное ее значение немало.

— Какое?

— Да то, которое ты указал, — относящееся к войне; а также и по легкости усвоения других наук, как мы знаем, человек, знакомый с геометрией, всегда будет отличаться от незнакомого.

— Да, действительно, всегда.

— Итак, мы установим, чтобы она была второй наукой для юношей?

— Установим.

10. Теперь идем далее. Третьей мы постановим астрономию. Или ты иного мнения?

— Нет, я согласен. Ведь способность лучше узнавать времена месяца и года полезна не только для земледелия и мореплавания, но не менее того и для военного дела.

— Ты забавен. По-видимому, ты боишься, как бы толпе не показалось, что ты заставляешь изучать бесполезные науки. Главное же то — хотя этому и трудно поверить, — что благодаря этим наукам очищается и вновь воспламеняется орган души каждого человека, гибнущий и притупляющийся от других занятий, а между тем сохранить его ценнее, чем тысячу глаз, так как им одним созерцается истина. Разделяющие это мнение найдут твои слова удивительно хорошими, а неспособные это понять, конечно, решат, что ты говоришь бессмыслицу, так как они не видят от этих наук никакой другой, заслуживающей упоминания пользы. Реши же теперь, с каким из этих двух родов людей ты говоришь: или, может быть, ни с теми, ни с другими, а рассуждаешь главным образом ради самого себя, но охотно предоставляешь и другим, если кто может, извлекать из сказанного пользу.

— Я предпочитаю это последнее; ради самого себя главным образом говорить, и спрашивать, и отвечать.

— В таком случае, вернись назад; мы сейчас, очевидно, неправильно выбрали следующую ступень за геометрией.

— Каким образом?

— После плоскости мы взяли сразу тело в движении, не взяв его сначала само по себе; а правильно было бы вслед за вторым измерением взять третье, т. е. то измерение, которое имеется в кубах и обозначает глубину.

— Да, это так; но ведь это, Сократ, как будто еще не исследовано?

— Причина этого двоякая. Во-первых, так как ни одно государство не придает этому должного значения, то, как вещь трудная, она исследуется недостаточно энергично; во-вторых, исследователи нуждаются в руководителе, без которого они ее едва ли откроют, а такому руководителю, с одной стороны, трудно появиться, с другой, если бы он и появился, то в настоящее время исследователи этих вещей в своем самомнении не стали бы подчиняться ему. Но если бы все государство стало содействовать руководителю, окружая почетом эту науку, тогда и они бы подчинились и сущность этих вещей при непрерывном и напряженном искании обнаружилась бы. Ведь даже теперь, пренебрегаемая и урезываемая толпой, а также и исследователями, не понимающими, в чем заключается ее польза, эта наука все-таки вопреки всему этому развивается благодаря присущей ей красоте, и нет ничего удивительного, что она возникла.

— Действительно, в ней есть исключительная красота. Но выскажи яснее то, что ты сейчас говорил. Ведь геометрией ты назвал исследование плоскости?

— Да.

— А затем ты сначала установил после нее астрономию, а потом отказался от этого.

— Спеша поскорее все изложить, я только больше задержался. Между тем как следовало изучение глубины, я пропустил его, так как оно нелепо трактуется, и после геометрии назвал астрономию, которая занимается движением глубины.

— Правильно ты говоришь.

— Следовательно, мы поставим астрономию на четвертое место, предполагая, что, если государство возьмется за это, будет существовать та наука, которой теперь недостает.

— Вероятно, ты сейчас упрекнул меня, Сократ, за то, что я похвалил астрономию как необразованный человек; теперь я хвалю ее с той же точки зрения, с какой ты подходишь к ней. Всякому, я думаю, ясно, что она заставляет душу взирать кверху и ведет ее от вещей, находящихся здесь, туда.

— Может быть, это всякому ясно, но не мне. Я думаю иначе.

— Но как же?

— Я думаю, что в том виде, в каком берутся за нее желающие вести людей к философии, она как раз заставляет смотреть вниз.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты, по-видимому, довольно возвышенно толкуешь науку о том, что наверху. Если кто-нибудь, подняв голову кверху и рассматривая украшения на потолке, что-нибудь увидит там, ты, пожалуй, тоже будешь считать, что он созерцает это разумом, а не глазами? Может быть, твое мнение правильно, а мое глупо, но я не могу считать, чтобы какая-нибудь другая наука заставляла душу обращаться кверху, кроме науки о бытии и невидимом; если же человек стремится познать что-либо чувственное, то безразлично, смотрит ли он с раскрытым ртом кверху или с закрытым книзу, я утверждаю, что он ничего не познает, так как никакого знания этих вещей не существует, и что душа его обращена не кверху, а книзу, хотя бы он изучал эти вещи, лежа на спине на земле или плавая по морю.

11. Ты заслуженно и правильно меня упрекнул. Но как же, по твоему мнению, надо изучать астрономию иначе, чем ее изучают теперь, чтобы изучение ее приносило ту пользу, какую мы имеем в виду?

— Вот как: эти небесные украшения так, как они видимы, надо считать самыми прекрасными и совершенными из видимых, но помнить, что им далеко до истинных, до тех движений, которые производят между ними истинная скорость и истинная медленность согласно истинному числу и по всем истинным фигурам, нося и все находящееся на них. А это постигается разумом и мыслью, а не зрением. Или ты думаешь, что зрением?

— Ни в каком случае.

— Таким образом, небесными украшениями надо пользоваться, как подобием того другого, с учебной целью так же, как если бы кто встретил геометрические фигуры, отлично нарисованные и выполненные Дедалом или каким-нибудь другим ремесленником или художником. Человек, знакомый с геометрией, увидя их, нашел бы, конечно, что они отлично сделаны, но тем не менее смешно серьезно смотреть на них, как будто в них можно усмотреть действительное равенство или удвоенную величину, или какое-нибудь другое соотношение величин.

— Конечно, это будет смешно.

— А разве ты не думаешь, что настоящий астроном будет испытывать то же самое, смотря на движение светил, а именно считать, что творец неба устроил его и все, что на нем, настолько прекрасно, насколько подобные вещи могут быть устроены? Однако разве он не сочтет странным человека, думающего, что отношение ночи к дню и их обоих к месяцу и месяца к году и других светил ко всему этому и друг к другу всегда остается одним и тем же, несколько не изменяясь,

несмотря на то, что все они телесны и видимы? Разве он не сочтет нелепым всячески стараться постигнуть их истинную природу?

- Теперь, когда я тебя слушаю, мне кажется, что это так.
- Значит, мы и астрономию, как и геометрию, будем изучать ради тех задач, которые она ставит перед нами, а явления, происходящие на небе, оставим, если мы хотим, занимаясь действительно астрономией, сделать разумную от природы часть души полезной из бесполезной.
- Какую трудную задачу ставишь ты сравнительно с тем, чем занимается теперешняя астрономия!
- Я думаю, что мы и в остальном будем действовать так же, если хотим быть сколько-нибудь полезны как законодатели.

12. А ты какую подходящую науку можешь предложить?

- Никакой, по крайней мере, сейчас.
- Однако я думаю, что движение имеет не один вид, а несколько. Все их назвать в состоянии, может быть, только специалист; таких же, которые и для нас ясны, два.
- Какие именно?
- Кроме названного, противоположный ему.
- Какой?
- Как глаза направлены к астрономии, так, по-видимому, уши направлены к гармоническому движению, и обе эти науки родственны между собой, как говорят пифагорейцы, и мы с ними, Главкон, согласны. Или нет?
- Согласны.
- Итак, ввиду того что это вопрос трудный, не выслушаем ли мы, что они говорят об этом и, может быть, еще о чем-нибудь другом; но в то же время мы будем продолжать держаться нашего принципа.
- Какого?
- Чтобы наши воспитанники не изучали чего-нибудь из этого не до конца и не с той целью, к какой все должно стремиться, как мы сейчас говорили по поводу астрономии. Или ты не знаешь, что и по отношению к гармонии они делают то же самое? Соизмеряя друг с другом слышимые созвучия и звуки, они так же бесплодно трудятся, как и астрономы.
- Правда, при этом они употребляют такие смешные слова, как сгущения, и прикладывают уши, как бы желая уловить по соседству звук; и одни говорят, что слышат еще промежуточный звук и что это наименьший интервал, который надо принять за единицу измерения, другие утверждают, что струны звучат одинаково, и при этом оба отдают предпочтение ушам перед разумом.
- Ты говоришь о тех милых людях, которые, натягивая струны на колки, не дают им покоя и пытаются их, но чтобы не распространяться

о том, как, ударяя также смычком, они заставляют струны изображать то жалобу, то отказ, то страсть, – я буду ссылаться не на этих музыкантов, а на тех, о которых я сейчас сказал, что они расскажут нам о гармонии. Эти делают то же, что и занимающиеся астрономией, ищут чисел, заключающихся в слышимых созвучиях, а не подходят к задаче рассматривать, какие числа созвучны между собой и какие нет и почему происходит то и другое.

- Ты говоришь о какой-то удивительной вещи.
- Во всяком случае о вещи полезной при искании красоты и добра; если же заниматься ею иначе, она бесполезна.
- Вероятно.

13. Я думаю, что и занятие всеми названными нами науками, если оно приводит к объединению их между собой и родству и принимает в соображение то, что их сближает, ведет к нашей цели, и тогда труд затрачивается не бесполезно; иначе же он бесплоден.

- Я предполагаю то же, но ты говоришь, Сократ, о трудной вещи.
- Ты имеешь в виду прелюдию или что-нибудь другое? Ведь мы должны знать, что все сказанное – прелюдия к самой песне, которую надо выучить. Ты, надеюсь, не думаешь, что знающие названные нами науки – диалектики?
- Конечно, нет, или разве только очень немногие из тех, кого я встречал.
- А те, которые не способны давать и требовать ответа, будут ли, по твоему мнению, знать то, что, как мы сказали, они должны знать?
- Тоже нет.
- Значит, Главкон, это уже сама песня, которую исполняет диалектика. Этой мыслимой песне подражает зрение, о котором мы сказали, что оно стремится смотреть на самих животных, на сами светила и, наконец, на самое солнце. Так и тот, кто пытается обратиться к самой сущности каждой вещи при помощи диалектики без участия чувств, но путем разума, и не отступает, пока не постигнет одной только мыслью сущности добра, находится у самого предела мыслимого, как тот, о ком мы сейчас говорили, находится у предела видимого.
- Конечно.
- Что же? Не называешь ли ты этот путь диалектикой?
- Да.
- Освобождение от оков и обращение от теней к образам и к свету, выхождение из-под земли к солнцу и там первоначально невозможность смотреть на животных, на растения и солнечный свет, а только на божественные отражения в воде и на тени сущего, но уже не на тени образов, бросаемые светом, который по сравнению с солнцем сам является лишь образом, – вот в чем смысл занятия перечисленными нами науками;

оно возвышает лучшую часть души до созерцания лучшего в сущем, подобно тому как раньше самый светлый орган тела возвышался до созерцания самого ясного в телесном и видимом мире.

– Я согласен с этим; правда, мне кажется, что с этим очень трудно согласиться; с другой стороны, однако, трудно и не согласиться. Тем не менее, так как мы не сейчас только об этом слышим, но и впоследствии часто должны будем к этому возвращаться, допустив то, что сейчас сказано, перейдем к самой песне и разберем ее так же, как разобрали прелюдию. Скажи же, какова сущность диалектики, на какие виды распадается и каковы ее пути? Ведь это, вероятно, пути, ведущие туда, где человек достигает уже как бы отдыха и предела своего странствия?

– Ты, любезный Главкон, уже не будешь в состоянии следить за моей мыслью, хотя с моей стороны не было бы недостатка в готовности и ты увидел бы уже не образ того, о чем мы говорим, а самую истину, какой она мне, по крайней мере, представляется; а действительно ли это истина или нет, этого невозможно достоверно утверждать, а что нечто подобное будет истиной, это следует утверждать. Не так ли?

– Как же иначе?

– А также и то, что сила диалектики одна может открыть ее человеку, знающему то, о чем мы сейчас говорили; никакой другой науке это недоступно.

– И это следует утверждать.

– Никто не усомнится, во всяком случае в наших словах, что какой-то особый метод систематически пытается постигнуть сущность каждой вещи, остальные же науки имеют в виду или человеческие мнения и желания, или возникновение и составление, или заботу о том, что возникло и составилось; те же, о которых мы сказали, что они до известной степени касаются сущего, – геометрия и следующие за ней, – они, как мы видим, только грезят о сущем, наяву же им невозможно его увидеть, пока они, пользуясь гипотезами, оставляют их неприкосновенными, не будучи в состоянии обосновать их. Когда началом чему-нибудь служит неизвестное, конец и середина составляются также из неизвестного, – как подобное допущение может стать когда-нибудь знанием?

– Никак не может.

14. Итак, один только диалектический метод ведет, уничтожая гипотезы, к самому началу, чтобы утвердить его, и око души, зарытое, действительно, как бы в варварскую грязь, он постепенно толкает и поднимает вверх, пользуясь в качестве помощниц и проводниц упомянутыми раньше искусствами. Их мы часто по привычке называли науками, но им надо дать другое имя, которое указывало бы на нечто более ясное, чем мнение, по более смутное, чем наука; где-то раньше мы

называли их рассуждением; спорить об имени, мне кажется, не стоит людям, которым предстоит рассмотреть такие важные вещи.

– Конечно, не стоит.

– Согласимся же, как и раньше, первую часть называть наукой, вторую – рассуждением, третью – верой, четвертую – догадкой и две последние вместе – мнением, а две первые вместе – знанием. Мнение имеет дело со становлением, знание же – с бытием, и как бытие относится к становлению, так знание относится к мнению, и как знание к мнению, так наука – к вере и рассуждение – к догадке; а соотношение между собой того, к чему они относятся, представимого и познаваемого, и разделение того и другого на две части мы оставим, Главкон, чтобы такое деление не завлекло нас в еще более длинные рассуждения, чем предшествовавшие.

– Я согласен со всем, поскольку я мог усмотреть.

– Значит, ты называешь диалектиком человека, ищущего объяснения сущности каждой вещи! У кого такого объяснения нет, поскольку он не в состоянии отдать отчета себе и другим, постольку ты будешь отрицать за ним знание в этом отношении?

– Как же не отрицать?

– Не так же ли и относительно добра? О том, кто не может на словах определить идею добра, выделив ее среди всего другого, и кто, как бы в битве, отражая всякие опровержения и стремясь доказать свое мнение не при помощи того, что кажется, но того, что есть, не выйдет из всего того с непоколебимым убеждением, – о таком человеке ты скажешь, что он не знает ни самого добра, ни вообще чего-нибудь доброго. Если он уловит какой-нибудь образ его, то лишь в силу мнения, а не знания; ты скажешь, что он проводит эту жизнь в снах и грезах и раньше, чем проснуться здесь, придет в обитель Аида, чтобы там окончательно заснуть.

– Конечно, я непременно все это скажу.

– Ты не допустил бы, надеюсь, чтобы твои дети, которых ты теперь воспитываешь и учишь на словах, если бы ты когда-нибудь воспитывал их на самом деле, чтобы они имели власть в городе и распоряжались важнейшими делами, будучи бессловесны, как начерченные линии?

– Нет.

– Не установил ли бы ты закон, чтобы они получали главным образом такое воспитание, чтобы уметь как можно лучше задавать вопросы и отвечать?

– Установил бы вместе с тобой.

– Не кажется ли тебе, что диалектика, как ключевой камень, стоит наверху всех наук и никакой нельзя поставить выше ее, но что здесь уже их завершение?

– Кажется.

16. Итак, счисление и геометрию и все подготовительные науки, которые надо преподавать до диалектики, следует предлагать детям, но способ преподавания не должен быть насильственным.

– Почему?

– Потому, что ни одну науку свободный человек не должен изучать, как раб. Телесные упражнения, выполняемые даже против воли, нисколько не вредят телу, в душе же никакая насильственная наука не остается прочно.

– Правда.

– Поэтому не насильственно преподавай, милейший, детям науки, а посредством игры; тогда ты лучше увидишь, кто к чему склонен.

– То, что ты говоришь, довольно убедительно.

– Ты ведь помнишь, мы говорили, что детей надо водить и на войну, на конях, в качестве зрителей, а если не представляется опасности, то подводить близко и давать им отведать крови, как щенкам.

– Помню.

– И каждый, кто во всех этих трудах, науках и опасностях окажется впереди других, должен быть выделен.

– В каком возрасте?

– Когда они освободятся от необходимых гимнастических упражнений, так как в это время – длится ли оно два или три года – они не в состоянии заниматься ничем другим; утомление и сон враждебны учению; но в то же время и это немаловажное испытание, каким кто окажется в гимнастических упражнениях.

– Конечно.

– А после этого избранные из двадцатилетних получают большие почести, чем другие, и науки, преподававшиеся детям без системы, для них должны быть систематизированы, чтобы они могли обозреть их взаимное родство и природу сущего.

– Да, только такое учение будет прочно у всякого, кто его усвоит.

– И кроме того, это лучшее испытание, диалектик ли данный человек по природе или нет. Тот, кто в состоянии так обозреть науки с одной точки зрения, – диалектик, кто не в состоянии, – не диалектик.

– Я согласен с тобой.

– Тебе придется, сказал я, следить, кто из них окажется способным к этому, а также стойким в научных занятиях, стойким на войне и во всем, предписанном законами; таких ты должен будешь после тридцати лет выделить из избранных и дать им еще большие почести; ты должен будешь, испытывая их посредством диалектики, смотреть, кто из них способен, отрешившись от зрения и других чувств, в союзе с истиной

---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
 обратиться к самому бытию. Здесь, мой друг, необходима большая осторожность.

- Почему же?
- Разве ты не замечаешь, какая большая беда постигла нынешнюю диалектику?
- Какая?
- Что диалектики полны беззакония? Даже очень.
- Ты считаешь, что с ними происходит что-то непонятное, и не оправдываешь их?
- Почему же их оправдывать?
- Если бы, например, какой-нибудь подкидыш был воспитан в богатом и знатном доме среди многочисленных льстецов и, выросши, узнал бы, что он не происходит от тех, которые называют себя его родителями, а своих настоящих родителей не нашел бы, можешь ты себе представить, как бы он относился к льстецам и к приемным родителям, пока не знал об обмане и после того, как узнал бы? Или ты хочешь слышать, как я себе это представляю?
- Хочу.

17. Я думаю, что он больше уважал бы приемного отца и мать и других своих мнимых родственников, чем льстецов, больше заботился бы, чтобы они не терпели ни в чем недостатка, меньше делал и говорил бы им чего-либо противного законам и больше бы повиновался им в важных вещах, чем льстецам, пока не узнал бы истины.

- Вероятно.
- А после того как он узнает истину, я думаю, его почтение к ним и заботы уменьшатся, и, напротив, усилятся эти чувства по отношению к льстецам. Он будет подчиняться им гораздо больше, чем раньше, будет жить по их указаниям, открыто общаясь с ними, а своего прежнего мнимого отца и других мнимых родственников – если только у него не окажется исключительно хорошая натура – он не будет ставить ни во что.
- Все, что ты говоришь, очень правдоподобно; но что общего между этим примером и приступающими к рассуждениям?
- Вот что: у нас с детства имеются некоторые мнения о справедливом и прекрасном, под влиянием которых мы воспитывались, как под влиянием родителей, подчиняясь им и уважая их.
- Да.
- Но ведь есть и другой образ жизни, противоположный этому, сулящий много удовольствий; он прельщает нашу душу и влечет к себе, но не убеждает сколько-нибудь разумных; они уважают те отеческие мнения и им подчиняются.
- Так.

— Так вот, если к настроенному таким образом человеку явится Вопрос и спросит, что такое прекрасное, и, когда он ответит то, что привык слышать от законодателя, Разум его опровергнет и, многократно, различным образом опровергая, убедит, что это столь же прекрасно, сколь и постыдно, и также относительно справедливости и добра и всего того, что он особенно чтит, — как ты думаешь, каково будет после этого его уважение к этим вещам и повиновение им?

— Он неизбежно будет уже меньше уважать их и повиноваться им.

— А когда он перестанет считать это уважаемым и родным по-прежнему, а истины не найдет, вероятно ли, чтобы он обратился к какой-нибудь иной жизни, кроме прельщающей его?

— Невероятно.

— И окажется, я думаю, что из человека, живущего согласно с законом, он станет беззаконным.

— Неизбежно.

— Это — естественное состояние тех, кто так приступает к рассуждениям, и, как я только что сказал, они заслуживают снисхождения.

— И даже жалости.

— А для того чтобы тебе не пришлось жалеть тридцатилетних людей, не следует ли с большой осторожностью приступать к рассуждениям?

— Да, с очень большой.

— Не заключается ли один из видов этой осторожности, который надо постоянно соблюдать, в том, чтобы не позволять детям приобретать вкус к рассуждениям? Я думаю, ты замечал, что мальчики, впервые отведав рассуждений, злоупотребляют ими, как игрой, всегда пользуясь ими для противоречия; подражая обличителям, они сами обличают других, находя, подобно щенкам, удовольствие в том, чтобы в разговоре тянуть и рвать каждого встречного.

— Как же.

— А опровергнув многих и сами будучи опровергнуты многими, они очень быстро впадают в такое состояние, что перестают верить в то, во что раньше верили; вследствие этого и они сами и все, имеющие отношение к философии, приобретают у других дурную славу.

— Правда.

— А более взрослый человек не захочет участвовать в таком безрассудстве; он будет более подражать желающему заниматься диалектикой и познать истину, чем забавляющемуся и противоречащему ради игры; и сам он будет сдержаннее и занятие это сделает более уважаемым, а не менее.

- Ты правильно говоришь.
- Не ради этой ли осторожности сказано и все то, что мы говорили раньше, что к рассуждениям должны быть допущены только скромные и стойкие натуры, не так, как это бывает теперь, когда любой человек, часто даже совершенно непригодный, берется за них.
- Конечно.

Аристотель

ПОЛИТИКА

Книга VIII

1

1. Вряд ли кто будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этот предмет находится в пренебрежении, и самый государственный строй терпит оттого ущерб. Ведь для каждой формы государственного строя соответственное воспитание – предмет первой необходимости: каждая форма государственного строя отличается присущим ей характером, который обыкновенно и служит к сохранению самого строя и определяет его изначала, как, например, демократический характер строя – демократию, олигархический – олигархию. И всегда наилучший характер государственного строя обуславливает собой и более высокую его форму.

2. Далее, все (прирожденные) способности (человека), всякое практическое применение их для соответственной каждой из них работы нуждаются в предварительном воспитании и в предварительном приноравливании. Очевидно, все это необходимо и для проявления деятельности в духе добродетели. А так как все государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то, ясно, для всех граждан нужно тождественное воспитание, и забота об этом воспитании должна быть заботою государственною, а не делом частной инициативы. Теперь всякий печется о воспитании своих детей по-своему, каждый и учит их по-своему, как ему вздумается. На деле же то, что имеет в виду общий интерес, должно быть и делается сообща. Не следует, сверх того, думать, будто каждый гражданин – сам по себе; нет, все граждане принадлежат государству, потому что каждый из них является частицей государства. А забота о каждой частице, естественно, должна иметь в виду попечение о всем целом, вместе взятом.

3. В этом отношении можно одобрить лакедемонян: они прилагают очень большие заботы о воспитании детей, и оно носит у них общегосударственный характер. Итак, ясно, должны существовать узаконения, касающиеся воспитания, и последнее должно быть общим.

Но нельзя оставить без внимания и того, что вообще представляет собою воспитание и как оно должно быть организовано. В настоящее время на этот счет существуют различные точки зрения: не все согласны в том, нужно ли вести обучение молодых людей в целях воспитать в них добродетель, или же (вести это воспитание так), чтобы молодые люди могли достигнуть наибольшего счастья; не выяснено также и то, на что нужно обращать при воспитании преимущественное внимание, на развитие ли интеллектуальных способностей, или на развитие нравственных качеств.

4. Вследствие такой неустойчивости во взглядах на современное воспитание и обсуждение связанных с ним вопросов является сумбурным, и остается совершенно невыясненным – нужно ли развивать в детях те их душевные свойства, которые им не пригодятся в практической жизни, или те, которые имеют в виду добродетель, или, наконец, те, что ведут к высшему отвлеченному знанию. Каждый из приведенных здесь взглядов имеет своих защитников. Не пришли также ни к какому соглашению и насчет того, что же ведет к добродетели. Так как далеко не все ценят одну и ту же добродетель, то – логическое отсюда следствие – разногласят и в вопросе, касающемся ее применения на практике. [...]

2

1. Совершенно очевидно, что из числа полезных (в житейском обиходе) предметов должны быть изучаемы те, которые действительно необходимы, но не все без исключения. Так как все занятия людей разделяются на такие, которые приличны для свободнорожденных людей, и на такие, которые свойственны несвободным, то, очевидно, из первого рода занятий должно участвовать лишь в тех, которые не обратят человека, занимающегося ими, в ремесленника. Ремесленными же нужно считать такие занятия, такие искусства и такие предметы обучения, которые делают физические, психические и интеллектуальные силы свободнорожденных людей непригодными для применения их к добродетели и для связанной с нею деятельности. Оттого-то мы и называем ремесленными такие искусства и занятия, которыми ослабляются физические силы. Это те работы, которые исполняются за плату; они отнимают досуг для развития интеллектуальных сил человека и принижают их.

2. И из числа «свободных» наук свободнорожденному человеку можно изучать некоторые только до известных пределов; чрезмерно же налегать на них, с тем чтобы изучить их во всех деталях, причиняет указанный выше вред. Большая разница существует в том, для какой цели всякий что-нибудь делает или изучает. Если это совершается в личных интересах или в интересах друзей, или, наконец, в интересах добродетели, то оно достойно свободнорожденного человека; но поступать точно таким

же образом в интересах чужих зачастую может оказаться поведением, свойственным наемнику и рабу. Распространенные ныне предметы обучения, как уже замечено выше, носят двойственный характер.

3. В настоящее время обычными предметами обучения являются следующие четыре: грамматика, гимнастика, музыка и иногда рисование. Из них грамматика и рисование изучаются как предметы, полезные в житейском обиходе и часто имеющие практическое применение; гимнастикой занимаются потому, что она способствует развитию мужества. Что касается музыки, то может, пожалуй, возникнуть сомнение (в пользу ее изучения), так как теперь большею частью занимаются музыкою только ради удовольствия. Но предки наши поместили музыку в число общеобразовательных предметов потому, что сама природа, как на это было указываемо неоднократно, стремится доставить нам возможность не только правильно направлять нашу деятельность, но и прекрасно пользоваться нашим досугом. А последний – мы снова подчеркиваем это – служит основным принципом всей нашей деятельности.

4. Если же необходимы и деятельность и досуг, и досуг должен быть в значительной степени предпочтен деятельности, то возникает вопрос, чем досуг этот нужно заполнить. Конечно, не игрой же, так как в таком случае она неизбежно оказалась бы конечною целью нашей жизни. Раз это невозможно, то играм должно скорее уделить место среди нашей деятельности: ведь трудящемуся человеку потребен отдых, а игра и существует ради отдохновения, деятельность же всякого рода влечет за собою напряженный труд. Поэтому игры должны иметь свое место, но при этом, назначая время игр, нужно пользоваться удобным для того моментом, так как они служат своего рода лекарством: движение при играх ведет к успокоению души и благодаря тому, что с игрою связано и развлечение, оно содействует ее отдохновению.

5. Но досуг, очевидно, включает уже в самом себе и наслаждение, и блаженство, и счастливую жизнь, и все это выпадает на долю не занятых людей, а людей, пользующихся досугом. Делаящий что-либо делает это ради чего-либо, так как цель им еще не достигнута, между тем как счастье само по себе есть цель, и оно соединяется в представлении всех людей не с горем, но с наслаждением. Однако это наслаждение не все еще признают тождественным для всех; каждый определяет наслаждение в соответствии со своей индивидуальностью и присущими ей свойствами; наилучший человек предпочитает, конечно, наилучшее наслаждение, то, которое проистекает из наилучших его свойств. Отсюда ясно, что для умения пользоваться досугом в жизни нужно кое-чему научиться, кое в чем воспитаться и что как это воспитание, так и это обучение включает цель

в самих себе, между тем как то обучение, которое признается необходимым для применения его к деловой жизни, имеет в виду другие цели.

6. Поэтому-то и наши предки поместили музыку в число общеобразовательных предметов, не как предмет необходимый (никакой настоящей необходимости в обучении музыке нет) и не как предмет общепользительный вроде грамотности, которая нужна и для ведения денежных дел, и для домоводства, и для научных занятий, и для многих отраслей государственной деятельности. И рисование также, очевидно, изучается потому, что оно приносит пользу при лучшей критической оценке художественных произведений, как, в свою очередь, гимнастика служит к укреплению здоровья и развитию физических сил. Ничего подобного занятия музыкой не дают. Поэтому остается принять одно, что она служит для заполнения нашего досуга и с этою-то целью она, очевидно, и введена в обиход воспитания. В самом деле (те, кто вводит музыку в число предметов воспитания), полагают, очевидно, что она служит интеллектуальным развлечением свободнорожденных людей. Поэтому-то и Гомер выразился так: «Только его одного приглашать надлежит к богатому пиру»; он говорит также и о других, кого следует приглашать, и продолжает: «Кто приглашает певца, который всех услаждает». В другом месте Одиссей говорит, что наилучшим времяпрепровождением бывает такое, когда среди веселящихся людей «гости в домах по чину сидят, песнопевцу внимая».

3

1. Итак, ясно, имеется и такого рода воспитание, которое родители должны давать своим сыновьям не потому, чтобы оно было практически полезно или необходимо для них, но потому, что оно достойно свободнорожденного человека и само по себе прекрасно. Входит ли в круг этого воспитания один предмет или их несколько, и каковы они, и как (они должны быть поставлены), о всем этом мы скажем впоследствии. Теперь же из наших предварительных указаний достаточно выяснилось, что уже древние свидетельствуют в пользу нашего мнения об обычных предметах воспитания; музыка подтверждает это и с фактической стороны. Сверх того, (в пользу нашего мнения говорит следующее): детей следует обучать общепользительным предметам не только в интересах получаемой от этого пользы – таково, например, обучение грамоте, но и потому, что благодаря этому обучению возможно бывает сообщить им целый ряд других сведений.

2. Так обстоит дело с рисованием: и его изучают не ради того, чтобы не впасть в ошибку при своих собственных покупках или чтобы не подвергнуться обману при покупке и продаже домашней утвари, но рисование изучают потому, что оно развивает глаз при определении физической красоты. Вообще, искать повсюду лишь одной пользы всего

справедливости, ремесленников. Они делают детей полезными только для разрешения одной из задач, связанных с ролью человека в государстве, но и в этом отношении, как показывают наши соображения, они поступают хуже других. Судить о всем этом нужно не по фактам прошлого, а по фактам настоящего: теперь у лакедемонян есть соперники по части гимнастического воспитания, а ранее у них таких соперников не было.

Плутарх

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Ликург

XIV. Начиная воспитание, в котором он видел самое важное и самое прекрасное дело законодателя, издавелека, Ликург сперва обратился к вопросам брака и рождения детей. Аристотель не прав, утверждая, будто Ликург хотел было вразумить и наставить на истинный путь женщин, но отказался от этой мысли, не в силах сломить их своеволие и могущество — следствие частых походов, во время которых мужья вынуждены бывали оставлять их полными хозяйками в доме, а потому и оказывали им уважение большее, чем следовало, и даже называли «госпожами». Нет, Ликург в меру возможности позаботился и об этом. Он укрепил и закалил девушек упражнениями в беге, борьбе, метании диска и копья, чтобы и зародыш в здоровом теле с самого начала развивался здоровым, и сами женщины, рожая, просто и легко справлялись с муками. Заставив девушек забыть об изнеженности, баловстве и всяких женских прихотях, он приучил их не хуже, чем юношей, нагими принимать участие в торжественных шествиях, плясать и петь при исполнении некоторых священных обрядов на глазах у молодых людей. Случалось им и отпускать остроты, метко порицая провинности, и воздавать в песнях похвалы достойным, пробуждая в юношах ревнивое честолюбие. Кто удостоивался похвалы за доблесть и приобретал известность у девушек, удалялся, ликуя, а колкости, даже шуточные и остроумные, жалили не менее больно, чем строгие внушения: ведь поглядеть на это зрелище вместе с остальными гражданами приходили и цари и старейшины. При этом нагота девушек не заключала в себе ничего дурного, ибо они сохраняли стыдливость и не знали распущенности, напротив, она приучала к простоте, к заботам о здоровье и крепости тела, и женщины усваивали благородный образ мыслей, зная, что и они способны приобщиться к доблести и почету. Оттого и приходили к ним слова и мысли, подобные тем, какие произнесла, говорят, однажды Горго, жена Леонида. Какая-то женщина, видимо, чужестранка, сказала ей: «Одни

Зимой к тростнику подбрасывали и примешивали так называемый ликофон. Считалось, что это растение обладает какою-то согревающей силой.

XVII. В этом возрасте у лучших юношей появляются возлюбленные. Усугубляют свой надзор и старики: они посещают гимнасии, присутствуют при состязаниях и словесных стычках, и это не забавы ради, ибо всякий считает себя до некоторой степени отцом, воспитателем и руководителем любого из подростков, так что всегда находилось, кому вразумить и наказать провинившегося. Тем не менее из числа достойнейших мужей назначается еще и педоном – надзирающий за детьми, а во главе каждого отряда сами подростки ставили одного из так называемых иренов – всегда наиболее рассудительного и храброго (иренами зовут тех, кто уже второй год как возмужал, меллиренами – самых старших мальчиков). Ирен, достигший двадцати лет, командует своими подчиненными в драках и распоряжается ими, когда приходит пора позаботиться об обеде. Большим он дает наказ принести дров, малышам – овощей. Все добывается кражей: одни идут на огороды, другие с величайшей осторожностью, пуская в ход всю свою хитрость, пробираются на общие трапезы мужей. Если мальчишка попадался, его жестоко избивали плетью за нерадивое и неловкое воровство. Крали они и всякую иную провизию, какая только попадалась под руку, учась ловко нападать на спящих или зазевавшихся караульных. Наказанием попавшимся были не только побои, но и голод: детей кормили весьма скудно, чтобы, перенося лишения, они сами, волей-неволей, понаторели в дерзости и хитрости. Вот какое воздействие оказывала скудость питания; впрочем, как говорят, действовала она и еще в одном направлении – увеличивала рост мальчиков. Тело вытягивается в высоту, когда дыхание не стеснено слишком утомительными трудами и, с другой стороны, когда тяжкий груз пищи не гонит его вниз и вширь, напротив, когда в силу своей легкости дух устремляется вверх; тогда-то человек и прибавляет в росте легко и быстро.

Так же, по-видимому, создается и красота форм: худоба, сухощавость легче сообразуется с правильным развитием членов тела, грузная полнота противится ему. Поэтому, бесспорно, и у женщин, которые, нося плод, постоянно очищают желудок, дети рождаются худые, но миловидные и стройные, ибо незначительное количество материи скорее уступает формирующей силе. Однако более подробно причины этого явления пусть исследуют желающие.

XVIII. Воруя, дети соблюдали величайшую осторожность; один из них, как рассказывают, украв лисенка, спрятал его у себя под плащом, и, хотя зверек разорвал ему когтями и зубами живот, мальчик, чтобы скрыть свой поступок, крепился до тех пор, пока не умер. О достоверности

этого рассказа можно судить по нынешним эфебам: я сам видел, как не один из них умирал под ударами у алтаря Ортии.

Закончив обед, ирен кому приказывал петь, кому предлагал вопросы, требующие размышления и сообразительности, вроде таких, как: «Кто лучший среди мужей?» или «Каков поступок такого-то человека?» Так они с самого начала жизни приучались судить о достоинствах сограждан, ибо, если тот, к кому был обращен вопрос: «Кто хороший гражданин? Кто заслуживает порицания?», не находил, что ответить, это считали признаком натуры вялой и равнодушной к добродетели. В ответе полагалось назвать причину того или иного суждения и привести доказательства, облекши мысль в самые краткие слова. Того, кто говорил невпопад, не обнаруживая должного усердия, ирен наказывал – кусал за большой палец. Часто ирен наказывал мальчиков в присутствии стариков и властей, чтобы те убедились, насколько обоснованны и справедливы его действия. Во время наказания его не останавливали, но, когда дети расходились, он держал ответ, если кара была строже или, напротив, мягче, чем следовало.

И добрую славу и бесчестье мальчиков разделяли с ними их возлюбленные. Рассказывают, что когда однажды какой-то мальчик, схватившись с товарищем, вдруг испугался и вскрикнул, власти наложили штраф на его возлюбленную. И хотя у спартанцев допускалась такая свобода в любви, что даже достойные и благородные женщины любили молодых девушек, соперничество было им незнакомо. Мало того, общие чувства к одному лицу становились началом и источником взаимной дружбы влюбленных, которые объединяли свои усилия в стремлении привести любимого к совершенству.

XIX. Детей учили говорить так, чтобы в их словах едкая острота смешивалась с изяществом, чтобы краткие речи вызвали пространные размышления. Как уже сказано, Ликург придал железной монете огромный вес и ничтожную ценность. Совершенно иначе поступил он со «словесной монетою»: под немногими скупыми словами должен был таиться обширный и богатый смысл, и, заставляя детей подолгу молчать, законодатель добивался от них ответов метких и точных. Ведь подобно тому как семя людей, безмерно жадных до соитий, большею частью бесплодно, так и несдержанность языка порождает речи пустые и глупые. Какой-то афинянин насмеялся над спартанскими мечами – так-де они коротки, что их без труда глотают фокусники в театре. «Но этими кинжалами мы отлично достаем своих врагов», – возразил ему царь Агид. Я нахожу, что речь спартанцев при всей своей внешней краткости отлично выражает самую суть дела и остается в сознании слушателей.

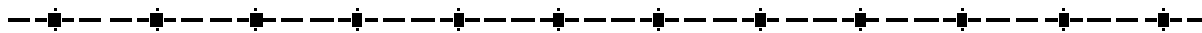
---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
 пенью соловья. «Я слышал самого соловья», – отказался тот. Другой спартанец, прочтя эпиграму: «Те, кто пожар тирании тушить попытались, погибли; Медный Арес их настиг у селинутских ворот», заметил: «И поделом: надо было дать ей сгореть дотла». Какой-то юноша сказал человеку, обещавшему дать ему петухов, которые бьются до последнего издыхания: «Оставь их себе, а мне дай таких, что бьют противника до последнего издыхания». Еще один юноша, увидев людей, которые опорожняли кишечник, сидя на стульчаке, воскликнул: «Хоть бы никогда не довелось мне сидеть на таком месте, которое невозможно уступить старику!». Таковы их изречения и памятные слова, и не без основания утверждают некоторые, что подражать лаконцам – значит прилежать душою скорее к философии, нежели к гимнастике.

XXII. Пению и музыке учили с не меньшим тщанием, нежели четкости и чистоте речи, но и в песнях было заключено своего рода жало, будившее мужество, нечто, увлекавшее душу восторженным порывом к действию. Слова их были просты и безыскусны, предмет – величав и нравоучителен. То были в основном прославления счастливой участи павших за Спарту и укоры трусам, обреченным влачить жизнь в ничтожестве, обещания доказать свою храбрость или – в зависимости от возраста певцов – похвальба ею. Нелишним будет поместить здесь для примера одну из подобных песен. В праздничные дни составлялись три хора – стариков, мужей и мальчиков. Старики запевали:

Когда-то были мы могучи и сильны
 Мужи в расцвете сил подхватывали:
 А мы сильны теперь – коль хочешь, испытай!
 А мальчишки завершали:
 Но скоро станем мы еще сильнее вас.

Вообще, если кто поразмыслит над творениями лаконских поэтов, из которых иные сохранились до наших дней, и восстановит в памяти походные ритмы мелодий для флейты, под звуки которой спартанцы шли на врага, тот, пожалуй, признает, что Терпандр и Пиндар были правы, находя связь между мужеством и музыкой. Первый говорит о лакедемонянах так:

Юность здесь пышно цветет, царит здесь звонкая Муза,
 Правда повсюду живет...
 А Пиндар восклицает:
 Там старейшин советы;
 Копья юных мужей в славный вступают бой,

Там хороводы ведут Муза и Красота. И тот и другой изображают спартанцев одновременно и самым музыкальным и самым воинственным народом.

Кифары звук мечу не станут уступать, – сказал спартанский поэт. Недаром перед битвой царь приносил жертву Музам для того, мне кажется, чтобы воины, вспомнив о воспитании, которое они получали, и о приговоре, который их ждет, смело шли навстречу опасности и совершали подвиги, достойные сохраниваться в речах и песнях.

XXIII. Во время войны правила поведения молодых людей делались менее суровыми: им разрешалось ухаживать за своими волосами, украшать оружие и платье, наставники радовались, видя их подобными боевым коням, которые гордо и нетерпеливо пританцовывают, фыркают и рвутся в сражение. Поэтому, хотя следить за волосами мальчики начинали, едва выйдя из детского возраста, особенно старательно их умачали и расчесывали накануне опасности, памятуя слово Ликурга о волосах, что красивых они делают еще благовиднее, а уродливых – еще страшнее. В походах и гимнастические упражнения становились менее напряженными и утомительными, да и вообще в это время с юношей спрашивали менее строго, чем обычно, так что на всей земле для одних лишь спартанцев война оказывалась отдыхом от подготовки к ней.

Когда построение боевой линии заканчивалось, царь на глазах у противника приносил в жертву козу и подавал знак всем увенчать себя венками, а флейтистам приказывал играть Касторов напев и одновременно сам затягивал походный пеан. Зрелище было величественное и грозное: воины наступали, шагая сообразно ритму флейты, твердо держа строй, не испытывая ни малейшего смятения – спокойные и радостные, и вела их песня. В таком расположении духа, вероятно, ни страх, ни гнев над человеком не властны; верх одерживают непоколебимая стойкость, надежда и мужество, словно даруемые присутствием божества. Царь шел на врага в окружении тех из своих людей, которые заслужили венок победою на состязаниях. Рассказывают, что на Олимпийских играх одному лаконцу давали большую взятку, но он отказался от денег и, собрав все свои силы, одолел противника. Тогда кто-то ему сказал: «Что тебе за выгода, спартанец, от этой победы?». «Я займу место впереди царя, когда пойду в бой», – улыбаясь ответил победитель.

Разбитого неприятеля спартанцы преследовали лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы закрепить за собою победу а затем немедленно возвращались, полагая неблагородным и противным греческому обычаю губить и истреблять прекративших борьбу. Это было не только прекрасно и великодушно, но и выгодно: враги их, зная, что они

убивают сопротивляющихся, но щадят отступающих, находили более полезным для себя бежать, чем оставаться на месте.

XXIV. Воспитание спартанца длилось и в зрелые годы. Никому не разрешалось жить так, как он хочет; точно в военном лагере, все в городе подчинялись строго установленным порядкам и делали то из полезных для государства дел, какое им было назначено. Считая себя принадлежащими не себе самим, но отечеству, спартанцы, если у них не было других поручений, либо наблюдали за детьми и учили их чему-нибудь полезному, либо сами учились у стариков. Ведь одним из благ и преимуществ, которые доставил согражданам Ликург, было изобилие досуга. Заниматься ремеслом им было строго-настрого запрещено, а в погоне за наживой, требующей бесконечных трудов и хлопот, не стало никакой надобности, поскольку богатство утратило всю свою ценность и притягательную силу. Землю их возделывали илоты, внося назначенную подать. Один спартанец, находясь в Афинах и услышав, что кого-то осудили за праздность и осужденный возвращается в глубоком унынии, сопровождаемый друзьями, тоже опечаленными и огорченными, просил окружающих показать ему человека, которому свободу вменили в преступление. Вот до какой степени низким и рабским считали они всякий ручной труд, всякие заботы, сопряженные с наживой! Как и следовало ожидать, вместе с монетой исчезли и тяжбы; и нужда и чрезмерное изобилие покинули Спарту, их место заняли равенство достатка и безмятежность полной простоты нравов. Все свободное от военной службы время спартанцы посвящали хороводам, пирам и празднествам, охоте, гимназиям и лесхам.

Марк Фабий Квинтилиан

О ВОСПИТАНИИ ОРАТОРА

Книга первая

Глава I

Первоначальное воспитание детей до поступления их в школу

Как только родится сын, отец должен с того же самого времени возложить на него самые лучшие надежды. Это сделает его более заботливым с самого начала. Ведь мы несправедливо жалуемся, будто бы природа весьма немногим людям дала способность к наукам и будто бы большинство, по своему тупоумию, напрасно тратит труд и время. Напротив, мы найдем немало число людей восприимчивых и способных к учению. Это заключается в природе человека: как от природы дано птицам летать, коням бегать, диким зверям быть свирепыми, так нам

горечь, не страшился ее и в зрелом возрасте. Учение должно быть для него забавою; надо поощрять его то просьбами, то похвалами, доводить его до того, чтобы он радовался, когда что-нибудь выучит, и завидовал, когда станут учить другого, если сам вздумает полениться; чтобы соперничал в успехах со своими сверстниками и часто считал себя победителем; для этого не лишни и награды, которые для этого возраста бывают заманчивы.

Я не могу одобрить обыкновения заставлять детей заучивать названия и порядок букв, не показав им прежде начертания или вида их. Это мешает успеху, потому что, зная наизусть буквы, они меньше внимания обращают на вид их, чем на то, что уже у них в памяти; по этой причине учащие должны не всегда показывать им буквы в обыкновенном, но иногда и в обратном и в различном порядке, пока учащиеся не станут различать их по виду, а не по порядку, подобно тому как различают людей и по лицу и по имени. Но в отношении слогов или складов надо поступать иначе.

Я не осуждаю известного способа заохочивать детей к учению, т. е. давать им вместо игрушки буквы, сделанные из слоновой кости, или что-нибудь другое, чем бы ребенок мог заняться с удовольствием.

Когда же дети начнут учиться письму, то не худо бы давать им дощечки с искусно вырезанными на них буквами, чтобы по черточкам, как по бороздкам, ходил стиль; удерживаемый с обеих сторон, он бы не скользил, как бывает на воску, и дитя путем постоянного подражания научится писать тверже и чище. Тут не нужна и помощь учителя, который водил бы его рукою. Писать скоро и чисто – дело немаловажное, хотя о нем не заботятся иногда достойные люди. Так как среди других занятий письмо составляет особенное упражнение, от которого только и получается истинный и прочный успех, то медленность в этом деле много вредит живости ума, а дурной и неисправный почерк затмевает смысл; от этого происходит новый труд, так как нужно самому пересказать снова то, что понадобится переписать ...

Глава II

Лучше ли учить детей дома или следует отдавать в училища?

Представим, что дитя мало-помалу подросло и, выйдя из-под надзора нянек, должно заняться уже настоящим учением. Здесь следует обсудить вопрос: полезнее ли обучать мальчика дома, в семейном кругу, или же лучше посылать его в училище и поручать заботам общественных наставников? Знаю, что самые знаменитые законодатели и выдающиеся писатели высказались за общественное воспитание. Но нельзя, однако, обойти молчанием, что некоторые отвергают этот почти всеобщий обычай.

Они основывают свое мнение на двух обстоятельствах: во-первых, на том, что нравственность детей будет в большей безопасности вне толпы товарищей одного возраста, весьма склонного к порокам (о, если бы этот упрек был неоснователен!); во-вторых, на том, что учитель, каков бы он ни был, будет больше времени заниматься одним учеником, чем многими. Первая причина весьма важна, так как, если бы стало известно, что в училищах хотя и приобретаются большие успехи, но зато портится нравственность, я охотно предпочел бы поведение самому высшему красноречию.

Говорят, что в училищах портится нравственность. Это случается иногда, но она портится и в родительском доме, как это подтверждается многими примерами. Природные склонности и заботливость составляют всю разницу. Если дитя от природы склонен к дурному, если об исправлении его не будут заботиться в юные годы, то он найдет не менее случаев к порокам и без училищных товарищей. Может попасться в дом порочный учитель; пребывание среди испорченных рабов может повредить столько же, сколько между нескромными товарищами. А если дитя имеет доброе сердце, если родители чужды слепой и непробудной беспечности, то можно найти и вполне достойного учителя (и это первая забота благоразумных людей) и приучать питомца к строгому порядку и, сверх того, приставить к нему умного и усердного надзирателя или верного отпущенника, который бы безотлучно находился при нем и удержал бы от худого поведения даже и тех, общество которых казалось бы нам подозрительным.

Говорят также, что учитель, имея у себя одного ученика, займется им гораздо больше времени. Но, во-первых, никто не мешает определить особенного наставника к обучающемуся в школе. Но если бы этого и невозможно было сделать, то все-таки лучше предпочесть, по моему мнению, торжественность общественного и благоустроенного собрания уединенности и безызвестности частных домов. Ведь всякий хороший учитель желает иметь как можно больше слушателей и считает себя достойным более обширного поприща!; А человек посредственных способностей, чувствуя свою слабость, не пренебрегает местом и в частном доме, а иногда и должностью дядьки. Но положим, что кто-нибудь или благодаря своей знатности, богатству, или по дружбе нашел для себя ученого и превосходного учителя: да может ли он целый день быть при своем ученике? И внимание учащегося может ли не утомиться от постоянного напряжения, как утомляется глаз, слишком долго устремленный на один предмет? Притом же для некоторых занятий требуется уединение. Например, при заучивании уроков, при письме,

при размышлении не нужно присутствия учителя; в таких случаях и учитель, и всякий посторонний человек может служить помехой. Также не всякое чтение и не всегда требует помощи наставника. А без чтения как приобрести сведения о многих писателях? Итак, для назначения занятий на целый день требуется немного времени, и потому преподаваемое одному ученику может относиться и к другим, в каком бы числе они ни были. Есть еще предметы, которые должны предлагаться всем вместе. Я не говорю о задачах для сочинений и декламациях учителей риторики; как известно, это делается для одного таким же порядком, как и для большего количества учеников; Голос учителя не уменьшается, как обед, от числа участвующих, но действует на каждого, как солнце с одинаковым светом и теплотой. Когда учитель грамматической школы рассуждает о языке, разрешает недоумения, объясняет стихотворца или историка, он обучает всему этому, сколько бы ни было слушателей.

Но, возразят мне, при большом числе учеников не останется времени пересмотреть и исправить упражнения каждого; Я не отрицаю этого неудобства; но в чем оно не встречается? Сравним только с ним и выгоды. Я и сам не советую посылать мальчика в такое училище, где не было бы за ним присмотра. Да и благоразумный учитель не обременит себя излишним количеством учеников; больше всего следует стараться сделать его особенным нам другом, чтобы он при учении руководился не одним долгом, но и расположением к нашему дому. Таким образом, наше дитя не будет забыто в толпе. Притом же всякий сколько-нибудь просвещенный наставник, заметив в ученике прилежание и способность, обратит на него внимание и для собственной своей чести. Впрочем, хотя бы и следовало осуждать многолюдные училища (с чем, однако, я не совсем согласен, если это многолюдство происходит от достоинств наставника), но из этого не следует, чтобы нужно было осуждать все вообще училища. Ведь одно дело – избегать и другое – выбирать.

Сказав кое-что в опровержение тех лиц, которые не одобряют общественных училищ, предложим и наше собственное мнение. Во-первых, будущий оратор, который предназначается для многолюдных собраний и который будет жить как бы пред лицом целого государства, должен с самых юных лет привыкать не страшиться многолюдства и преодолевать ту застенчивость, которая происходит от уединенной и как бы затворнической жизни. Следует постоянно возбуждать и возвышать дух; вместо того он в уединении или слабеет и как бы остается в тени, или, напротив, становится гордым пустой самонадеянностью, потому что тот, кто себя ни с кем не сравнивает, по необходимости слишком много о себе

думает. Когда приходится ему потом показать свои знания пред другими людьми, он приходит в замешательство, и все новое затрудняет его, потому что он учился в уединении тому, что следует делать в присутствии многих.

Я не говорю о детских дружественных связях, которые ненарушимо сохраняются до самой старости, как священные обязательства. Они, без сомнения, должны быть таковыми, так как начинаются вместе с учением. [...]

Прибавьте, что дома дитя может учиться только тому, чему учат его одного, а в училище узнает и то, чему учат других. Каждый день он будет слышать, почему одно одобряют, а другое исправляют; будут ли бранить ленивого, будут ли хвалить прилежного, все это обратится ему в пользу. Похвала возбудит в нем соревнование; он постыдится уступить равному, сочтет за честь превзойти старшего. Все это возбудит в нем пламенное усердие к учению; честолюбие хотя и порок, но часто бывает причиною достоинств человека. Я помню, как полезен был для нас обычай, какой наблюдали наши учителя: разделивши учеников на разряды, они назначали очередь говорить, смотря по способностям каждого; прежде всего говорил оказавший больше успехов. Об этом составлялись суждения; каждый старался превзойти других. Быть первым в разряде считалось между нами лучшим отличием. Но это определялось не навсегда; в конце месяца вновь давалось каждому право на состязание. Таким образом, в отличившемся поддерживалось усердие, и в побежденных возникала надежда загладить стыд и получить верх в свою очередь. И это, сколько я могу припомнить, придавало нам больше охоты к учению, чем убеждения учителей, наблюдение педагогов и советы родителей.

Подобно тому как соперничество увеличивает успехи старших, так и в начинающих учиться возникает желание подражать более своим товарищам, чем наставнику, потому что первое для них легче. Ведь было бы слишком смело питать надежду достигнуть той степени красноречия, какую предполагают дети в своем учителе. Поэтому они и хватаются за ближайшее к себе, как виноградные лозы, привязанные к деревьям, сперва вьются около ветвей, а потом поднимаются до вершины. Да и сам учитель, который старается быть более полезным, чем блистать умом, не должен вдруг обременять слабые умы, но обязан соразмерять свои силы с умственными силами учащихся. Как небольшие и с узким горлом сосуды не могут принять много воды зараз, а наполняются постепенно, капля за каплей, так следует судить и о детских умах; что превосходит их понятия, то не пойдет в их ум, еще мало способный к усвоению знаний. Итак, полезно иметь кого-нибудь для того чтобы сперва ему подражать, а потом

его превзойти. Таким образом, можно надеяться постепенно достигнуть и больших успехов.

К этому прибавлю еще, что и сами учителя не могут говорить перед одним учеником с таким жаром и силою, какими бывает проникнута их речь в многолюдном собрании. Настоящим очагом красноречия служит душа; для нее нужно возбуждение, нужно, чтобы она наполнялась образами и сливалась, так сказать, с теми предметами, о которых говорим. И чем благороднее и возвышеннее душа, тем сильнее должны быть те двигатели, которые служат для ее возбуждения; поэтому похвала возвышает ее, борьба увеличивает ее силы, и она всегда стремится к великому. Мы чувствуем какое-то тайное отвращение к проявлению пред одним слушателем своего красноречия, которое приобретает такими большими трудами; даже стыдно бывает отступать тогда от обыкновенной речи. И в самом деле, представим себе человека, который пред одним учеником стал бы говорить со всеми ораторскими приемами, громким голосом, с особого рода жестами и произношением, одним словом, со всем напряжением душевных и телесных сил – не покажется ли он похожим на безумного?

Как распознавать способности детей и как обходиться с ними

Благоразумный наставник прежде всего должен узнать свойства ума и характера поручаемого ему ученика. Особенный признак ума в малолетних есть память; ее действие двойное: скоро понимать и не забывать, что поняли. К этому следует прибавить подражание, которое также указывает на способности ребенка, но надо смотреть, чтобы он обращал этот дар на то, чему его учат, а не на то, чтобы живо представлять собою лица, в которых заметит какие-нибудь недостатки. Я не могу быть хорошего мнения о том ребенке, который старается только смешить таким подражанием. Переимчивое дитя должно быть вместе с тем и добрым, а иначе пусть останется лучше с медленным, чем со злым, умом. Но я здесь под именем доброго отнюдь не имею в виду ребенка неразвязного и вялого во всем. Тот, кого я в данном случае представляю себе, без труда должен понимать учение, обращаться иногда и с вопросами, но чаще следовать за учителем, чем предупреждать его. Скороспелые умы, как преждевременные плоды, почти никогда вполне не созревают. Их можно узнать по той легкости, с какой они исполняют незначительные труды; они смелы и на первых же порах обнаруживают то, к чему они способны. Но силы их не обширны: они, например, при чтении легче разбирают слова, произносят их смело и без запинки. Они делают мало, но скоро; тут нет настоящей силы, нет

прочного основания; их можно сравнить с брошенными на самой поверхности земли семенами, которые скоро пускают ростки, но зато дают только похожую на хлеб и пожелтевшую еще до жатвы траву с пустыми колосьями. Правда, такое раннее развитие пленяет нас в детях, но успех их на этом и останавливается, и наше прежнее удивление скоро исчезает.

После таких наблюдений над способностями учащихся учитель замечает, как лучше всего обходиться ему с учениками. Один требует понуждения, другой не терпит строгих приказаний; некоторых сдерживает страх, у других же он отнимает бодрость; иной успевает от постоянного прилежания, другой действует порывами. [...]

Детям, каких бы свойств они ни были, следует давать некоторый отдых не только потому, что нет ничего, что могло бы выдержать непрерывный труд и что даже неодушевленные предметы сохраняют свои силы не иначе, как оставаясь на некоторое время в покое, но и потому, что прилежание зависит от доброй воли, на которую нельзя подействовать принуждением. Таким образом, дети после отдыха охотнее принимаются за учение; ум, которому свойственна свобода, становится бодрее. Я не осуждаю также в детях и любви к играм; это служит проявлением их живости. Напротив, я еще не могу надеяться, что тот задумчивый и всегда угрюмый мальчик, который вял и в играх, наиболее свойственных его возрасту, будет усердно заниматься. Однако при таких роздыхах надо соблюдать меру или середину, чтобы от недостатка их не возникла ненависть к учению, а от излишества – привычка к праздности. Для упражнения детского ума существуют разные забавы: не бесполезно, например, обращаться к ученикам с разными вопросами, на которые бы они старались давать лучшие друг перед другом ответы. Во время игры всего легче распознавать характер детей. Нет возраста, в котором бы так скоро перенималось хорошее и худое; тогда-то и нужно заботиться об исправлении всего дурного, так как дети притворяться еще не умеют и легко поддаются убеждениям. Скорее можно переломить, чем исправить старое дерево. [...]

Я не одобряю обычая подвергать детей телесному наказанию, хотя это почти всеми принято и не отвергается и Хризиппом. Такое наказание мне кажется низким и свойственным только рабам и справедливо считается жестоким оскорблением для всякого другого. Затем дурной ребенок, которого не исправляют выговоры, привыкнет к побоям и будет терпеть их с рабским упрямством. [...] Притом же, если вы думаете розгою, как единственным средством, принудить ребенка к учению, то как вы поступите с юношей, которому вы не можете грозить этим наказанием, а между тем должны учить его гораздо большему.

Тема 2 ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Эразм Роттердамский

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ

В недавние дни, возвращаясь из Италии в Англию и не желая, чтобы время, проводимое на лошади, расточалось в пустых разговорах, чуждых музам и литературе, я либо размышлял о совместных ученых занятиях, либо наслаждался мысленно, вспоминая о покинутых друзьях, столь же ученых, сколь любезных моему сердцу. Между ними и ты, милый Мор, являлся мне в числе первых: вдали от тебя я не менее наслаждался воспоминаниями, нежели, бывало, вблизи – общением с тобою, которое, клянусь, слаще всего, что мне случалось отведать в жизни. И вот я решил заняться каким-нибудь делом, а поскольку обстоятельства не благоприятствовали предметам важным, то и задумал я сложить похвальное слово Глупости. [...]

Глупость говорит:

Глава I

Пусть грубые смертные толкуют обо мне, как им угодно, – мне ведомо, на каком худом счету Глупость даже у глупейших, – все же я дерзаю утверждать, что мое божественное присутствие, и только оно одно, веселит богов и людей. Наилучшее тому доказательство – перед вами: едва взошла я на кафедру в этом многолюдном собрании, как все лица просияли небывалым, необычайным весельем, все подались вперед и повсеместно раздался радостный, ликующий смех. ... Подобно тому как утреннее солнце, показывающее земле свой прекрасный золотой лик, или как ранняя весна, веющая приятными зефирами после суровой зимы, всему сообщают новый цвет и вид и новую юность, так и у вас при взгляде на меня совсем иными сделались лица. В то время как даже великие риторы лишь при помощи длинной, старательно обдуманной речи понуждают вас стряхнуть с души тяжелые заботы, я достигла этого сразу, единым моим появлением. [...]

Глава III

Воистину не забочусь я нисколько о тех любомудрах, которые провозглашают дерзновеннейшим глупцом всякого, кто произносит хвалы самому себе. Ладно, пусть это будет глупо, если уж им так хочется, – лишь бы зазорно не было. Кому, однако, как не Глупости, больше подобает явиться трубачом собственной славы и самой себе подыгрывать на флейте? Кто может лучше изобразить меня, нежели я сама? Разве что тот, кому я известна ближе, нежели себе самой! Сверх того, действуя таким образом, я почитаю себя скромнее большинства великих и мудрых мира сего.

Глава XXII

Как вы думаете, может ли полюбить кого-либо тот, кто сам себя ненавидит? Сговорится ли с другими тот, кто сам с собой в разладе? Какой приятности ждать от того, кто сам себе опостылел и опротивел? Никто, полагаю, не дерзнет утверждать, будто нечто подобное возможно, – разве что будет глупее самой Глупости. Попробуйте отвергнуть меня – и не только все прочие люди станут вам несносны, но и каждый из вас себе самому сделается мерзок и ненавистен. Природа во многих смыслах скорей мачеха, нежели мать: ведь наградила же она смертных, особливо тех, кто чуть-чуть поумней, печальной склонностью гнушаться своего и ценить чужое.

А из-за этого вся сладость, все обаяние жизни оскверняются и погибают. Какой толк от красоты, высшего дара бессмертных богов, если она поражена гнилью? Что пользы в юности, ежели к ней примешана закваска старческой печали? Каким образом можешь ты действовать и в своих и в чужих глазах изящно и благовидно (а благовидность – основа не одних только искусств, но и всех дел человеческих). [...] Что может быть глупее самовлюбленности и самолюбования? Но что изящное или приятное можешь ты сделать, ежели сам себе будешь в тягость? Отними у жизни эту приправу, и ледяным холодом встречен будет оратор со своей речью, никому не угодит своими мелодиями музыкант, освистана будет игра актера, осмеян заодно с Музами поэт, впадет в ничтожество с искусством своим живописец, отощает от голода, сидя на своих лекарствах, врач. [...]

Глава XXXI

Ежели поглядеть на наш мир с высоты небес, как смотрит, по рассказам поэтов, Юпитер, скольких бед исполнена жизнь человеческая: жалкое и грязное рождение, мучительное воспитание, детство, сопряженное с бесчисленными обидами, юность, обремененная бесчисленными трудами, тяжкая старость, суровая неизбежность смерти, целая рать болезней, множество несчастных случайностей и житейских невзгод – повсюду мед отравлен желчью! Не стану уж вспоминать, сколько зла причиняет человек человеку! Бедность, тюрьма, позор, бесчестие, пытки, мятежи, интриги, злословие, тяжбы, обманы... Но не пытаюсь ли я, в самом деле, исчислить песок морской? Негоже рассуждать здесь о том, какими грехами навлекли на себя люди все эти бедствия или какой гневный бог осудил их рождаться для горя и скорбей. [...]

Но я, обращаясь к помощи то невежества, то бездумья, даруя забвение всех зол и надежду на лучшее будущее, щедро окропляя людей медвяной росой наслаждения, так успешно помогаю им в бедах, что никто не желает расставаться с жизнью, прежде чем не кончилась нить Парок и жизнь сама не оставила тела; чем меньше у человека причин дорожить существованием, тем крепче он за него цепляется, не подозревая даже, что такое пресыщение и тоска. [...]

Глава XLIV

[...] В наши дни лесть почитается чем-то постыдным, но так судят лишь те, для которых названия вещей имеют больше значения, нежели самые вещи. Они полагают, что лесть несовместима с верностью; но они заблуждаются – даже животные служат примером обратного. Кто лстивее пса? И кто его вернее?

Найдется ли животное ласковее белки, и кто так легко, как она, становится другом человека? Или, быть может, для совместной жизни с людьми более пригодны суровые львы, свирепые тигры, неистовые леопарды? Есть, правда, и пагубный вид лести, при помощи которого иные коварные насмешники доводят несчастных до гибели. Но моя Колакия рождается от добродушия и простосердечия и более сходствует с добродетелью, нежели противные ей суровость и угрюмство, столь несносные и докучливые, по слову Горациеву. Она ободряет упавших духом, увеселяет печальных, поднимает расслабленных, будит оцепенелых, больных исцеляет, свирепых умягчает, любящих сближает, а сблизив, удерживает в единении. Она побуждает отроков к усвоению наук, веселит старцев; под видом похвал и без обиды увещевает и научает государей. В общем, благодаря ей каждый становится приятнее и милее самому себе, а ведь в этом и состоит наивысшее счастье. [...]

Лесть – это мед и приправа во всяком общении между людьми.

Глава XLV

Но ведь заблуждаться – это несчастье, говорят мне; напротив, не заблуждаться – вот величайшее из несчастий! Весьма неразумны те, которые полагают, будто в самих вещах заключается людское счастье. Счастье зависит от нашего мнения о вещах, ибо в жизни человеческой все так неясно и так сложно, что здесь ничего нельзя знать наверное... [...]. А если знание порой и возможно, то оно нередко отнимает радость жизни. Так уж устроена человеческая душа, что более прельщается обманами, нежели истиною.

Ежели кто потребует от меня наглядных и убедительных примеров, я посоветую ему посетить храм или общественное собрание. Когда речь ведется о предметах важных, все спят, зевают и томятся. Но стоит только орущему (виновата, я хотела сказать – ораторствующему) рассказать какую-нибудь дурацкую, смешную историю (а это случается нередко), все оживляются, подбадриваются, наостряют уши.

Итак, счастье зависит не от самих вещей, но от того мнения, которое мы о них составили. К вещам доступ труден, даже к самым легким, вроде грамматики, а мнения усваиваются легко и просто, и их одних с избытком хватает для достижения счастья. [...]

ДОМАШНИЕ БЕСЕДЫ

XXI. МНЕМОНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ¹

Дезидерий. Эразмий

Дезидерий. Как подвигаются твои занятия, Эразмий?

Эразмий. Очевидно, музы мне не сочувствуют; но они пошли бы гораздо удачнее, если бы я мог кое-чего добиться от тебя.

Дезидерий. Добьешься всего, что только может быть тебе полезным; лишь скажи, в чем дело.

Эразмий. Я не сомневаюсь, что нет ни одной самой сокровенной науки, которая была бы тебе неизвестна.

Дезидерий. О, если бы слова твои были правдой!

Эразмий. Я слышу, что есть некая мнемоническая наука, позволяющая человеку с самой малой затратой труда изучить все свободные науки.

Дезидерий. Что я слышу? Ты видел такую книгу?

Эразмий. Видел, но только видел, так как не мог найти человека, который объяснил бы мне ее.

Дезидерий. Что содержала в себе эта книга?

Эразмий. Разные формы животных, драконов, львов, леопардов и различные кружки и написанные на них слова, частью греческие, частью латинские, частью еврейские и другие на варварских языках.

Дезидерий. Во сколько дней обещало заглавие книги познание наук?

Эразмий. В четырнадцать.

Дезидерий. Бесспорно, великолепное обещание, но знаешь ли ты людей, сделавшихся при посредстве мнемонического искусства учеными?

Эразмий. Совсем не знаю.

Дезидерий. И никто другой никогда не видал, да и не может увидеть, разве только после того, как мы увидим, что кто-нибудь при посредстве алхимии сделался богатым.

Эразмий. Я предпочитал бы, чтобы это искусство было истинным.

Дезидерий. Может быть, потому, что тебе не хочется приобретать знания ценой огромного труда.

Эразмий. Конечно.

Дезидерий. А между тем, так угодно всевышним. Все эти общедоступные блага – золото, драгоценные камни, серебро, дворцы, трон – они иногда даруют людям бездельным и того не заслуживающим, но что касается истинных благ, благ, действительно нам принадлежащих, то они соизволили, чтобы блага эти приобретались трудом. И не должен казаться нам

¹ Эта небольшая сатира направлена против шарлатанов, обещающих своими уроками и учебниками обучить всем наукам в две недели.

---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
 тягостным труд, которым приобретает такое ценное достояние, когда мы видим, что очень многие люди подвергаются ужасным опасностям и берут на себя неслыханные труды, чтобы добиться выгод временных и в сравнении с образованием поистине ничтожных; и все-таки они не всегда достигают того, к чему стремятся. При этом же к научным трудам примешано много сладости, если сделаешь в этой области небольшой шаг вперед. Да и от тебя самого в значительной степени зависит сократить скуку на добрую половину.

Эразмий. Каким образом?

Дезидерий. Прежде всего настрой себя на любовь к наукам. Затем старайся их ценить.

Эразмий. Как это сделать?

Дезидерий. Думай о том, сколь многих науки обогатили, сколь многих довели до самого высокого и авторитетного положения; вместе с тем подумай о разнице между человеком и скотом.

Эразмий. Хороший совет.

Дезидерий. Затем ты должен приучить свой ум сосредоточиваться и интересоваться тем, что приносит скорее пользу, чем удовольствие. Ибо то, что само по себе прекрасно, вначале даже бывает несколько тягостно, но от привычки становится сладостным; благодаря этому ты все меньше и меньше будешь утомлять наставника и сам будешь легче усваивать, по Исократовскому изречению, которое следовало бы золотыми буквами написать на фронтисписе твоей тетради: ean eis philomathes, eseī polymathes. (Если ты будешь любознательным, то будешь многознающим).

Эразмий. Я усваиваю довольно быстро, но скоро забываю усвоенное.

Дезидерий. Значит, ты своего рода дырявая бочка.

Эразмий. Почти что так. Но какое же средство?

Дезидерий. Надо заткнуть дыру, чтобы она не протекала.

Эразмий. Чем?

Дезидерий. Не мхом и не гипсом, но прилежанием. Кто учит слова, не понимая их смысла, тот их быстро забывает, ибо слова, как сказал Гомер, pteroenta (крылатые) и легко улетают, если их не уравновесить значением. Итак, первая забота должна заключаться в том, чтобы вполне понять значение, а затем все время упражняться и повторять; далее, как было сказано, надо приучить душу к тому, чтобы в случае надобности она могла сосредоточенно мыслить. Ибо тот, у кого ум настолько первобытен, что не может быть к этому приучен, совсем не годится для науки.

Эразмий. Насколько это трудно, – я слишком хорошо понимаю.

Дезидерий. У кого ум настолько поверхностен, что не в состоянии надолго остановиться на одной мысли, тот не может долго слушать говорящего и закрепить в своей памяти выученное. На свинце можно выдавить нечто такое, что осталось бы на месте, но на воде и на ртути, веществах постоянно текучих, выдавить ничего нельзя. И вот если ты

—■—

можешь приучить к этому ум твой, постоянно вращаясь среди людей образованных, беседы с которыми каждый день дают тебе много достойного познания, то ты с самым малым трудом научишься очень многому.

Эразмий. Это, конечно, так.

Дезидерий. Ибо, помимо бесед на пирах, помимо повседневных разговоров, тут же после обеда ты слышишь восемь остроумнейших изречений, извлеченных из самых известных писателей, и столько же после ужина. И вот теперь подсчитай, какую сумму составят они на отдельные месяцы и годы.

Эразмий. Грандиозную, если бы я мог запомнить.

Дезидерий. К тому же, хотя бы даже ты ничего не слышал, кроме хорошей латинской речи, что тебе мешает в несколько месяцев выучиться по-латыни, если неграмотные мальчики за короткое время выучиваются французскому или испанскому языку?

Эразмий. Я последую твоему совету и сделаю опыт, нельзя ли мой ум укротить игом муз.

Дезидерий. Я не знаю другого мнемонического искусства, кроме старательности, любви и усидчивости.

ВОСПИТАНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ГОСУДАРЯ

Сочинение Эразма Роттердамского о воспитании христианского государя, составленное в форме афоризмов, дабы его чтение было менее утомительным

О рождении и образовании государя

Там, где государя принято выбирать, не обязательно принимают в расчет происхождение, красоту, высокий рост или знатность, поскольку мы читаем, что у некоторых варваров некогда существовал негодный обычай, чтобы людям, одаренным и приятным в обхождении, не оказывалось предпочтения перед человеком медлительным и не столь быстрого ума якобы из опасения в том, что он по воле случая впадет в тиранию и не потерпит увещаний и советов. Напротив, если они кого и терпели над собой в качестве судьи и вождя, так только лентяя, который смирится с любыми решениями и любым руководством. Оценивали и возраст: он должен был быть не столь пожилым, чтобы уже оказаться во власти жалкого безумия, и не столь зеленым, чтобы его не захлестнули страсти. Пожалуй, некоторое значение имело и здоровье, чтобы не надо было то и дело обзаводиться новым правителем, вводя государство в убыток.

Во время плавания кормило вверяется не тому, кто превосходит прочих родовитостью, богатством или красотой, но тому, кто выше в искусстве управления кораблем, бдительности и надежности. Так и царство лучше всего вверить тому, кто опережает остальных в царских дарованиях – в мудрости, справедливости, душевной умеренности, предусмотрительности и усердном рдении об общем благе.

Знатные предки, золото, самоцветы имеют ничуть не большее значение для управления обществом, чем богатство судовладельца для управления кораблем.

Как государю в управлении, так и народу при выборе государя следует стремиться к одной цели, – разумеется, к общему благу, а личные пристрастия оставить в стороне. [...]

Там, где государем становятся не в результате выбора, а по праву рождения, как, по свидетельству Аристотеля, некогда было в обычае у некоторых варварских народов и в наши времена принято почти повсюду, там особая надежда на доброго государя зависит от правильного воспитания, к которому надо подходить со всей тщательностью, чтобы то, от чего освобождает право выбора, уравновешивалось прилежным обучением. Поэтому пусть сразу же, как говорится, с самых пеленок, еще чистый незрелый ум будущего государя будет заполнен благотворными суждениями, пусть в целину детской души неизменно бросают семена чести, которые понемногу, с возрастом и с приобретением опыта, будут разрастаться, вызревать и, однажды внедренные, укоренятся на всю жизнь. Ведь не остается и не воспринимается полностью ничего, что не было заложено в самые первые годы; то, что мы тогда усвоили, имеет большое значение для всех, а для государя – еще большее.

Где нет власти избирать государя, там с равным прилежанием пусть выбирают того, кто будет наставлять будущего государя.

Можно только возносить молитвы, чтобы родился государь, наделенный благими дарованиями. Но чтобы хороший от рождения впоследствии не испортился либо чтобы не столь хороший от рождения стал лучше благодаря воспитанию – это отчасти зависит от нас.

Некогда в государстве был обычай воздвигать статуи и триумфальные арки, делать почетные надписи, чтобы выказать благодарность заслуженным людям. Никто так не достоин подобных почестей, как те, кто преданно и ревностно выполнял достойный труд воспитания государя и искал не частной выгоды, но пользы для отечества.

Все отечество в долгу перед добрым государем. А он сам в долгу перед тем, кто сделал его таким своими благими наставлениями.

Нет более подходящего времени для формирования и исправления государя, чем то, когда он сам еще не осознал себя государем. Итак, этим

—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—

следует прилежно заниматься, не ограничиваясь только тем, чтобы он до времени воздерживался от пороков, но чтобы он непременно усвоил и начала добродетелей. Если не вовсе глупые родители столь заботливо воспитывают мальчика, которому предстоит унаследовать всего лишь клочок земли, с каким усердием и тщанием следует воспитывать того, кто встанет не над одними только землями, но надо всем народом, надо всеми городами, даже надо всем миром, в будущем доброго человека, всем на великое благо или же будущего злодея, на великую погибель всем?

Великое и славное дело – хорошо распорядиться властью. Но не менее похвально сделать так, чтобы ее не унаследовал худший, ведь это особый дар доброго государя – приложить все усилия к тому, чтобы не могло появиться дурного правителя.

Так настрой себя, как будто ты уверен в том, что тебе не может унаследовать подобный тебе, и, между тем, готовя детей к будущей власти, ты добьешься того, что твой преемник будет еще лучше тебя.

Ничто не говорит в пользу славного государя больше, чем то, что он оставил государство такому человеку, в сравнении с которым он сам показался бы недостаточно хорошим. Ничто не сможет вернее озарить его славой, чем это незаметное деяние.

Позорнее всего для государя сделать своим преемником настолько дурного человека, чтобы по нему, при жизни невыносимому, затосковали, будто по доброму и благодетельному.

Добрый и мудрый государь позаботится воспитать детей так, чтобы всегда помнить о том, что он для отечества рожденных для отечества и воспитывает, а не ради своих пристрастий. Общее благо всегда становится на пути личной привязанности родителей.

Сколько бы статуй он ни установил, какие бы красивые здания ни возвел, не может государь оставить более прекрасного памятника своим добродетелям, чем благородного сына, который повторит наилучшие деяния наилучшего отца. Не умирает тот, кто оставляет свое живое подобие.

Итак, пусть он изберет для этого поприща из всех своих подданных или же призовет отовсюду мужей безупречных, неподкупных и почтенных, набравшихся опыта, а не нахватавшихся предвзятых мнений, возраст которых будет внушать почтение, честная жизнь – уважение, а учтивый нрав и приветливость – расположение и любовь; чтобы нежная душа, измученная горьким учением, не начала ненавидеть добродетель прежде, чем узнать ее, или, напротив, сложившись под влиянием неумеренной снисходительности, она не испортилась и не выродилась.

Как и в воспитании вообще, так особенно имея дело с государем, следует обратиться к умеренности, чтобы строгость наставника укротила

разнузданность возраста, а любезность нрава смягчила и сделала более привлекательной сдержанную суровость.

Наставнику будущего государя должно быть таким, чтобы (как изящно выразился Сенека) он знал и как отругать подопечного без поношения, и как похвалить без раболепия, таким, которого тот одновременно и почитал бы за строгий образ жизни, и любил за веселый нрав.

Некоторые государи с великим старанием ищут, кому бы им вверить попечение о прекрасном коне, птице или собаке, однако считают, что не имеет никакого значения, кому они поручают воспитывать сына, зачастую доверяя его таким наставникам, каким ни один сколько-нибудь рассудительный простолудин не захотел бы поручить своих детей. Но что значит родить сына для власти, если ты не позаботишься научить его властвовать?

Рожденного для власти следует доверять не любым кормилицам, но безупречным и умелым, приставлять к нему не каких попало товарищей по играм, но добрых, скромных и одаренных мальчиков, которых растили и воспитывали в свободе и благочестии. Толпу безрассудных, хмельных и порочных юношей, а прежде всего – льстецов, следовало бы держать вдали от его ушей и глаз, пока дух его не укрепитя под влиянием наставлений.

Нрав большинства смертных тяготеет ко злу, и в свою очередь нет столь счастливой от рождения природы, которая не портилась бы из-за неудачного воспитания. Чего, как не великого зла, ты ожидаешь от того государя, который, с какими бы дарованиями ни родился и, несмотря на предков, которые являли бы образец царствования, с самых пеленок был отравлен низменными суждениями, был воспитан среди глупых баб, возмужал среди распущенных девиц, среди пропащих сотоварищей, среди презреннейших льстецов, среди шутов и комедиантов, среди собутыльников и игроков, а также вблизи безумных и негодных охотников за удовольствиями, среди которых ни о чем не слышал, ничему не научился, ничего не усвоил, кроме веселья, удовольствий, спеси, высокомерия, алчности, вспыльчивости, тиранства, и, пройдя эту школу, сразу же был призван править царством.

В то время как из прочих искусств наилучшее оказывается и наиболее трудным, и нет ничего прекраснее и ничего труднее, чем хорошо править, почему для них одних мы не желаем никакого учения, но довольствуемся тем, что они родились?

Я спрашиваю, как, если не подобно тиранам; будут поступать взрослые люди, которые в детстве играли как тираны?

Едва ли можно желать, чтобы все были добрыми. Но не трудно из стольких тысяч людей избрать одного-другого, отличающегося честностью и мудростью, а благодаря таким людям многие сделались бы добрыми.

Молодой государь долго вызывает подозрения самим своим возрастом, отчасти из-за неопытности в делах, отчасти – из-за

неумеренных душевных порывов; пусть он опасается, как бы ни взяться за какое-либо важное дело иначе, чем по совету разумных людей, в особенности стариков, с которыми ему следует постоянно общаться, чтобы юношеская необузданность умерялась почтением к старшим.

Кто бы ни взял на себя задачу наставления государя, тот пусть подумает и о том, что ему предстоит дело отнюдь не обыденное, но во всех отношениях как чрезвычайно великое, так и чрезвычайно опасное. И в первую очередь пусть укрепит дух, чтобы стать достойным этого поприща, и поразмыслит не о том, сколько званий сможет получить благодаря этому, но о том, сможет ли предоставить хорошего государя отечеству, возложившему на него свою надежду.

Подумай, наставник, скольким ты обязан отечеству, которое вверило тебе все свое благополучие. От тебя зависит, приготовить ли ему исцеление от зла или же наслать на него чуму и моровую язву.

Прежде всего пусть как следует поразмыслит тот, кто отдает своего сына на попечение государства, когда дни его уже клонятся к закату. Насколько сможет, пусть уже в этом возрасте различит признаки того, склонен ли он к гневу или надменности, к честолюбию и жажде славы, к плотским утехам, игре или погоне за деньгами, к мщению и войне, к необузданности или тирании. Как только почувствует, что тот проявляет склонность к пороку, пусть сразу укрепит его дух целительными правилами и подобающими наставлениями и постарается еще податливую натуру привлечь к противоположным привычкам. Далее, как заметит, что натура тяготеет к достойному или определенно к пороку такого рода, который легко повернуть на путь добродетели, к каковому роду, возможно, относятся честолюбие и расточительность, пусть тем больше усердствует и поможет прирожденным достоинствам воспитанием.

Не достаточно передать ему такого рода правила, которые либо отвлекают от безнравственного, либо призывают к честному: следует их вбивать, следует ими пичкать, следует их внушать, и использовать новые и новые способы оживления памяти: изречение, басню, подобие, пример, остроумное высказывание, поговорку; следует сделать надписи на кольцах, нарисовать картины, изобразить родовые древа, и, если есть что еще, что нравится его возрасту, использовать это, чтобы они встречались ему повсюду, даже когда он занимается чем-либо другим.

Примеры знаменитых мужей чрезвычайно воспаляют благородные души, но гораздо больше значит то, какие суждения они усваивают. Ведь из этих источников вытекают все представления о жизни. Если нам попадется грубый мальчик, тогда надо будет постараться, чтобы он сразу усвоил наиболее правильное и благотворное, словно принял некое лекарство от отравы низких суждений. Если же достанется лишь слегка

испорченный плебейскими суждениями, тогда прежде всего следует позаботиться о том, чтобы он понемногу освободился от них; а вместо искорененной пагубы следует насадить благотворное. [...]

Пусть наставник не пугается и не отчаивается, если ему случайно попадется натура более свирепая или упрямая. Ведь нет столь дикой, столь чудовищной скотины, которую не приручит забота и старание укротителя, так почему он считает эту человеческую натуру столь грубой и столь пропащей, что прилежное воспитание не смягчит ее?

Пусть он также и не думает, что можно не спешить, если ему повстречается более счастливая натура. Ведь от природы лучшая почва тем скорее портится и зарастает сорными травами, если земледелец теряет бдительность. Точно так же человеческая натура, которая оказалась более счастливой, более благородной и правильной, подвергается тем большим и тем более ужасным превращениям, если не будет усовершенствована целительными наставлениями.

Мы привыкли тщательно укреплять те берега, которые испытывают на себе всю силу мощнейших течений. Не счесть того, что может отвлечь души правителей от правильного пути: высокое положение, богатство, роскошь, удовольствия, свобода, с которой ему дозволяется все, что угодно, примеры великих, но неразумных государей, сами кипение и натиск людских дел, сверх всего же – раболепие, надевшее личину верности и прямоты. Тем тщательнее надо будет вооружить его против этого самыми лучшими правилами и примерами достойных похвалы государей.

Не одной кары заслуживает тот, кто отравит общественный колодезь, откуда пьют все, столь же вреден и тот, кто отравит душу государя дурными суждениями, которые сразу же принесут стольким людям множество бед.

Если платится головой тот, кто испортит государеву монету, какой кары достоин тот, кто испортит натуру государя?

Пусть наставник берется за свое дело по зрелом размышлении, чтобы оросить идеями еще нежные ростки понятий, в то время как душа его будет далека от всех пороков, а в чем-то пусть смирит указующим перстом еще податливый характер. Есть и у мудрости свое детство, так же, как и у благочестия. Надо поступать всегда одинаково, но с каждым учеником по-иному. Уже тогда с милой детской сказкой, веселым рассказом, остроумным сравнением пусть прокладывает себе путь то, чему он после будет наставлять его в более великом и серьезном деле. [...]

Множество людей следует ложным суждениям, уподобляясь тем, кто, скованный, спускается в Платонову пещеру и бесплотные тени вещей принимает за истинные вещи. Долг хорошего правителя – не восхищаться ничем из того, что делает человека великим, по мнению черни, но отделять

все истинное зло от истинного добра. Ничто не является воистину злом, если не сопряжено с безнравственностью, ничто не является воистину добром, если не связано с честностью.

Пусть наставник сразу добивается того, чтобы он возлюбил и воспринял добродетель словно нечто самое прекрасное, счастливое и наиболее подобающее государю. А безнравственность пусть проклинает и страшится ее, словно чего-то гадкого и жалкого.

Пусть мальчик не привыкает к тому, что богатства королевства, которое ему суждено принять, есть нечто исключительное, к чему надо стремиться всеми правдами и неправдами, пусть выучит, что не является истинными почестями то, что так называет чернь. Истинный почет сам собой сопровождает добродетель и верные поступки и сопутствует им с тем большим блеском, чем меньше его домогались.

Удовольствия черни недостойны государя и тем более христианского государя, поскольку едва ли приличествуют человеку. Пусть ему откроют, что есть другой род удовольствий, который остается подлинным и неизменным на протяжении всей жизни человека.

Пусть мальчик услышит о предках, знатности, грамотах с печатями, родословных и обо всей пышности герольдов, которой по-женски кичится знатная чернь, о том, что имена ничего не значат, если они никого не обратили к честности.

Достоинство государя, величие и могущество достигаются и сохраняются не звоном монет, но мудростью, безупречностью и правильными поступками.

Не надо ни бояться смерти, ни оплакивать смерть другого, если он не был безнравственным. Ведь счастливее не тот, кто жил дольше, а тот, кто жил честнее. Поступая правильно, не следует годами оценивать свой век. Ведь человек становится счастливее не от того, чем дольше он прожил, но от того, чем лучше.

Сама добродетель с избытком служит наградой. Доброму государю даже его смерть – подарок, если он удачно распоряжался делами, чтобы послужить на благо народу. Не умереть государю, который обессмертил себя подобного рода делами. Любая чернь радуется приятному, почитает великолепное, следует за полезным, хотя сверяться надо только с честными правилами. Напротив, чернь боится горького, презирает жалкое, бежит от вредного, хотя бежать следует только от того, что сопряжено с позором. [...]

Что может быть глупее, чем судить о государе по тому, как остроумно он говорит, как искусно играет в кости, усердно напивается, пыжится от спеси, по-царски грабит народ, делает и другое, о чем нам стыдно сказать, в то время как иные едва ли стыдятся это делать.

Чернь стремится к тому, чтобы государю были чужды плебейский образ жизни и питания, а истинному государю не меньше следует стремиться к тому, чтобы ему были чужды низменные суждения и страсти черни, ведь это побудит его испытывать низменные, жалкие и недостойные чувства вместе с чернью, которую никогда не привлекает лучшее.

Подумай, прошу, насколько нелепо, что золотые перстни, пурпурную мантию и остальное убранство, печати, изображения предков, все эти блага, очевидно не имеющие к тебе отношения, ставятся так высоко, а многие воистину благие душевные качества рассматриваются чернью как нечто низшее, подобное осадку. Государь, который являет своим гражданам золотые перстни, пурпур и прочую роскошь, чему другому, я спрашиваю, научит своих подданных, как не взирать на это с восхищением, откуда со всей очевидностью берет исток все зло, которое наказывается законами государя?

У других рачительность и опрятность могут быть данью бедности или бережливости, даже если кто и посчитает их чрезмерными. А в государе то же самое не может быть ничем иным, нежели свидетельством умеренности, того, что он привык к скромности, и, сколько может себе позволить, столько и желает.

Разве подобает ему предаваться тому же пороку, который он сам наказывает? И разве не величайший позор, когда кто-то позволяет себе то, что запрещает другим?

Если ты хочешь показать себя выдающимся государем, смотри, чтобы кто-либо не превзошел тебя в твоих собственных достоинствах: мудрости, великодушии, умеренности и честности. Если тебе будет угодно соперничать с другими государями, считай себя выше других не тогда, когда отнимешь у кого-то из них часть владений или рассеешь их богатства, но когда станешь более честным, чем они, менее алчным, менее спесивым, чем они, менее гневливым, менее безрассудным, чем они.

Государю подобает вся полнота благородства. Таким и будь. Воистину, есть три вида благородства: первый складывается из добродетели и правильных поступков; второй происходит из знания наиболее достойных наук; третий, о котором судят по происхождению, родовому древу или по богатству. Подумай, насколько недостойно государя кичиться низшим видом благородства, который настолько ничтожен, что вообще ничего не значит и может только увести его от добродетели, и пренебрегать высшим, который настолько прекрасен, что только им и можно обладать с полным правом.

Если стремишься прославиться, не выставляй скульптурные или живописные изображения, в которых если и есть что похвалить, так это заслуга художника, талант и усердие которого они доказывают. Гораздо лучше памятники добродетели, воздвигнутые добрым нравом. [...]

Надо опасаться еще большего позора, чтобы государю не оказаться таким, каких, как мы читаем, некогда было очень много (и если бы сегодня таких не было видно): отними у государя убор, лиши всех внешних благ, оставив одетым только в собственную кожу, и не останется ничего, кроме превосходного игрока, неисправимого гуляки, заклятого врага целомудрия, ловкого обманщика, ненасытного грабителя, незаконного, нечестивого, вероломного, запятнанного всеми видами злодеяний человека.

Всякий раз, как тебе приходит на ум, что ты государь, пусть одновременно представляется, что ты также христианский государь, чтобы ты осознал, насколько сильно тебе следует отличаться от прославленных варварских государей, насколько христианин отличается от язычника. [...]

Если ты требуешь от своих подданных, чтобы они знали твои законы, а зная, подчинялись им, тебе подобает гораздо сильнее требовать от себя самого, чтобы ты выучил законы Христа, твоего повелителя, и повиновался им.

Если ты признаешь позорным преступлением, которому не найти достойного наказания, измену императору, которому однажды присягнул на верность, почему ты сам себе прощаешь, считая забавой и пустяком, то, что ты столько раз пренебрегал велениями Христа, которому присягнул при крещении, от которого получил имя, таинствами которого был возведен на трон и наделен властью.

Если это всерьез, почему мы относимся к этому как к игре? Если же это игра, почему мы гордимся именем Христовым? Смерть одинакова для всех, равно для нищих и для царей; а после смерти всех ожидает едва ли милостивый суд, на котором ни с кем не обойдутся суровее, чем с могущественными. [...]

Среди других людей что-то извиняют юноше, что-то прощают старику, одному – промах, другому – праздность и медлительность. А тому, кто принял бремя государя, поскольку он защищает общее дело, не позволено быть ни юношей, ни стариком, потому что, совершив промах, он причинит многим великое зло, а промедлив с исполнением обязанностей, подвергнет их серьезной опасности. [...]

Не думай, что тебе позволено все что угодно, как обычно напевают государю глупые бабы и льстецы, но настрой самого себя так, чтобы не желать того, что не дозволено, и даже внуши себе, что тебе не дозволено то, что дозволено частному лицу. Что для других – ошибка, для государя – преступление.

Чем больше тебе позволено перед остальными, тем меньше тебе самому подобает себе позволять, будь сам к себе тем строже, чем больше прощают тебе все, сам себе будь строжайшим судьей, даже когда все тебе рукоплещут.

---◆---◆---◆---◆---◆---◆---◆---◆---◆---◆---◆---◆---◆---◆---◆---

Твоя жизнь на виду, ты не можешь спрятаться: ты неизбежно станешь или благом, большим, чем всякое добро, или злом, превосходящим всяческую погибель.

Чем больше почестей все оказывают тебе, тем настойчивее прилагай усилия, чтобы их не оказывали недостойному. Как никаким почетом и никакой благодарностью нельзя воздать по заслугам доброму государю, так и для злого нет достойного наказания.

Как нет ничего более благоволного для человеческих дел, чем мудрый и добрый монарх, так, напротив, не может быть ничего пагубнее глупого и злого.

Никакая чума не поражает быстрее, и зараза не распространяется шире, чем зло, совершенное государем. Напротив, нет более короткого и успешного пути к исправлению нравов народа, чем безупречная жизнь государя.

Чернь ничему не подражает охотнее, чем тому, что наблюдает у своего государя. При игроке повсюду играют в кости, при вояке все сражаются, при кутиле утопают в роскоши, при развратнике сводничают, при жестоком доносят и клеветуют. Перечитай старые истории, и обнаружишь, что нравы эпохи всегда были таковы, какой была жизнь государя.

Никакая комета, никакая роковая сила так не влияет на дела смертных, как увлекает и изменяет нравы и души граждан жизнь государя.

Поэтому государю должно опасаться, как бы не стать дурным человеком хотя бы потому, что своим примером он сделает дурными столь многих людей. Пусть постарается быть хорошим человеком уже ради того, чтобы сделать лучше так много людей.

Как изящно выразился Плутарх, хороший государь есть некое живое подобие божества, которое одновременно является и наилучшим, и наиболее могущественным, доброта которого проявляется в том, что оно желает всем быть на пользу; могущество же – в том, что оно может все, чего ни пожелает.

Напротив, злой и пагубный государь представляет собой подобие злобного демона, которому присуще большое могущество в сочетании с величайшей злобой. Сколько не имеет сил, все употребляет на погибель роду человеческому. [...]

Но ты, христианский государь, когда слышишь или читаешь, что ты подобие Бога, что ты наместник Бога, берегись, как бы не возгордиться душой; лучше тебе беспокоиться о том, чтобы соответствовать своему первообразу, который прекраснее всего, но следовать которому труднее всего, а не следовать – всего позорнее.

Христианское богословие полагает, что Богу присущи три первостепенных качества: наивысшее могущество, наивысшая мудрость, наивысшая доброта. Этим трем силам тебе надлежит отдавать дань, ведь могущество без доброты свойственно только тирану, а без мудрости это будет не царствование, а беда. [...]

Франсуа Рабле

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ

Книга I

Глава XXIII

О методе, применявшейся Понократом, благодаря которой у Гаргантюа не пропадало зря ни одного часа

Увидев, какой неправильный образ жизни ведет Гаргантюа, Понократ решился обучить его наукам иначе, однако же на первых порах не нарушил заведенного порядка, ибо полагал, что без сильного потрясения природа не терпит внезапных перемен. Чтобы у него лучше пошло дело, Понократ обратился к одному сведущему врачу того времени, магистру Теодору, с просьбой, не может ли он наставить Гаргантюа на путь истинный; магистр по всем правилам медицины дал Гаргантюа антикирской чемерицы и с помощью этого снадобья излечил его больной мозг и очистил от всякой скверны. Тем же самым способом Понократ заставил Гаргантюа забыть все, чему его научили прежние воспитатели, – так же точно поступил Тимофей с теми из своих учеников, которые прежде брали уроки у других музыкантов.

Чтобы вернее достигнуть своей цели, Понократ ввел Гаргантюа в общество местных ученых, соревнование с коими должно было поднять его дух и усилить в нем желание заниматься по-иному и отличиться.

Затем он составил план занятий таким образом, что Гаргантюа не терял зря ни часу: все его время уходило на приобретение полезных знаний.

Итак, вставал Гаргантюа около четырех часов утра. В то время как его растирали, он должен был прослушать несколько страниц из священного писания, которое ему читали громко и внятно, с особым выражением, для каковой цели был нанят юный паж, по имени Анагност, родом из Баше. Содержание читаемых отрывков часто оказывало на Гаргантюа такое действие, что он проникался особым благоговением и любовью к богу, славил его и молился ему, ибо священное писание открывало перед ним его величие и мудрость неизреченную.

Затем Гаргантюа отправлялся в одно место, дабы извергнуть из себя экскременты. Там наставник повторял с ним прочитанное и разъяснял все, что было ему непонятно и трудно.

На возвратном пути они наблюдали, в каком состоянии находится небесная сфера, такая ли она, как была вчера вечером, и определяли, под каким знаком зодиака восходит сегодня солнце и под каким луна.

После этого Гаргантюа одевали, причесывали, завивали, наряжали, опрыскивали духами и в течение всего этого времени повторяли с ним заданные накануне уроки. Он отвечал их наизусть и тут же старался применить к каким-либо случаям из жизни; продолжалось это часа два-три и обыкновенно кончалось к тому времени, когда он был совсем одет.

Затем три часа он слушал чтение.

После этого выходили на воздух и, по дороге обсуждая содержание прочитанного, отправлялись ради гимнастических упражнений в Брак или же шли в луга и там играли в мяч, в лапту, в пиль тригон, столь же искусно развивая телесные силы, как только что развивали силы духовные.

В играх этих не было ничего принудительного, они бросали партию, когда хотели, и обыкновенно прекращали игру чуть только, бывало, вспотеют или же утомятся. Сухо-насухо обтерев все тело, они меняли сорочки и гуляющей походкой шли узнать, не готов ли обед. В ожидании обеда они внятно и с выражением читали наизусть изречения, запомнившиеся им из сегодняшнего урока.

Наконец появлялся господин Аппетит, и все во благовремени садились за стол.

В начале обеда читалась вслух какая-нибудь занимательная повесть о славных делах старины, – читалась до тех пор, пока Гаргантюа не принимался за вино. Потом, если была охота, чтение продолжалось, а не то так завязывался веселый общий разговор; при этом в первые месяцы речь шла о свойствах, особенностях, полезности и происхождении всего, что подавалось на стол: хлеба, вина, воды, соли, мяса, рыбы, плодов, трав, корнеплодов, а равно и о том, как из них готовят кушанья. Попутно Гаргантюа выучил в короткий срок соответствующие места из Плиния, Афиня, Diosкорида, Юлия Поллукса, Галена, Порфирия, Оппиана, Полибия, Гелиодора, Аристотеля, Элиана и других. Чтобы себя проверить, сотрапезники часто во время таких бесед клали перед собой на стол книги вышепоименованных авторов. И все это с такой силой врезалось в память Гаргантюа и запечатлевалось в ней, что не было в то время врача, который знал хотя бы половину того, что знал он.

Далее разговор возвращался к утреннему уроку, а потом, закусив вареньем из айвы, Гаргантюа чистил себе зубы стволем мастикового дерева, ополаскивал руки и глаза холодной водой, после чего благодарил бога в прекрасных песнопениях, прославлявших благоутробие его и милосердие. Затем приносились карты, но не для игры, а для всякого рода остроумных забав, основанных всецело на арифметике.

Благодаря этому Гаргантюа возымел особое пристрастие к числам, и каждый день после обеда и после ужина он с таким увлечением

занимался арифметикой, с каким прежде играл в кости или же в карты. В конце концов он так хорошо усвоил ее теоретически и практически, что даже английский ученый Тунстал, коему принадлежит обширный труд, посвященный арифметике, принужден был сознаться, что по сравнению с Гаргантюа он, право, смыслит в ней столько же, сколько в верхненемецком языке.

И не только в арифметике, – Гаргантюа оказывал успехи и в других математических науках, как-то: в геометрии, астрономии и музыке. В то время как их желудки усваивали и переваривали пищу, они чертили множество забавных геометрических фигур, а заодно изучали астрономические законы.

Потом они пели, разбившись на четыре или пять голосов, или же это было что-нибудь сольное, приятное для исполнения.

Что касается музыкальных инструментов, то Гаргантюа выучился играть на лютне, на спинете, на арфе, на флейте немецкой о девяти клапанах, на виоле и на тромбоне.

На подобные упражнения тратили около часа; за это время процесс пищеварения подходил к концу, и Гаргантюа шел облегчить желудок, а затем часа на три, если не больше, садился за главные свои занятия, то есть повторял утренний урок чтения, читал дальше и учился красиво и правильно писать буквы античные и новые римские.

По окончании занятий они выходили из дому вместе с конюшим Гимнастом, молодым туреньским дворянином, который давал Гаргантюа уроки верховой езды.

Сменив одежду, Гаргантюа садился на строевого коня, на тяжеловоза, на испанского или же на берберийского скакуна, на быстроходную лошадь и то пускал коня во весь опор, то занимался вольтижировкой, заставлял коня перескакивать через канавы, брать барьеры или, круто поворачивая его то вправо, то влево, бегать по кругу.

При этом он ломал, – но только не копьа (что может быть глупее такого хвастовства: «Я сломал десять копий на турнире или же в бою», – да это сумеет сделать любой плотник!), – нет, честь и слава тому, кто одним копьем сломит десятерых врагов. Гаргантюа же своим копьем, крепким, негнущимся, со стальным наконечником, ломал ворота, пробивал панцири, валил деревья, поддевал на лету кольца, подхватывал седло, кольчугу, латную рукавицу. Все это он проделывал в полном вооружении.

Насчет того, чтобы погарцевать и, сидя верхом, показать разные фокусы, то тут ему не было равных. Сам феррарский вольтижер по сравнению с ним просто-напросто обезьяна. Особенно ловко перескакивал он с коня на коня – в мгновение ока и не касаясь земли

(такие лошади назывались дезультиарными), в любую сторону, держа в руке копьё; при этом в стремя он не ступал и, не прибегая к поводьям, направлял коня, куда ему только хотелось, что в военном искусстве имеет значение немаловажное.

В иные дни он упражнялся с алебардой: размахивал ею с такой силой и так стремительно, круговым движением, её опускал, что все его стали почитать за настоящего рыцаря, рыцаря-воина и рыцаря турнирного.

Кроме того, он владел пикой, эспадронном для обеих рук, длинной шпагой, испанской шпагой, кинжалом широким и кинжалом узким; бился в кольчуге и без кольчуги, со щитом обыкновенным, со щитом круглым, завертывая руку в плащ.

Охотился он, верхом на коне, на оленей, косуль, медведей, серн, кабанов, зайцев, куропаток, фазанов, дроф. Играл в большой Мяч, подкидывая его ногой или же кулаком. Боролся, бегал, прыгал, но не с разбегу, не на одной ноге и не по-немецки, ибо Гимнаст находил, что эти виды прыжков бесполезны и не нужны на войне, – он перепрыгивал через канавы, перемахивал через изгороди, взбегал на шесть шагов вверх по стене и таким образом достигал окна, находившегося на высоте копьё.

Плавал в глубоких местах на груди, на спине, на боку, двигая всеми членами или же одними ногами; с книгой в руке переплывал Сену, не замочив ни одной страницы, да еще, как Юлий Цезарь, держа в зубах плащ. С помощью одной руки, ценою огромных усилий взбирался на корабль, а оттуда снова вниз головой бросался в воду, доставал дно, заплывал в расселины подводных скал, нырял в пучины и водовороты. Поворачивал судно, управлял им, вел его то быстро, то медленно, по течению, против течения, останавливал судно посреди шлюза, одной рукой вел корабль, а другой орудовал длинным веслом, ставил паруса, влезал по канатам на мачты, бегал по реям, устанавливал буссоль, поворачивал булинь против ветра, руль держал твердо.

Мгновенно выскочив из воды, взбегал на гору и потом так же легко сбегал, лазил по деревьям, как кошка, прыгал с одного на другое, как белка, ломал толстые сучья, как второй Милон. С помощью двух отточенных кинжалов и двух прочных шильев проворно, как крыса, взбирался на кровлю дома, а спускаясь, принимал такое положение, при котором падение не представляло для него опасности.

Метал дротик, железный брус, камень, копьё, рогатину, алебарду; натягивал лук; один, без посторонней помощи, заводил осадный арбалет; прицеливался из пищали; ставил на лафет пушку; стрелял на стрельбище в картонную птицу, стрелял снизу вверх, сверху вниз, вперед, вбок и назад, как парфяне.

К высокой башне привязывался канат, спускавшийся до самой земли, и Гаргантюа взбирался по этому канату на руках, а затем спускался с такой быстротою и ловкостью, что вам так не проползти и по ровному лугу.

Между двумя деревьями клали толстую перекладину, и он, держась за нее руками, передвигался взад и вперед, – ноги на весу, – да так быстро, что его и бегом невозможно было догнать.

Чтобы развить грудную клетку и легкие, он кричал, как сто чертей. Однажды я сам был свидетелем, как он, находясь у ворот св. Виктора, звал Эвдемона, и голос его был слышен на Монмартре. Даже голос Стентора во время битвы под Троей не достигал такой мощи.

Для того чтобы Гаргантюа укрепил себе сухожилия, ему отлили из свинца две громадные болванки в восемь тысяч семьсот квинталов весом каждая, – он их называл гирями; он поднимал их с полу и неподвижно держал над головою, по одной в каждой руке, три четверти часа, а то и больше, что обличало в нем силу непомерную.

В брусья он играл с первыми силачами; когда наступал его черед, он держался на ногах необычайно твердо и, как некогда Милон, – уступал только наиболее отважным, кому удавалось сдвинуть его с места. В подражание тому же Милону он брал в руку гранат и вызывал желающих отнять у него этот плод.

После подобных занятий его растирали, чистили, меняли на нем одежду, и он не спеша возвращался домой; если же он шел по лугу или по какому-либо обильному травною месту, то рассматривал деревья и растения и сравнивал их с тем, что о них писали древние ученые, как, например, Теофраст, Диоскорид, Марин, Плиний, Никандр, Макр и Гален, и когда он и его спутники приходили домой, то руки у них были полны трав, поступавших затем в распоряжение юного пажа по имени Ризотом, ведавшего также полостьюными тяпками, мотыгами, заступами, лопатами, ножами и другими инструментами, необходимыми для правильной гербаризации.

Придя домой, они, пока готовился ужин, повторяли некоторые места из прочитанного, а затем садились за стол.

Надобно заметить, что за обедом, неизменно простым и скромным, Гаргантюа ел, только чтобы заморить червячка, зато ужин бывал обилён и продолжителен, и уже тут он принимал пищу в таком количестве, которое было ему необходимо, дабы подкрепить силы и насытиться, а в этом-то и состоит правильный режим питания, предписываемый истинной и разумной медициной, меж тем как орава тупоголовых докторишек, у коих от софистической выучки мозги стали набекрень, советует нечто прямо противоположное.

За ужином возобновлялся обеденный урок, и длился он, пока не надоело; остальное время посвящалось ученой беседе, приятной и полезной.

Прочтя благодарственную молитву, пели, играли на музыкальных инструментах, принимали участие во всякого рода забавах, вроде карт или же костей, так что иной раз обильная трапеза и увеселения длились до тех пор, когда уже надо было идти спать, а иной раз Гаргантюа и его приближенные посещали общество ученых или путешественников, коим довелось побывать в чужих странах.

Темной ночью, перед сном, выходили на самое открытое место во всем доме, смотрели на небо, наблюдали кометы, если таковые были, или положение, расположение, противостояние и совпадение светил.

Затем Гаргантюа в кратких словах рассказывал по способу пифагорейцев наставнику все, что он прочитал, увидел, узнал, сделал и услышал за нынешний день.

Затем молились господу творцу, выражали ему свою любовь, укреплялись в вере, славили его бесконечную благость и, возблагодарив его за минувшее, предавали себя его милосердию на будущее.

После этого ложились спать.

Глава XXIV

*О том, как Гаргантюа проводил время
в дождливую погоду*

Если выпадали дождливые и ненастные дни, то все время до обеда проводили, как обыкновенно, с тою, однако же, разницей, что дабы перебороть непогоду, разводили веселый и яркий огонь. Но после обеда гимнастика отменялась, все оставались дома и в апотерапевтических целях убирали сено, кололи и пилили дрова, молотили хлеб в риге; потом занимались живописью и скульптурой или же возрождали старинную игру в кости, руководствуясь тем, как ее описал Леоник и как играет в нее добрый наш друг Ласкарис. Во время игры вызывали в памяти те места из древних авторов, где есть о ней упоминание или же связанное с нею уподобление.

А то ходили смотреть, как плавят металлы, как отливают артиллерийские орудия, ходили к гранильщикам, ювелирам, шлифовальщикам драгоценных камней, к алхимикам и монетчикам, в ковровые, ткацкие и шелкопрядельные мастерские, к часовщикам, зеркальщикам, печатникам, огранщикам, красильщикам и разным другим

мастерам и, всем давая на выпивку, получали возможность изучить ремесла и ознакомиться со всякого рода изобретениями в этой области.

Ходили на публичные лекции, на торжественные акты, на состязания в искусстве риторики, ходили слушать речи, ходили слушать знаменитых адвокатов и евангелических проповедников.

Посещали залы и помещения для фехтования, и там Гаргантюа состязался с мастерами и доказывал им на деле, что он владеет любым родом оружия нисколько не хуже, а пожалуй, даже и лучше, чем они.

Вместо того чтобы составлять гербарий, они посещали лавки москательщиков, продавцов трав, аптекарей, внимательнейшим образом рассматривали плоды, корни, листья, смолу, семена, чужеземные мази и тут же изучали способы их подделки.

Ходили смотреть акробатов, жонглеров, фокусников, причем Гаргантюа следил за их движениями, уловками, прыжками и прислушивался к их краснобайству, особое внимание уделяя шонийцам пикардийским, ибо то были прирожденные балагуры и великие мастера по части втирания очков.

Вернувшись домой, они ели за ужином меньше, чем в другие дни, и выбирали пищу сухую и нежирную, дабы тем самым обезвредить влияние сырого воздуха, коим дышит тело, и дабы на их здоровье не сказалось отсутствие обычных упражнений.

Так воспитывался Гаргантюа, с каждым днем оказывая все большие успехи и, понятное дело, извлекая из постоянных упражнений всю ту пользу, какую может извлечь юноша, в меру своего возраста сметливый; упражнения же эти хоть и показались ему на первых порах трудными, однако с течением времени сделались такими приятными, легкими и желанными, что скорее походили на развлечения короля, нежели на занятия школьника.

Со всем тем Понократ, чтобы дать Гаргантюа отдохнуть от сильного умственного напряжения, раз в месяц выбирал ясный и погожий день, и они с утра отправлялись за город: в Шангильи, в Булонь, в Монруж, в Пон-Шарантон, в Вана или же в Сен-Клу. Там они проводили целый день, веселясь напропалую: шутили, дурачились, в питье друг от дружки не отставали, играли, пели, танцевали, валялись на зеленой травке, разоряли птичьи гнезда, ловили лягушек, раков, перепелов.

И хотя этот день проходил без чтения книг, но и он проходил не без пользы, ибо на зеленом лугу они читали на память какие-нибудь занятные стихи из Георгии Вергилия, из Гесиода, из Рустика Полициано, писали на латинском языке шуточные эпиграммы, а затем переводили их на французский язык в форме рондо или же баллады. [...]

Мишель Монтень

ОПЫТЫ

Глава XXVI

О воспитании детей

*Госпоже Диане де Фуа,
графине де Гюрсон*

...Приемы, к которым обращаются в земледелии до посева, хорошо известны, и применение их не составляет труда, как, впрочем, посев; но едва то, что посеяно, начнет оживать, как перед нами великое разнообразие этих приемов и множество трудностей, необходимых, чтобы его взрастить. То же самое и с людьми: невелика хитрость посеять их; но едва они появились на свет, как на вас наваливается целая куча самых разнообразных забот, хлопот и тревог, как же их вырастить и воспитать.

Склонности детей в раннем возрасте проявляются так слабо и так неотчетливо, задатки их так обманчивы и неопределенны, что составить себе на этот счет определенное суждение очень трудно.

Взгляните на Кимона, взгляните на Фемистокла и стольких других! До чего не похожи были они на себя в детстве! В медвежатах или щенках сказываются их природные склонности, люди же, быстро усваивающие привычки, чужие мнения и законы, легко подвержены переменам и к тому же скрывают свой подлинный облик.

Трудно поэтому преобразовать то, что вложено в человека самой природой. От этого и происходит, что, вследствие ошибки в выборе правильного пути, зачастую тратят даром труд и время на натаскивание детей в том, чего те как следует усвоить не в состоянии. Я считаю, что в этих затруднительных обстоятельствах следует неизменно стремиться к тому, чтобы направить детей в сторону наилучшего и полезнейшего, не особенно полагаясь на легковесные предзнаменования и догадки, которые мы извлекаем из движений детской души. Даже Платон, на мой взгляд, придавал им в своем «Государстве» чрезмерно большое значение... Ребенка из хорошей семьи обучают наукам, имея в виду воспитать из него не столько ученого, сколько просвещенного человека, не ради заработка (ибо подобная цель является низменной и недостойной милостей и покровительства муз и к тому же предполагает искательство и зависимость от другого) и не для того, чтобы были соблюдены приличия, но для того, чтобы он чувствовал себя тверже, чтобы обогатил и украсил себя изнутри. Вот почему я хотел бы, чтобы,

выбирая ему наставника, вы отнеслись к этому с возможной тщательностью; желательно, чтобы это был человек скорее с хорошей, чем с туго набитой головой, ибо, хотя нужно искать такого, который обладал бы и тем и другим, все же добрые нравы и ум предпочтительнее голый учености; и нужно также, чтобы, отправляя свои обязанности, он применил новый способ обучения.

Нам без отдыха и срока жужжат в уши, сообщая разнообразные знания, в нас вливают их, словно воду в воронку, и наша обязанность состоит лишь в повторении того, что мы слышим. Я хотел бы, чтобы воспитатель вашего сына отказался от этого обычного приема и чтобы с самого начала, сообразуясь с душевными склонностями доверенного ему ребенка, предоставил ему возможность свободно проявлять эти склонности, предлагая ему изведать вкус различных вещей, выбирать между ними и различать их самостоятельно, иногда указывая ему путь, иногда, напротив, позволяя отыскивать дорогу ему самому. Я не хочу, чтобы наставник один все решал и только один говорил; я хочу, чтобы он тоже слушал своего питомца. Сократ, а впоследствии и Аркесилай заставляли сначала говорить учеников, а затем уже говорили сами.

Пусть он заставит ребенка пройтись перед ним, и таким образом получит возможность судить о его походке, а следовательно, и о том, насколько ему самому нужно сжаться, чтобы приспособиться к силам ученика. Не соблюдая здесь соразмерности, мы можем испортить все дело; уменье отыскать такое соответствие и разумно его соблюдать – одна из труднейших задач, какие только я знаю. Способность снизить до влечений ребенка и руководить ими присуща лишь душе возвышенной и сильной. Что до меня, то я тверже и увереннее иду в гору, нежели спускаюсь с горы.

Если учителя, как это обычно у нас делается, просвещают своих многочисленных учеников, преподнося им всем один и тот же урок и требуя от них одинакового поведения, хотя способности их вовсе не одинаковы, но отличаются и по своему объему, и по своему характеру, то нет ничего удивительного, что среди огромной толпы детей найдется всего два или три ребенка, которые извлекают настоящую пользу из подобного преподавания.

Пусть учитель спрашивает с ученика не только слова затверженного урока, но смысл и самую суть его, и судит о пользе, которую он принес, не по показаниям памяти своего питомца, а по его жизни. И пусть, объясняя что-либо ученику, он покажет ему это с сотни разных сторон и применит к множеству различных предметов, чтобы проверить, понял ли ученик как следует и в какой мере усвоил это; и в последовательности своих

разъяснений пусть он руководствуется примером Платона. Если кто изрыгает пищу в том самом виде, в каком проглотил ее, то это свидетельствует о неудобоваримости пищи и о несварении желудка. Если желудок не изменил качества и формы того, что ему надлежало сварить, значит, он не выполнил своего дела.

...Пусть наставник заставляет ученика как бы просеивать через сито все, что он ему преподносит, и пусть ничего не вдаблывает ему в голову, опираясь на свой авторитет и влияние; пусть принципы Аристотеля не становятся его неизменными основами, равно как не становятся ими и принципы стоиков или эпикурейцев. Пусть учитель изложит ему, чем отличаются эти учения друг от друга; ученик же, если это будет ему по силам, пусть сделает выбор самостоятельно или, по крайней мере, останется при сомнении. Только глупцы могут быть непоколебимы в своей уверенности.

Ибо, если он примет мнения Ксенофонта или Платона, поразмыслив над ними, они перестанут быть их собственностью, но сделаются также и его мнениями! Кто рабски следует за другим, тот ничему не следует. Он ничего не находит; да и не ищет он ничего. Главное – чтобы он знал то, что знает. Нужно, чтобы он проникся духом былых мыслителей, а не заучивал их наставления. И пусть он не страшится забыть, если это угодно ему, откуда он почерпнул эти взгляды, лишь бы он сумел сделать их своей собственностью. Истина и доводы разума принадлежат всем, и они не в большей мере достояние тех, кто высказал их впервые, чем тех, кто высказал их впоследствии. То-то и то-то столь же находится в согласии с мнением Платона, сколько с моим, ибо мы обнаруживаем здесь единомыслие и смотрим на дело одинаковым образом. Пчелы перелетают с цветка на цветок для того, чтобы собрать мед, который, однако, есть целиком их изделие; ведь это уже больше не тимьян или майоран. Подобным же образом и то, что человек заимствует у других, будет преобразовано и переплавлено им самим, чтобы стать его собственным творением, то есть собственным его суждением. Его воспитание, его труд, его учение служат лишь одному: образовать его личность.

Только рассудок, говорил Эпихарм, все видит и все слышит; только он умеет обратить решительно все на пользу себе, только он располагает всем по своему усмотрению, только он действительно деятелен – он господствует над всем и царит; все прочее слепо, глухо, бездушно... Правда, мы заставляем его быть угодливым и трусливым, дабы не предоставить ему свободы действовать хоть в чем-нибудь самостоятельно. Кто же спрашивает ученика о его мнении относительно риторики и грамматики, о том или ином изречении Цицерона? Их вколачивают в нашу память в совершенно готовом виде, как некие оракулы, в которых

буквы и слоги заменяют сущность вещей. Но знать наизусть еще вовсе не значит знать; это только держать в памяти то, что ей дали на хранение. А тем, что знаешь по-настоящему, ты вправе распорядиться, не оглядываясь на хозяина, не кося глазами на книгу. Ученость чисто книжного происхождения – жалкая ученость! Я считаю, что она украшение, но никак не фундамент; в этом я следую Платону, который говорит, что истинная философия – это твердость, верность и добросовестность; прочие же знания и все, что направлено к другой цели, не более, как румяна.

...Недостаточно закалять душу ребенка; столь же необходимо закалять и его мышцы. Наша душа слишком перегружена заботами, если у нее нет должного помощника; на нее тогда возлагается непосильное бремя, так как она несет его за двоих. Я-то хорошо знаю, как тяжело приходится моей душе в компании со столь нежным и чувствительным, как у меня, телом, которое постоянно ищет ее поддержки. И, читая различных авторов, я не раз замечал, что то, что они выдают за величие духа и мужество, в гораздо большей степени свидетельствует о толстой коже и крепких костях. Мне доводилось встречать мужчин, женщин и даже детей, настолько нечувствительных от природы, что удары палкою значили для них меньше, чем для меня щелчок по носу: получив удар, такие люди не только не вскрикнут, но даже и бровью не поведут. Когда атлеты своею выносливостью уподобляются философам, то здесь скорее сказывается крепость их мышц, нежели твердость души. Ибо привычка терпеливо трудиться – это то же, что привычка терпеливо переносить боль. Нужно закалять свое тело тяжелыми и суровыми упражнениями, чтобы приучить его стойко переносить боль и страдания от вывихов, колик, прижиганий и даже от мук тюремного заключения и пыток. Ибо надо быть готовым и к этим последним; ведь в иные времена и добрые порой разделяют участь злых. Мы хорошо знаем это по себе!

...Что до той школы, которой является общение с другими людьми, то тут я нередко наталкивался, на один обычный порок: вместо того чтобы стремиться узнать других, мы хлопочем только о том, как бы выставить себя напоказ, и наши заботы направлены скорее на то, чтобы не дать залежаться своему товару, нежели чтобы приобрести для себя новый. Молчаливость и скромность – качества, в обществе весьма ценные. Ребенка следует приучать к тому, чтобы он был бережлив и воздержан в расходовании знаний, которые им будут накоплены; чтобы он не оспаривал глупостей и вздорных выдумок, высказанных в его присутствии, ибо весьма невежливо и нелюбезно отвергать то, что нам не по вкусу. Пусть он довольствуется исправлением самого себя и не корит другого за то, что ему самому не по сердцу; пусть он не восстает также против

—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—

общепринятых обычаев. Пусть он избегает придавать себе заносчивый и надуманный вид, избегает ребяческого тщеславия, состоящего в желании выделяться среди других и прослыть умнее других, пусть не гонится он за известностью человека, который бранит все и вся и пыжится выдумать что-то новое... Следует научить ребенка вступать в беседу или в спор только в том случае, если он найдет, что противник достоин подобной борьбы; его нужно научить также не применять все те возражения, которые могут ему пригодиться, но только сильнейшие из них. Надо приучить его тщательно выбирать доводы, отдавая предпочтение наиболее точным, а следовательно, и кратким. Но, прежде всего, пусть научат его склоняться перед истиной и складывать перед нею оружие, лишь только он увидит ее – независимо от того, открылась ли она его противнику или озарила его самого. Ведь ему не придется подыматься на кафедру, чтобы читать предписанное заранее. Ничто не обязывает его защищать мнения, с которыми он не согласен.

...Пусть совесть и добродетели ученика находят отражение в его речи и не знают иного руководителя, кроме разума. Пусть его заставят понять, что признаться в ошибке, допущенной им в своем рассуждении, даже если она никем, кроме него, не замечена, есть свидетельство ума и чистосердечия, к чему он в первую очередь и должен стремиться; что упорствовать в своих заблуждениях и отстаивать их – свойства весьма обыденные, присущие чаще всего наиболее низменным душам и что умение одуматься и поправить себя, сознаться в своей ошибке в пылу спора – качества редкие, ценные и свойственные философам.

Его следует также наставлять, чтобы, бывая в обществе, он присматривался ко всему и ко всем, ибо я нахожу, что наиболее высокого положения достигают обычно люди не слишком способные и что судьба осыпает своими дарами отнюдь не самых достойных. Так, например, я не раз наблюдал, как на верхнем конце стола, за разговором о красоте какой-нибудь шпалеры или о вкусе мальвазии, упускали много любопытного из того, что говорилось на противоположном конце. Он должен добраться до нутра всякого, кого бы ни встретил, – пастуха, каменщика, прохожего; нужно использовать все и взять от каждого по его возможностям, ибо все, решительно все пригодится, – даже чьи-либо глупость или недостатки содержат в себе нечто поучительное. Оценивая достоинства и свойства каждого, юноша воспитает в себе влечение к их хорошим чертам и презрение к дурным.

Пусть его душе будет привита благородная любознательность; пусть он осведомляется обо всем без исключения; пусть осматривает все примечательное, что только ему ни встретится, будь то какое-нибудь

здание, фонтан, человек, поле битвы, происходившей в древности, места, по которым проходили Цезарь или Карл Великий.

Пусть он осведомляется о нравах, о доходах и связях того или иного государя. Знакомиться со всем этим весьма занимательно и знать очень полезно.

В это общение с людьми я включаю, конечно, и притом в первую очередь, и общение с теми, воспоминание о которых живет только в книгах. Обратившись к истории, юноша будет общаться с великими душами лучших веков. Подобное изучение прошлого для иного – праздная трата времени; другому же оно приносит неоценимую пользу. История – единственная наука, которую чтит, по словам Платона, лакедемоняне. Каких только приобретений не сделает он для себя, читая жизнеописания нашего милого Плутарха? Пусть, однако, мой воспитатель не забывает, в чем его основная задача; пусть он старается запечатлеть в памяти ученика не столько дату разрушения Карфагена, сколько нравы Ганнибала и Сципиона; не столько, где умер Марцелл, сколько то, почему, окончив жизнь так-то и так-то, он принял недостойную его положения смерть. Пусть он преподаст юноше не столько события, сколько умения судить о них. Это, по-моему, в ряде прочих наук именно та область знаний, к которой наши умы подходят с самыми разнообразными мерками. Я вычитал у Тита Ливия сотни таких вещей, которых иной не приметил; Плутарх же – сотни таких, которых не сумел вычитать я, и, при случае, даже такое, чего не имел в виду и сам автор. Для одних это чисто грамматические занятия, для других – анатомия философии, открывающая нам доступ в наиболее сокровенные закоулки нашей натуры.

...За примерами могут с удобством последовать наиболее полезные философские правила, к которым надлежит прикладывать для проверки человеческие поступки. Пусть наставник расскажет своему питомцу, что означает: знать и не знать; какова цель познания; что такое храбрость, воздержанность и справедливость; в чем различие между жадностью и честолубием, рабством и подчинением, распущенностью и свободой; какие признаки позволяют распознавать истинное и устойчивое довольство; до каких пределов допустимо страшиться смерти, боли или бесчестия, какие пружины приводят нас в действие и каким образом в нас возникают столь разнообразные побуждения, ибо я полагаю, что рассуждениями, долженствующими в первую очередь напитать его ум, должны быть те, которые предназначены внести порядок в его нравы и чувства, научить его познавать самого себя, а также жить и умереть подобающим образом.

После того как юноше разъяснят, что же, собственно, ему нужно, чтобы сделаться лучше и разумнее, следует ознакомить его с основами логики, физики, геометрии и риторики; и, какую бы из этих наук он ни выбрал, – раз его ум к этому времени будет уже развит, – он быстро достигнет в ней успехов. Преподавать ему должны то путем собеседования, то с помощью книг; иной раз наставник просто укажет ему подходящего для этой цели автора, а иной раз он изложит содержание, и сущность книги в совершенно разжеванном виде. А если сам воспитатель не настолько сведущ в книгах, чтобы быть в состоянии отыскивать в них подходящие для его целей места, то можно будет дать ему в помощь какого-нибудь ученого человека, который каждый раз будет снабжать его тем, что требуется, а наставник потом будет уже сам указывать и предлагать их своему питомцу. Можно ли сомневаться, что подобное обучение много приятнее и естественнее, чем преподавание по способу Газы? Там докучные и трудные правила, слова, пустые и как бы бесплотные; ничто не влечет вас к себе, ничто не будит ума. Здесь же наша душа получит вдоволь поживы, здесь найдется, чем и где погостить. Плоды здесь несравненно более крупные, и созревают они быстрее.

...Поскольку философия учит жизни и детский возраст совершенно так же нуждается в подобных уроках, как и все прочие возрасты, почему бы не приобщить к ней и детей?

А между тем нас учат жить, когда жизнь уже прошла. Сотни школяров заражаются сифилисом прежде, чем дойдут до того урока из Аристотеля, который посвящен воздержанию. Цицерон говорил, что, проживи он даже двойную жизнь, все равно у него не нашлось бы досуга для изучения лирических поэтов. Что до меня, то я смотрю на них с еще большим презрением – это совершенно бесполезные болтуны. Нашему юноше приходится еще более торопиться; ведь учению могут быть отданы лишь первые пятнадцать-шестнадцать лет его жизни, а остальное предназначено деятельности. Используем же столь краткий срок как следует; научим его только необходимому. Не нужно излишеств: откиньте все эти колючие хитросплетения диалектики, от которых наша жизнь не становится лучше; остановитесь на простейших положениях философии и сумеете надлежащим образом отобрать и истолковать их; ведь постигнуть их много легче, чем новеллу Бокаччо, и дитя, едва выйдя из рук кормилицы, готово к их восприятию в большей мере, чем к искусству чтения и письма. У философии есть свои рассуждения как для тех, кто вступает в жизнь, так и для дряхлых старцев.

...Даже игры и упражнения – и они станут неотъемлемой и довольно значительной частью обучения: я имею в виду бег, борьбу, музыку, танцы, охоту, верховую езду, фехтование. Я хочу, чтобы благовоспитанность, светскость, внешность ученика совершенствовались вместе с его душой. Ведь воспитывают не одну душу и не одно тело, но всего человека: нельзя расчленять его надвое. И, как говорит Платон, нельзя воспитывать то и другое порознь; напротив, нужно управлять ими, не делая между ними различия, так, как если бы это была пара впряженных в одно дышло коней. И, слушая Платона, не кажется ли нам, что он уделяет и больше времени и больше старания телесным упражнениям, считая, что душа упражняется вместе с телом, а не наоборот?

Вообще же обучение должно основываться на соединении строгости с мягкостью, а не так, как это делается обычно, когда, вместо того чтобы приохотить детей к науке, им преподносят ее как сплошной ужас и жестокость. Откажитесь от насилия и принуждения; нет ничего, по моему мнению, что так бы уродовало и извращало натуру с хорошими задатками. Если вы хотите, чтобы ребенок боялся стыда и наказания, не приучайте его к этим вещам. Приучайте его к поту и холоду, к ветру и жгучему солнцу, ко всем опасностям, которые ему надлежит презирать; отдайте его от изнеженности и разборчивости; пусть он относится с безразличием к тому, во что он одет, на какой постели спит, что ест и что пьет: пусть он привыкнет решительно ко всему. Пусть не будет он маменькиным сынком, похожим на изнеженную девицу, но пусть будет сильным и крепким юношей. В юности, в зрелые годы, в старости я всегда рассуждал и смотрел на дело именно так. И наряду со многими другими вещами порядки, заведенные в большинстве наших коллежей, никогда не нравились мне. Быть может, вред, приносимый ими, был бы значительно меньше, будь воспитатели хоть немножко снисходительней. Но ведь это настоящие тюрьмы для заключенной в них молодежи. Там развивают в ней развращенность, наказывая за нее прежде, чем она действительно проявилась. Зайдите в такой коллеж во время занятий: вы не услышите ничего, кроме криков – криков школьников, подвергаемых порке, и криков учителей, ошалевших от гнева. Можно ли таким способом пробудить в детях охоту к занятиям, можно ли с такой страшной рожей, с плеткой в руках руководить этими пугливыми и нежными душами? Ложный и губительный способ! [...] Насколько пристойнее было бы усыпать полы классных комнат цветами и листьями вместо окровавленных ивовых прутьев! [...]

Томазо Кампанелла

ГОРОД СОЛНЦА

Собеседники: Главный гостиник и Мореход из Генуи

Гостиник

Поведай мне, пожалуйста, о всех своих приключениях во время последнего плавания.

Мореход

Я уже рассказывал тебе о своем кругосветном плавании... во время которого был вынужден сойти на берег...

Гостиник

Ну, а там что с тобой приключилось?

Мореход

Я неожиданно столкнулся с большим отрядом вооруженных мужчин и женщин, многие из которых понимали наш язык. Они сейчас же повели меня в Город Солнца.

Гостиник

Скажи мне, как устроен этот город и какой в нем образ правления?

Мореход

Образ правления. Верховный правитель у них – священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в брэнном и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Син и Мор, или по-нашему: Мощь, Мудрость и Любовь.

Ведение правителя Мощи. В ведении Мощи находится все касающееся войны и мира: военное искусство, верховное командование на войне; но и в этом он не стоит выше Солнца. Он управляет военными должностями, солдатами, ведает снабжением, укреплениями, осадами, военными машинами, мастерскими и мастерами, их обслуживающими.

Ведение правителя Мудрости. Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственные должностные лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу наук: имеется Астроном, также и Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист. И есть у них всего одна книга, под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев.

Легкость усвоения наук при помощи картин. По повелению Мудрости, во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности, отображающей все науки. На внешних стенах храма и на завесах, ниспадающих, когда священник произносит слово, дабы не терялся его голос, минуя слушателей, изображены все звезды с обозначением при каждой из них в трех стихах ее сил и движений.

На внутренней стороне стены первого круга изображены все математические фигуры, которых значительно больше, чем открыто их Архимедом и Евклидом. Величина их находится в соответствии с размерами стен, и каждая из них снабжена подходящей объяснительной надписью в одном стихе: есть там и определения, и теоремы, и т. п. На внешнем изгибе стены находится, прежде всего, крупное изображение всей земли в целом; за ним следуют особые карты всевозможных областей, при коих помещены краткие описания в прозе обычаев, законов, нравов, происхождения и сил их обитателей; так же и алфавиты, употребляемые во всех этих областях, начертаны здесь над алфавитом Города Солнца.

На внутренней стороне стены второго круга, или второго ряда строений, можно видеть как изображения, так и настоящие куски драгоценных и простых всякого рода камней, минералов и металлов с пояснениями при каждом в двух стихах. На внешней стороне изображены моря, реки, озера и источники, существующие на свете, также как и вина, масла и все жидкости; указано их происхождение, качества и свойства; а на выступах стены стоят сосуды, наполненные жидкостями, выдержанными от сотни до трехсот лет, для лечения различных недугов. Там же, с соответствующими стихами, находятся и подлинные изображения града, снега, грозы и всех воздушных явлений.

На внутренней стороне стены третьего круга нарисованы все виды деревьев, и трав, а иные из них растут там в горшках на выступах наружной стены строений; они снабжены пояснениями, где какие впервые найдены, каковы их силы и качества и чем сходствуют они с явлениями небесными, среди металлов, в человеческом теле и в области моря; каково их применение в медицине и т. д. На внешней стороне – всевозможные породы рыб речных, озерных и морских, их нравы и особенности, способы размножения, жизни, разведения, какая от них польза миру и нам, равно как и сходства их с предметами небесными и земными, созданными природой или искусственно. [...] И все достойное изучения представлено там в изумительных изображениях и снабжено пояснительными надписями.

На внутренней стороне четвертого круга изображены всякие породы птиц, их качества, размеры, нравы, окраска, образ жизни и т. д. И Феникса

они считают за действительно существующую птицу. На внешней стороне видны все породы пресмыкающихся: змеи, драконы, черви – и насекомые: мухи, комары, слепни, жуки и т. д., с указанием их особенностей, свойств ядовитости, способов применения и т. д. И их там гораздо больше, чем даже можно себе представить.

На внутренней стороне стены пятого круга находятся высшие земные животные, количество видов которых просто поразительно; мы не знаем и тысячной их части. И такое их множество и таковы их размеры, что изображены они и на внешней стороне круговой стены. Сколько там одних только лошадиных пород, какие все это прекрасные изображения и как толково все это объяснено!

На внутренней стороне стены шестого круга изображены все ремесла с их оружием и применение их у различных народов. Расположены они сообразно их значению и снабжены пояснениями. Тут же изображены и их изобретатели. На внешней же стороне нарисованы все изобретатели наук, вооружения и законодатели; видел я там Моисея, Озириса, Юпитера, Меркурия, Ликурга, Помпилия, Пифагора, Замолксия, Солона и многих других; имеется у них и изображение Магомета, которого, однако, они презирают, как вздорного и ничтожного законодателя. Зато на почетнейшем месте увидел я образ Иисуса Христа и двенадцати апостолов, которых они глубоко чтят и превозносят, почитая их за сверхчеловеков. Видел я Цезаря, Александра, Пирра, Ганнибала и других достославных мужей, прославившихся на войне и в мирных делах, главным образом римлян, изображения которых находятся на нижней части стен, под портиками. Когда же стал я с изумлением спрашивать, откуда известна им наша история, мне объяснили, что они обладают знанием всех языков и постоянно отправляют по всему свету нарочных разведчиков и послов для ознакомления с обычаями, силами, образом правления и историей отдельных народов и со всем, что есть у них хорошего и дурного, и для донесения затем своей республике; и все это чрезвычайно их занимает. Узнал я там и то, что китайцами еще раньше нас изобретены бомбарды и книгопечатание. Для всех этих изображений имеются наставники, а дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до достижения десятилетнего возраста.

Ведение правителя Любви. Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой. В ведении того же правителя находится воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще все, относящееся к пище,

одежде и половым сношениям. В его распоряжении находится ряд наставников и наставниц, приставленных следить за всеми этими делами.

Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные...

Гостиник

Скажи, а какой у них порядок выбора должностных лиц?

Мореход

Об одежде, воспитании и выборах. Этого ты как следует не поймешь, прежде чем не познакомишься с их образом жизни. Прежде всего, да будет тебе известно, что мужчины и женщины у них носят почти одинаковую одежду, приспособленную к военному делу, только плащ у женщин ниже колен, а у мужчин не доходит до колен. И все они обучаются всяким наукам совместно. По второму и до третьего года дети обучаются говорить и учат азбуку, гуляя вокруг стен домов; они разделяются на четыре отряда, за которыми наблюдают поставленные во главе их четыре ученых старца. Эти же старцы, спустя некоторое время, занимаются с ними гимнастикой, бегом, метанием диска и прочими упражнениями и играми, в которых равномерно развиваются все их члены. При этом до седьмого года они ходят всегда босиком и с непокрытой головой. Одновременно с этим водят их в мастерские к сапожникам, пекарям, кузнецам, столярам, живописцам и т. д. для выяснения наклонностей каждого.

На восьмом году, после начального обучения основам математики по рисункам на стенах, направляются они на лекции по всем естественным наукам. Для каждого предмета имеется по четыре лектора; и в течение четырех часов все четыре отряда слушают их по очереди, так что в то время, как одни занимаются телесными упражнениями или исполняют общественные обязанности, другие усердно занимаются на лекциях.

Затем все они приступают к изучению более отвлеченных наук: математики, медицины и других знаний, постоянно и усердно занимаясь обсуждениями и спорами. Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего, – каждый по указанию своего вождя или руководителя. Они отправляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству; и того почитают за знатнейшего и достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела. Поэтому они издеваются над нами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством, живет праздно и держит множество слуг для своей праздности и распутства, отчего, как из школы пороков, и выходит на погибель государства столько

---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
 бездельников и злодеев. Остальных должностных лиц избирают четыре главных правителя и руководители соответственных наук и ремесел, хорошо знающие, кто наиболее пригоден заведовать тем или иным мастерством и ведать ту или иную добродетель. И никто не выступает сам в качестве соискателя, как это обычно принято, а предлагается на Совете должностными лицами, где каждый на основании своих сведений высказывается за или против избрания определенного лица.

Избрание. Но никто, однако, не может достичь звания, кроме того, кто знает историю всех народов, все их обычаи, религиозные обряды, законы, все республики и монархии, законодателей и изобретателей наук и ремесел и строение и историю неба. Также почитается для этого необходимым ознакомиться со всеми ремеслами (ведь всего в какие-нибудь два дня можно постичь одно из них, хотя и не овладевая им практически, но освоившись с ним по его применению и изображениям). Также надо знать и науки физические, и математические, и астрологические; не так существенно знакомство с языками, так как у них имеется много переводчиков, которыми служат в их республике грамматики. Но преимущественно перед всем необходимо постичь метафизику и богословие; познать корни, основы и доказательства всех искусств и наук; сходства и различия в вещах; необходимость, судьбу и гармонию мира; мощь, мудрость и любовь в вещах и в боге; разряды сущего и соответствия его с вещами небесными, земными и морскими и с идеальными в боге, насколько это постижимо для смертных, а также изучить пророков и астрологию. Таким образом, уже задолго известно, кто станет. Но никто, однако, не возводится в это звание ранее достижения тридцатипятилетнего возраста. Должность эта несменяема до тех пор, пока не найдется такого, кто окажется мудрее своего предшественника и способнее его к управлению. [...]

Вскормленный грудью младенец передается на попечение начальниц, если это девочка, или начальников, ежели это мальчик. И тут вместе с другими детьми они занимаются, играючи, азбукой, рассматривают картины, бегают, гуляют и борются; знакомятся по изображениям с историей и языками. Одевают их в красивые пестрые платья. На седьмом году переходят они к естественным наукам, а потом и к остальным, по усмотрению начальства, и затем к ремеслам. Дети менее способные отправляются в деревню, но некоторые из них, оказавшиеся более успешными, принимаются обратно в город. Но в большинстве случаев, родившись под одним и тем же расположением звезд, сверстники сходятся и по способностям, и по нраву, и по наружности, отчего проистекает великое согласие в государстве, поддерживаемое неизменной взаимной любовью и помощью друг другу.

Тема 3 ВОСПИТАНИЕ, ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ПО XIII В.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

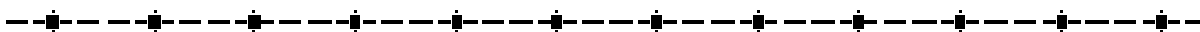
Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господа ради; лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, умертви грех». [...]

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», – снова скажем: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и

славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и имея язык онемеют. «И благословен, господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, да будет проклят!»

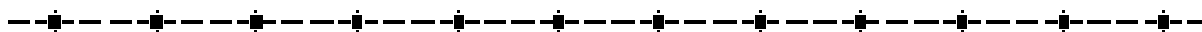
Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее – это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, – если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможет, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, – нежели думать безделицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них,

и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, – то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превыше всего. Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спать в полдень назначено богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди. [...]

ИЗ НАРОДНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ (1910 г.)

По старому обычаю ребенка начинали учить грамотѣ, когда ему исполнялось семь лѣтъ. Отецъ приглашалъ тогда ближайшихъ родственниковъ и советовался съ ними, не время ли сына отдать въ «книжное наученіе». Послѣ этого приглашали священника и служили молебень покровителю науки св. пророку Науму и тому святому, именемъ котораго назывался сынъ. При этомъ мальчика окропляли святою водою, священникъ говорилъ соотвѣтствующее наставленіе, а отецъ и мать благословляли сына, напутствовали его и совѣтовали слушаться учителя и хорошо учиться. Затѣмъ отецъ и родственники шли къ «мастеру». Сдѣлавъ послѣднему поклоны и поздоровавшись, приступали къ уговору, – чему учить мальчика, сколько и чѣмъ платить. Сговорившись, отецъ ученика и «мастеръ» били по рукамъ, послѣ чего мальчикъ поступалъ въ полное распоряженіе учителя. Сдѣлавъ три поклона передъ образомъ и поклонившись въ ноги учителю, ученикъ получалъ букварь, доставалъ указку и садился на указанное ему учителемъ мѣсто за столомъ и начиналъ «книжное ученіе». Это было тяжелое ученіе, о которомъ теперь даже и представить себѣ не могутъ.

Лѣтъ 500–400 тому назадъ буквари и книги были рукописные, а печатные явились лѣтъ триста тому назадъ. Учиться по рукописнымъ букварямъ и книгамъ, написаннымъ различными почерками, это была чистая каторга. Сплошь да рядомъ научившійся читать далеко не могъ осилить каждую тогдашнюю книгу, а обыкновенно справлялся только съ извѣстными книгами, преимущественно съ псалтирью и часословомъ, которые зубрили наизусть.

Когда ученикъ, преодолевъ псалтирь, приступалъ къ часослову, его начинали обучать письму, которое стоило дороже, чѣмъ обученіе чтенію, и доставалось съ большимъ еще трудомъ.

Бумага въ то время стоила очень дорого и, кромѣ того, надо было обзавестись гусиными перьями и научиться чинить ихъ перочиннымъ ножикомъ. Обученіе, письму состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что передъ учениками клали пропись и заставляли копировать ее.

Суровые учителя не любили долго разьяснять непонятное для учениковъ, а чуть что прямо давали подзатыльники и наказывали розгами и плетью. Въ тѣ времена розги не только не считались позорнымъ наказаніемъ, унижающимъ человѣческое достоинство, а считались необходимымъ спутникомъ просвѣщенія и даже восхвалялись.

Въ начале одной изъ тогдашнихъ книгъ была прописана такая похвала розгѣ:

«Въ предисловіи место сіе полагаемъ:
 Розгою Духъ Святый дѣтище бити велить,
 Розга убо ниже мало здровіи вредить.
 Розга разумъ во главу дѣтямъ вгоняетъ,
 Учитъ молитве и злыхъ всѣхъ встягаетъ.
 Розга родителемъ послушны дѣти творить,
 Розга божественнаго писанія учитъ.
 Розга, аще біеть, но не ломить кости,
 А дѣтище отставляетъ отъ всякія злости.
 Розгою, аще мать и отецъ часто біють дѣтище свое,
 Избавляетъ душу его отъ всякаго грѣха.
 Розга учитъ дѣлать вся присно ради хлѣба,
 Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба.
 Розга убо всякимъ добротамъ поучаетъ,
 Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяетъ.
 Розгою отецъ и мати, еже дѣтище не біють,
 Удаву на выю его скоро увиють.
 Вразуми, Боже, матери и учителя,
 Розгою малыхъ дѣтей быти ронители,
 Благослови, Боже, оныя лѣса,
 Иже розги добрыя родяты на долгія времена.
 Малымъ дѣтямъ розга черемховая двоюлѣтняя,
 Сверстнымъ же березовая къ воумиленію,
 Черемховая же къ страхованію ученія,
 Старымъ же дубовый жезль къ подкрѣпленію.
 Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити,
 Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
 Аще ли же безъ розги измлада возрастетъ,
 Старости не достигнетъ удобъ скончится.»

—■—

Вотъ какъ восхвалялась нашими предками розга! Вотъ какъ учили въ древнія времена!

Занятія въ школъ начинались тогда очень рано, часовъ въ семь утра. При входѣ въ классъ ученики крестились на образа и низко кланялись учителю, а если онъ былъ священникъ, то дѣлали земные поклоны. Послѣ этого они садились на свои мѣста и зубрили почти цѣлый день. До обѣда, обыкновенно, повторяли «зады», т. е. все, пройденное наканунѣ.

Въ полдень обѣдали, потомъ спали, а затѣмъ часовъ съ двухъ начинали долбить новый урокъ.

Кончали учиться, когда звонили къ вечернѣ.

Ученики по окончаніи занятій творили молитву, прятали свои книги, убирали школу и расходились по домамъ.

Но и такихъ школъ было очень мало, а учились въ нихъ преимущественно дѣти состоятельныхъ родителей — бояръ, служилыхъ людей, духовенства. Для широкихъ массъ населенія почти не было доступа въ школу.

**Тема 4 ВОСПИТАНИЕ, ШКОЛА
И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
В БЕЛАРУСИ В IX–XVIII вв.**

Франциск Скорина

**ПРЕДОСЛОВИЕ
ДОКТОРА ФРАНЬЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА
В КНИГИ ИУДИФ-ВДОВИЦИ**

...По смерти пак Цирове царствовал ест Камвизей, сын его. Того, ставячи на царство, прозвали суть Навходносором. Той захотел не токмо царем быти, но и богом, яко же пишеть о нем во книзе сей. И для тое речи послал ест з войском Олоферна, воеводу своего, абы подбил вси земли под власть его. Евреи пак в том, не хотячи послухати, спротивишесе ему. И тако Олоферн, вшед в землю их, обляже наипервей град Вефулию. И с того града вышедши жена-вдовица, именем Июдиф, от нея же называется книга сия, отсече главу Олофернову, избави людей Израилевых от руку его.

А для того царь Навходносор или Камвизей, его же Ездра называет во книгах своих Арътаксерсос, заповедал евреом, абы не будовали храму господня в Ерусалиме. А то ся делало пред нарожением нашего спасителя Иуса Христа из пречистое богородици девици Марии лет пятьсот тридесать и девять.

Потом на вселенском соборе в Никии святыми отци дозволена нам сия книга Иудиф чести к нашему научению, абыхом, яко зерьцало, жену сию преславную пред очима имеюще, в добрых делех и в любви отчины не толико жены, но и мужи наследовали и всякого тружания и скарбов для посполитого доброго и для отчины своея не лютовали.

Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по въздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чуютъ виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, – тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають. Прото ж и сия вдовица Иудиф для места рождения своего выдала ест живот свой на небезпеченство. Но господь бог для доброго умыслу ея помог ей, яко непобедимого от людей победила. [...]

ПРЕДЪСЛОВИЕ
ДОКТОРА ФРАНЬЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА
ВО ВСЮ БИВЛИЮ РУСКАГО ЯЗЫКА

...В сей книзе все прироженое мудрости зачало и конецъ; бог вседержитель познавай бываетъ. В сей книзе вси законы и права, ими же люде на земли справоватися имають, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства, душевные и телесные, зуполне найдете. Ту навчение философии добронравное, яко любити бога для самого себе и ближнего для бога, имамаы. Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою, соединением ласки и згодою посполитое доброе помножено бываетъ. Ту научение седми наук вызволены достаточное.

Хощеши ли умети граматику или, по-русски говорячи, грамоту, еже добре чести и мовити учить, найдеши в зуполной Бивлии, Псалтыру, чти ее. Пакли ти ся любить разумети логику, – она же учить з доводом розознати правду от кривды, – чти книгу светого Иова или Послания светого апостола Павла. Аще ли же помыслиши умети риторику, еже ест красномовность, чти книги Саломоновы. А то суть три науки словесные. Восхощеш ли пак учитися музыки, то ест певници, премножество стихов и песней светлых по всей книзе сеи найдеши. Любо ли ти ест умети аритметику, еже вократце, а неомылне считати учить, четвертыи книги Моисеевы часто чти. Пак ли же имаши пред очима науку геометрию, еже по-русски сказуется землемерение, чти книгу Исуса Наувина; естли астрономии или звездочети – найдеш на початку книги сее о сотворении солнца, и месеца, и звезд; найдеш во Исусе Наувине, яко стояло солнце на едином месте за целый день; найдеш во книгах Царств, иже солнце воспать поступило неколико ступнев; найдеш во светом Еувангелии о новосотвореной звезде часу нарожения нашего спасителя Исуса Христа. Более воистинну чудитися превеликой божиеи моци мусиш, нижли учитися. А то суть седми наук вызволенных.

Аще ли же кохание имаши ведати о военных а о богатырских делех, чти книги Судей или книги Махавеев. Более и справедливее в них найдеш, нежели во Александрии или во Тройи.

Пак ли же вократце сведати хощеши много тысецей лет летописецъ, чти книги Паралипомена. Там, поченши от Адама, даже до Седехии, останочного царя Иудина, роды положены суть. Потребуеши ли науки и мудрости, добрых нравов, часто прочитай книги Исуса Сирахова, а Притчи Саломоновы. [...]

Николай Гусовский

ПЕСНЯ О ЗУБРЕ

[...] Княжий указ, охраняющий мать и потомство,
 Преумножает тем самым сокровища края.
 И на червонное золото народ наш сокровища эти
 Не разменяет. Его убеждение твердо:
 Наши леса – это кладезь бездонный богатства,
 Благо страны. Караваны судов чужеземных
 К нам приплывают, блистая заморским товаром.
 Щедрая влага из кладезей этих природы
 Теплым дождем выпадает на тучные пашни.
 В реках от самых верховьев до устьев широких –
 Лес на плаву, он – как мост между землями княжеств.
 Почвы богатые требуют мало усилий,
 Только при жатве вся нива пестреет жнецами;
 В рощах тенистых пасутся стада на приволье,
 А на лугах – табуны скакунов быстроногих.
 Пашен плоды и лесов своих дар за моря мы
 Всем продаем и, хотя по достатку мы равны,
 Ценим заморское меньше, чем рощи родные.
 Край благодатный – великое княжество наше,
 Но не одна красота в его море зеленом.
 Лес наш приносит большую хозяевам пользу:
 Он – кладовая живицы и смол корабельных,
 Меха пушного, и меда, и воска, и дичи.
 Так что купец чужестранный тугою мошною
 Может тряхнуть, не скупясь, на торгах наших людных.
 Все тут – сосна корабельная, дуб для поделок,
 Тес для богатых домов – королевствам безлесным.
 Лес вырастает у нас удивительно быстро,
 Вряд ли где встретишь подобных лесных великанов.
 Благоухают цветами опушки лесные,
 Сельского люда места для забав и гуляний.
 Бортники наши под кронами старых деревьев
 Выдолбят ствол, и, глядишь – получается улей;
 Так приручаем пчелу мы и мед добываем.
 Птицы лесной несказанное множество в пуще,
 Бьют ее стрелами, а иногда – из мушкетов.
 Те петухи, о которых писал еще Плиний,
 Водятся стаями, тут их зовут глухарями –

Грузная птица, по весу гуся тяжелее.
 Запах особый присущ глухаринному мясу.
 Большая есть ли удача, чем та, когда видишь,
 Как, вострепнувшись, подбитый, он падает наземь.
 С тяги охотник уносит двойную добычу:
 Пищу желудку и пищу уму в одночасье.
 Где ни пойдешь – мастерят то ловушки, то сети:
 Если одной не поймаешь, другою добудешь.
 Леса закон для добытчиков всех одинаков.
 Край наш природа таким наделила богатством,
 Что преизбыток дает нам свободу добычи. [...]

* * *

Войны! Презренное дело войны вызывает
 Гнев мой, и слезы, и боль. Без конца, в одиночку,
 Войны ведем мы за всех, за священное братство.
 Страшный нас враг осаждает и жаждет под корень
 Нас истребить, как и имя Христа в наших землях.
 Дерзкий пришелец, ворвавшийся в наши пределы,
 Нагло твердя, что воюет не ради захватов,
 Топит в крови иноверцев, сжигает селенья.
 Там, где орда пронесется, останется пепел,
 Воронов тучи да псы одичалые. Если
 Он победит, лучше смерть нам принять, отказавшись
 От кабалы и страданий невольничьей жизни.
 Тот, кому вера велит ненавидеть другого,
 Вряд ли достоин господнего благоволенья.
 Грудью встречая врага на переднем краю, как заставой,
 Мы обескровели, меч наше тело изранил.
 Кровь наша реками льется и путь продвиженья
 Вражеских орд замедляет; щиты наши в дырах
 От бердышей беспощадных и в шрамах от сабель.
 Враг, скрежеща в озлобленье зубами, под скрежет металла
 Явно застрял бы и воинству нашему легче
 Было б сражаться, окрепла бы вера в успехи.
 Если б крещенный народ за спиной вероломно
 Не ослаблял наши силы ударами с тыла.
 Наших соседей напасть батогом не коснулась,
 Красный петух не прошелся по стрелчатым крышам.
 Тихий уют их пока что ничем не нарушен,
 Лишь потому, что наш край полыхает в пожарах.

Вместо, того чтоб помочь нам, они выступают
 В тесном союзе с пришельцем, советом и делом
 С ним заодно, полагая на гибели нашей
 Быстро самим вознестись, двоедушным спесивцам.
 Может, безумцы (лишь в бешенстве давней болезни
 Так поступают!) тогда и пропишут лекарство
 Страждущим ныне, когда оно будет не нужно.
 Явные знаки опасности видящий видит:
 Это у них, но и к нам приближается быстро.
 Жажда захватов, врагов обойди стороною!
 Если же алчут, себя пусть грызут озверело,
 И да окрасятся кровью снега в их пределах!
 Жажда захватов для них же самих уготовит
 Цепи гремящие им и их детям навеки!
 Перст указующий грозен, господь неподкупен –
 И совершится возмездие всем нечестивым.
 Время подумать, опомниться! Гром громыхает
 Где-то далеко, но черная, грозная туча
 Двигается быстро! Нашествие смерти подобно.
 Разумом ужас угрозы постичь, наяву не увидев,
 Непостижимо, но завтрашний день под угрозой!
 Он же, сосед наш, ответит, когда огласятся
 Плачем и стоном его города и деревни.
 Будет казнить себя: где же была наша ярость,
 Как же могли мы охотно расчистить дорогу
 Ордам презренным, несущим жестокое иго
 Нашим соседям, и нам, и далеким народам?
 Как же могли мы накликать неволю, которой
 Хватит и детям, и внукам, и правнукам нашим?

* * *

Хватит убийств! Возбужденная совесть и разум
 Властно велят мне тревогу поднять, ополчиться
 Против разбоя. Как долго весь мир христианский
 Марс беспощадный купает в крови, потрясая
 Веры устои! Она, христианская вера.
 Шаткою стала и дома, и на поле брани.
 Вражьи ли сабли, свои ли мечи подрубают?
 На поругание недругов наших предав ее подло,
 Нам лишь на милость небес уповать остается.
 Но преступления наши лишают надежды

На избавление скорое – смеем ли думать?
 Совесть земных повелителей, кажется, в спячке,
 Все их поступки – увы! – не забота о мире.
 Больше всего беспокоит их то, как острее
 Меч наточить, чтоб в бою обезглавить другого.
 Междоусобные войны и братоубийства –
 Все их занятия и увеселенья для духа.
 Воины гибнут с обеих сторон в этих распрях.
 Что для князей наша кровь, наши слезы и горе?
 Им лишь бы править, свое удержать превосходство,
 Вот и творят злодеяния, судьбами люда играют.
 Наши враги, это видя, глумятся над нами:
 Сан их высокий велит им быть стражей над паствой, –
 Где там! – как волки, терзают ее, раздирают.
 Вот до чего довели их и ярость слепая, и злоба,
 Как глубоко вкоренилось безумство в сердца из железа!
 Непримиримость, вражда между ними и распри
 Непостижимы уму, а народы в ответе. [...]

Симон Будный

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К «КАТЕХИЗИСУ...»

Катехизис есть слово греческого языка, переводится же оно на славянскую речь как оглашение или голосом учение. [...]

Потом, однако же, и труднейшее искушение настало для хотящих креститься. Ибо находим в посланиях учительских и в некоторых правилах, что те, которые хотели креститься, должны были вначале немалое время отдельно в церкви стоять, на колени припадать, чтение евангельское услышавши, а более всего должны были, когда следовало уже вечерю господню начинать, вон из церкви выходить, определенное время поститься и на каждой неделе в четверг веру перед епископом или перед пресвитором исповедовать. А до тех пор, пока кто-либо таковые вещи не выполнил, тот крещен не был и такого звали оглашенным, а по-гречески – катикуменос. Науку же их таковую [называли] Оглашением, по-гречески – Катехизис.

Был то обычай очень нужный и полезный. [...] К тому и учителя должны по своей должности быть внимательны. Однако дьявол не

—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—

допустил этому обычаю долго меж христианами быть, «ибо когда же люди спали», как сказано в Евангелии, «пришел враг и посеял плевелы», то есть когда они (учителя) ленились учить людей, научил их дьявол, дабы верили, что без науки, без веры и без исповедания человек может быть спасен, только бы водою в детстве окрещен был, а, повзрослев, только бы в определенные дни мяса не ел, милостыню хотя бы от излишнего приобретения давал, святым молился и эти обычаи сохранял.

А, наконец, до того доходили, если кто что-либо имел, чтобы попам на спасение души все отдать, чтобы они тело на освященной земле похоронили, проводили поминками – третины, девятины, полсорочины, полгодаины, години и иные такие же вымыслы справляли. Для этого имения, села, города отписывали, монастыри и церкви отдавали или вновь строили, жертвовали на колокола, ризы, иконы, надеясь за такие дела обрести спасение, Царство божие и вечную жизнь. Все это, говорю, потому в церковь христову вошло, что в святой обычай, которого первая церковь по повелению Христа держалась, допустили дьяволу вредные плевелы посеять. Христос же говорит: «Шедшей, научите вся язык и крестяще их!» Они же (учителя) не только не учат, но и сами мало правды знают и тем, которые бы учить хотели, запрещают. Не иначе как ранее еврейские учителя, о которых господь говорит: «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли и входящим воспрепятствовали!» Не надо о том много писать. Ибо все знаем, каких теперь имеем учителей.

Знает весь свет, как на свои должности вступают, не тайна тоже, как ими пользуются и как выполняют свои обязанности. Лучше плакать, чем их нравы описывать. Достоверно то, что напрасно их исправления в науке или в жизни ждать. Лучше, чтобы каждый, кто не хочет погибнуть, много себе лекарства искал, а таким пастырям дал покой. Ибо так повелевает господь, в том месте где апостолам, а это значит, всем учителям говорит: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попраение людям». Солью называет господь всех учителей, так как соль сохраняет то, что ею посолят, дабы не провоняло. Так и учитель наказанием, поучением и напоминанием сохраняет Людей от духовного гниения. Если же того не делает, повелевает господь вон его выкинуть и потоптать, как соль, если бы она взбесилась или утратила силу. Почему же непослушны мы повелению этому самого сына божьего? ... Должно и о другом слове помнить: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

*Василий Николаевич Тяпинский
(Омельянович)*

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К «ЕВАНГЕЛИЮ»

[...] Для того, чтобы сначала сами и их детки разум свой не абы как готовили, заостряли и в вере упражняли тем временем тот катехизис, о котором сами своим взглядом, как я надеюсь, за вещь воистину нужную, если не сейчас, то всегда в свое время узнают, им вперед подаю. Тот их охочими к влиятельнейшим наукам в слове своем, к устойчивому рассудку и к умению господь сделает и возбудит. А то не без великой надобности делается, ибо та теперь между ними как возникла, так и погибла; осмотр вещей жалостных насилуем слова к устам гонит.

А кто богобоязненный не удержится на такое покарание божие смотреть, кто не вынужден плакать, видя так великих княжат, таких значительных господ, так много невинных детей, мужей с женами в таком славном русском (т. е. белорусском), а особенно перед тем смекалистым, ученом народе языка своего славного запущенность и просто презрение, с которого за покаранием панским такая ясная их в слове божьем мудрость, которая была им почти как врожденная, когда от них отошла, а на ее место в тех местах такое оплаканное неумение пришло, что уже некоторые и письменности своей [...] стыдятся? И наостаток, что может быть жалостнейшим, что безобразно уродливым, что и те, которые между нами называются духовными учителями, смело скажу, еще меньше им не владеют, еще меньше его понимания не знают и в нем не учатся, но даже и школы для его изучения не имеют, ради чего в польские либо в другие письмена за такой неволей не только себя и детей, не без стыда своего, чтобы только услышали, немало приучают?

Здесь бы я им их же, хотя бы одного из множества числа тех славян Иоанна либо Григория, которых ради их великой не только в своем, но также и в разных языках науки и ради признательного их выговора даже златоустыми называли, если бы были живы, рад бы был взять себе за причину, к ним в том, а наостаток за свидетеля им той речи. Ибо, если бы они ныне были, воистину сумели бы, вероятно, видя, как украшение и гордость народа их в потомстве их отнята и просто погибла, о котором бы как же необходимо стараться проявить жалость самих над собой. Ибо если бы, не говоря, посмотрели в давние времена, какой то был благородный, славный, стремительный, ученый народ их в умении и как многократно посторонние ученые народы должны были восхвалять их мудрость и, конечно же, учиться у них.

Но хотя бы письмена свои... уважали...

Действительно, кто хотел бы и умел тот перевод читать, тот увидел бы, что наш милый славянин превосходил и должно быть за собою оставил латинских и иных толмачей (переводчиков), как он из греческого переводил собственно слова, что трудно понять, каким языком, греческим или славянским, он больше владел.

И чтобы не было более, тогда и оттуда достаточно знак немалый имеем, как перед тем славяне, которым может быть прирожденнейшего как не Русь, был народ ученый, и если бы еще это вновь не попустительствовало, а главным образом были бы в чтении тех своих письменностей беглейшими, т. е. чтобы это ненарасно им приводилось.

Были бы, говорю, как там пишется в памятниках об их сметливости и остроумии... как множество людей к вере из заблуждений вытягивали и как в разных языках учеными были; к тому как образ жизни праведный вели, а также как между собой злых и фальшивых в вере братьев переносили, лечили, направляли, как же учителей своих, согласно науки слова божьего, благочестивым супружеством от иных отделили и их тем украшенных всем народам и верам и поныне в пример, право, как свечу, чистотою супружества светящую, показывали, – было бы что поистине широко о них написать.

Однако только один явный, ясный и вечной памяти достойный пример их припомню, который и без письма всем известный, – значительный и почти видимый есть. Как они ради так великой праведности своей вопреки иных таким щедрым даром были украшены от господа бога, что не говоря про папу римского, но и вопреки ученейшим тех времен народам... Как то и на глаз могло бы усмотреться и в недалеких нам немцев, поляков, французов, англичан, испанцев, а кратко говоря, сверх всех на свете христианских народов, в слове божьем прозревши, только сами одни то доказали, что, согласно науки апостольской, своим собственным языком от так давнего времени слово божье перевели, имели и нам покинули. В чем все иные народы едва ли даже не до нашего столетия усмотрели их пример и то не без малого расстройство и оскорбления, пришли к тому, что слово божье и латинских и иных письменностей также своим прирожденным языком перевели и читать начали.

Однако дал бы то господь бог, чтобы вы, каждый от себя, о благородные паны, которые являетесь в том деле якобы отцами по таких почетных предках своих остались и на их место вступили, потому что в том либо никакой помощи гуманной для греха нет, либо только вы сами тому из милости к отчизне вашей могли бы помочь, когда ж простота обычного бедного человека на вас всегда глаза свои направляла, направляет и за вами идет.

В ту нужду отчизны вашей, в простоту грубую из-за недостатка науки братии вашей примером своим милосердным, если есть что

от милости братское у вас, – когда ж между всем отзывчивым человечеством ничего нет так собственного, а особенно богобоязненному человеку, как смилование, которым проявляем по себе некое подобенство доброты божее и, наконец, ради оплаты себе от господа бога вечное, – тому народу вашему, обманутому и измученному, помогая, митрополита вашего, владык и учителей ваших к тому просьбами вашими вели, чтобы не подкупов, не посулов ради занятия престолов один перед другим, не до существований и привилегий, один более другого гарантированнейших, но чтобы слова божьего сами учились и других учили с поместий и имений от наших предков им не на расточительство, не на наряды и что иное, но для науки пожалованных. Вот бы к науке, – но не такой, как ныне на вечный свой срам только прочести и то едва в своем языке всего учатся, – школы заложить и науку слова божьего за многие годы запущенную вознести братии вашей хотели и старались. Которых я не одному которому, но всем и с тою надобностью отчизны вашей богобоязненной внимательности, расторопности и верности поручаю и оставляю, прося господа бога, чтобы я был готов, если она до конца, то с нею сгинуть, или, что если она через ваше спасение будет поднята, то с вами и с ней освободиться.

А здесь уже и конец моей речи чиню, которую заключая, и то в жалости моей говорю, если бы на тотчас не было милосердия божьего за нашу неблагодарность, то ту муку от нас отдалить. Особенно теперь вокруг видим, что все вещи везде злыми рассудками так попорчены, что ничего не может быть так хорошо сказано, на что бы не могла быть учинена клевета, и также ни один от того, чего раз хватит, отступить не желает, чтобы не оказаться в чем заблудившимся. [...]

Ян Лициний Намысловский

ИЗБРАННЫЕ «СЕНТЕНЦИИ»

Обман

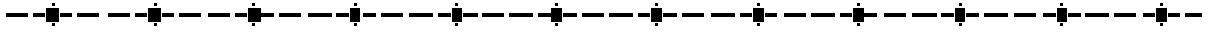
Истину люди когда презирают, обманам же верят,
Все по ту сторону вод Стикса реки попадут.

Уступчивость

Старшему путь уступи, пощади и тех, кто слабее,
Равных себе уважай, сможешь надежно прожить.

Тайна

Если с тобой поделиться кто-либо тайной захочет.
Камнем пусть ляжет она, что море скрывает на дне.

Наследство

Может ли кто-либо лучше наследство потомкам оставить.
 Чем благодарность детей за безупречность свою.

Нечестные

Щедрым не будь, благодетельствуя людям нечестным. Подарки
 Недруг твои получив, пуще наглет еще.

Любовь к родине

Каждый, кто честен, пылает такою любовью к отчизне,
 Что безоружный готов броситься в пламя костра.

Правильная мысль

Больше тот делает впрок, кто разбирается в деле.
 Чем исполнявший приказ, действуя изо всех сил.

Жизнь

Нравится жизнь несмотря на заботы, которых немало.
 Сколь дорогой бы была, если б лишилась и тех.

Прилежание

Рвение, знайте, напрасно к искусству науки высокой,
 Будет наука расти, если усерден наш труд.

Благородный ум

Нет, не богатство рождает умы благородных людей,
 Разум же, наоборот, неиссякаемый клад.

Порядок

Правильно не завершишь ничего, не продумав порядка.
 Следом один за другим движет порядок часы.

Старики

Ежели хочешь свой век с вдохновеньем прожить и разумно,
 Слушай, внимай старикам, чаще блюди их совет.

Скромность

Всякий обманщик увертками разными тешиться горазд,
 А избегающий лжи скромности любит язык.

Выдержка

Не торопись, собираясь на дело, сначала подумай,
 Взвесив же все наконец, снова не торопись.

Скромная жизнь

Если укрыто в ученом уме досточтимое знание,
 Пусть воплотятся в делах мысли ученых мужей.

—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—

Добродетель

Не состоит ни в богатстве, ни в мощи достоинства древо,
Сеет же силу свою ум в добродетелей сад.

Мудрый

Благоразумен и мудр, принимающий критику к сердцу,
Кто презирает упрек, глупость лелеет в уме.

Досуг

Досуг учащимся словно опасная хворь и зараза –
Только приносят ущерб; учат забота и труд.

Наука

Ежели пищи желаешь, науку ищи постоянно:
Кормит любые уста мудрость ученых мужей.

Множество книг

Если владеешь множеством книг без разбору, не думай,
Что заслужил ты преславное имя ученого мужа.

Надо же многое знать, испытать и их пользу увидеть,
То лишь твое, что в мозгу в глубине закрепилось надолго
И что, коль надобно будет, извлечешь из ума для работы.

*Лаврентий Зизаний
(Тустановский)*

ЭПИГРАММА НА ГРАММАТИКУ

Грамматика письму всех обучает,
Четырьмя частями легко вразумляет:
Орфографией и просодией,
Синтаксисом и этимологией.
А посвященное ей прилежание
Оборачивается несомненной искусностью.
Те, кто желает достичь совершенства,
Пусть упорно все познают
И хорошо знают то, чему учатся.
Ибо грамматика есть ключ, всем отворяющий ум,
Ведущий к познанию истины.
Именно грамматику, словно лестницу, одолеет
Каждый, если хочет все науки постичь.

ИЗ КНИГИ «ГРАММАТИКА СЛОВЕНСКА»

*Послание старательным ученикам
и всем любителям славянского языка, благозвучного
и распространенного...*

Как пишут философы, у всякой науки есть две стороны: знать должное и рассказывать, т. е. недостаточно лишь знать нужный предмет, но необходимо о нем и другим рассказать. Это – две миссии науки, которые и я, занимаясь научной работой, считал весьма необходимыми. Прежде всего ради любви к братьям своим я решился на дело выше моих сил – вновь написать и выпустить из печати первую среди семи наук – грамматику любезнейшего нам славянского языка, хорошо изучив которую каждый может уверенно читать и без сомнений понимать книги на славянском языке и правильно писать, поскольку она, грамматика – ключ к пониманию, она избавляет от двусмысленностей и развеивает всякие сомнения и в то же время украшает и просвещает человеческий разум. Благодаря ей риторика и словесность вместе с чистой философией и естественным богословием образуют слова, без которых не совершить надлежащим образом никакого дела. Кстати, если кто и читает без знания грамматики, то из-за многочисленных сомнений наверняка не уверен в правильном понимании. По той же причине плохо каждому, кто не учился читать, ибо, как пишет Катон, читать без понимания – значит вызвать презрение и насмешки; а чтобы не давать к этому повода, основательно беритесь за науку и соревнуйтесь друг с другом в добродетельном труде. Отбросив зависть и ненависть прочь, благосклонно примите мой скромный труд и, воздав богу хвалу, подвигните сами себя на большее...

*Максим Герасимович Смотрицкий
(Мелетий Смотрицкий)*

ГРАММАТИКИ СЛОВЕНСКИЯ ПРАВИЛНОЕ СИНТАГМА

Предисловие

Школьным учителям – автор

Большая польза грамматики для греческого и латинского языков известна; чтобы со временем и в славянском подобное подтверждение было, старательный учитель, будет зависеть от вашего усердия. Ибо знаете, кто изучал греческую или латинскую грамматику, что она есть искусство понимания как чистоты языка, так и правильного согласно диалектов произношения, и писания, и объяснения написанного.

Всякую пользу, которую обычно привыкли видеть в грамматике вышеназванных языков, без сомнения и славянская грамматика для своего славянского языка может принести, научит в предложениях различать грамматические части речи, научит склонениям существительных и спряжению глаголов, согласно с собственными окончаниями, что нам очень не хватало для чистоты славянского языка, научит порядку и согласованию слов, идущих друг за другом, для лучшего выражения находящего в них смысла. Укажет плохо употребленное слово, укажет лишнее и чего не хватает. Научит, говорю, и читать по-славянски, и писать отдельно, и легко понимать, прочитанное, когда по ней при необходимом старании вашем будут в школах читаться славянские лекции, обычным способом переведенные на русский язык, подобно тому как из Притчей Соломоновых, из Премудростей его или Сираховых, или что иное переведенные на чистый славянский язык с греческого. Притом словарь будет объяснен, аргументы поданы, под угрозой наказания тщательно сохранен славянский диалект в привычном школьном изложении. При таком вашем старательном усердии, с надеждой на божью помощь, обещаю скорое в народе нашем возвышение понимание, употребление и пользу славянского языка, который был в пренебрежении как природный язык церкви нашей, постепенно вызывал в народе охлаждение к вероисповеданию. От одного только этого, о чем я говорил, будет зависеть, чтобы доверенные вашему присмотру, опеке и поручению дети и младенцы свои невозвратные годы и время зря не тратили...

Деткам, начинающим учиться, чтобы с детских лет в языке к грамматическим формам (склонениям) сразу привыкали, для обучения будет дан букварь, обычно называемый алфавитом, извлеченный из той же грамматики. После часослова и псалтыри, которых нельзя опустить, надо обучать этой грамматике с толкованием, т. е. с показом той пользы, которую она принесет. [...]

Симеон Полоцкий

ОБЕД ДУШЕВНЫЙ И ВЕЧЕРЯ ДУШЕВНАЯ

[...] Наконец, юность подобна молодому дереву, ибо куда кто хочет, туда может наклонить тонкое дерево; так и век юношеский: к чему его повернешь, легко будет наклонен. Итак, смотрите, родители, как вы должны воспитывать ваших детей: добрые слова и примеры хороших дел отпечатывайте на том воске, слова божественные, а не мерзкие и кощунственные, на тех досках и закон господний пишите. Ароматное масло полезного для души учения вливайте в те новые глиняные сосуды, или по слову господа: «Вино новое в мехи новые вливайте», то есть любовь божью в сердца их от юности вселяйте; эти юные деревья к небу переворачивайте и клоните, чтобы не земное, но небесное и видели, и любили, и [об этом] рассуждали.

Но откуда у честных родителей дети приобретают злой нрав? Скажу вам истину ради исправления: от материнской ласки, от отцовского наказания, от неограничиваемого [строгостью] обоих воспитания. Хвалит мать маленькую злобу маленького сына, а злоба в сердце, как терновник, корни укрепляет, и с ростом сына растет более злоба. Когда же сын вырастет в величину стойкую, вместе с тем вырастет злоба в нрав неискоренимый, и тогда исполнится такая притча: если юноша и состарится на своем пути, то не сойдет с него, ибо как глиняный сосуд, если в начале обработки вареной смолой напитается, никогда не отмоется. Так человек, глиняный сосуд, до смерти хранит нрав, воспринятый в юности. Поэтому и господь так обличал израильских людей через пророка Иеремию: «Если эфиоплянин может переменить свою кожу или рысь свою пестроту, то и вы можете делать добро, потому что вы научились злу».

Подобным образом детям злых родителей трудно изменить злой нрав и говорить хорошее, так как от пеленок обучаются родителями злонравию и злословию. Трудно им быть трезвыми, потому что с детства попустительствуют [им] упиваться.

Невозможно сохраниться чистым, ибо в своем младенчестве и видят, и слышат, и совершают нечистоту беспрепятственно. Горе из-за злонравия! Горе из-за притеснений! Кто же за это примет наказаний? Верно, как посадившим сад приписывается причина кривизны деревьев, потому что не исправляли их в юности, и как художникам вменяется безобразия неискусно сделанных ими вещей, так родителям приписывается причина злого нрава их детей, и примут наказание, потому что в детстве научили их или допустили привыкать ко злу. Да не примете вы, православные люди, наказания за злой нрав ваших детей, старайтесь воспитывать их, хорошо соблюдая следующие вещи, нужные для хорошего воспитания.

Первая вещь – жезл, необходимость которого образно показал сам бог всемогущий, ибо когда дал перворожденному сыну Израилю манну в пустыне и повелел хранить полный сосуд ее в ковчеге завета для вечного напоминания о том благодеянии, соблаговолил, чтобы там же были хранимы жезл Аарона и скрижали завета как вспоминает [об этом] учитель язычников. За второй завесой [находилась] скиния, называемая «святая святых», имеющая золотую кадильницу, ковчег завета с манной, проросший жезл Аарона и скрижали завета.

Совмещением этих трех вещей учит всех родителей: через манну – кормить детей, то есть отечески добывать детям пищу и все необходимое; через скрижали – учить закону божию; через жезл – непослушных не лишать заслуженного наказания. Это же самое и

—■—

благонравия для детей, зеркало для исправления и образец хороших дел. Несчастливы же родившие, которые соблазняют своих детей плохой жизнью; эти люди являются более детоубийцами, чем родителями, ибо что хуже, то рожают, а лучшее убивают: рожают плоть тленную, а убивают душу бессмертную, когда соблазняют своих детей, и, бывая виновниками их греха, лишают их жизни душ, которая есть дар божий. «Горе тому человеку, через которого приходит соблазн», – говорит Христос господь. И еще: «Если кто соблазнит одного из малых этих, верующих в меня, лучше ему, чтобы повис мельничный жернов на его шею и он потонул в морской пучине». Если такое горе чужим, то много больше родителям, ибо насколько родители ближе по крови детям, настолько более невыносим и вреден их соблазн и больше грех этого соблазна. Итак, берегитесь, о родители, чтобы вы не были душегубцами детей соблазном вашей жизни. Знайте же, что отец должен быть в доме, как солнце, мать же – как луна, дети – как звезды, согласно такому видению Иосифа: «Вот я видел сон, будто солнце и месяц и одиннадцать звезд кланялись мне». Что соответствовало, родители и дети, догадке патриарха Иакова, сказавшего: «Что означает этот сон, который ты видел? Неужели, придя, я и твоя мать с твоими братьями поклонимся тебе до земли?»

Итак, отец должен быть как солнце, мать – как луна, тот как светило большее, а та как светило меньшее, чтобы хорошими примерами жизни освещали, как светом, звезды своих домов, то есть детей, чтобы и они, как звезды, сияли светом святой жизни. Но увы нам! Как это солнце и луна много страдают из-за отсутствия света! Луна потому, что между [нею и солнцем] лежит земля, то есть жена из-за земного хитроумия и земных страстей, лежащих между нею и мужем; солнце же – из-за противоположения луны, то есть муж, когда жена ему сопротивляется и противоречит. И таким образом происходит препятствие, из-за которого свет не приходит к звездам; свет, говорю, хороших примеров и благочестивой жизни не льется на детей. Их покрывает тьма, когда домашние разногласия подают плохой пример, когда развратные нравы родителей порождают соблазн, а дети подражают злой жизни родителей. Ибо как живущие всегда в дымокурном доме легко делаются черными, так плохим примером родителей дети легко развращаются. Итак, охраняйте себя, родители, от всякой злобы, чтобы вы не были помрачителями ваших звезд, развратителями любимых детей, о которых вы должны отдать слово общему для всех господу и богу и получить награду в соответствии с вашими делами.

Четвертая и последняя вещь – чтобы родители обучали своих младенцев от молодых ногтей, от материнских сосков страху божьему, чтобы те больше росли в добродетели, чем в величину тела. Порядок же их учения будь такой: первое – пусть прежде всяких слов учит говорить молитву господню и архангельское приветствие богородице; второе – знать, что бог один по природе, но в трех лицах, и пусть учатся символу христианской веры; третье – знать и соблюдать заповеди божьи, наиболее десятичисловие; четвертое – все более часто [ходить] в дом божий на молитву, в особенности в святые дни к божественной литургии; пятое – наставлять, чтобы таинством святого покаяния через истинное исповедание своих грехов часто очищали свои души; шестое – учить молиться утром и вечером, встав от сна и отходя ко сну, господу богу, причистой богородице, ангелу хранителю, тезоименным защитникам и всем святым, о прошлом воссылать богу благодарность, а о будущем просить; седьмое – бережно охранять мальчиков-подростков от совместных игр с девочками-подростками, от совместного спанья, чтобы по дьявольскому навождению не впади в искушение; восьмое – пусть обучают своих детей какой-нибудь ручной работе или какому-нибудь иному занятию, чтобы не приобрели злых навыков, живя в праздности, ибо праздность – их [т. е. злых навыков] питательная среда; девятое – пусть хлопочут для них о почетном и душеспасительном сане временной жизни, или духовной, или мирской; десятое – когда вырастут, пусть им заповедуют, как это сделал старый Товия своему сыну, юному Товии, говоря так: «Во все дни твоей жизни имей бога в уме и остерегайся, чтобы ты не дал воли греху и не переступил заповеди бога нашего. Из своего имущества давай милостыню. И не отверни своего лица ни от одного убогого; если этого не сделаешь, то и от тебя не отвернется лицо господа. Сколько можешь, столько будь милосердным: если много тебе будет [дано], щедро отдавай; если мало тебе будет [дано], позаботься и малое доброжелательное чаще [давать], ибо хорошие награды ты подготавливаешь себе в нужный день: милостыня избавит от всякого греха и от смерти, не допустит душу пойти во тьму, и так далее.

Если таким образом воспитаете ваших детей, то будете истинными родителями не только их тел, но и душ, ибо естественно, родив для мира их тела, вы нравственно родите их души для бога, которому, родители, вместе с вашими детьми усердно и со страхом служите в качестве рабов в течение всех дней вашей жизни, чтобы с радостью восприняли награду за ваши труды в его небесном царстве.

Тема 5 ШКОЛА И ПЕДАГОГИКА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В XVII–XVIII вв.

Ян Амос Коменский

ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА

содержащая

универсальную теорию учить всех всему,

или

*верный и тщательно обдуманый способ создавать по всем общинам,
городам и селам каждого*

*христианского государства такие школы, в которых бы все юношество
того и другого пола, без всякого, где бы то ни было, исключения, могло
обучаться наукам, совершенствоваться в нравах, исполняться
благочестия и таким образом в годы юности научиться всему, что нужно
для настоящей и будущей жизни*

КРАТКО, ПРИЯТНО, ОСНОВАТЕЛЬНО,

где для всего, что предлагается,

ОСНОВАНИЯ почерпаются из самой природы вещей;

ИСТИННОСТЬ подтверждается параллельными примерами из области
механических искусств;

ПОРЯДОК распределяется по годам, месяцам, дням и часам, наконец,
указывается

ЛЕГКИЙ и ВЕРНЫЙ ПУТЬ для удачного осуществления этого
на практике.

Привет читателям!

1. Дидактика есть теория обучения. В последнее время некоторые выдающиеся мужи, тронутые сизифовым трудом школ, решили исследовать эту теорию. Но как начинания их, так и успех были различны.

2. Некоторые задались целью написать сокращенные руководства для более легкого преподавания только того или иного языка. Другие изыскивали более быстрые и краткие пути, чтобы скорее научить той или другой науке или тому или другому искусству. Третьи предлагали что-либо иное. Но почти все они исходили при этом из внешних наблюдений, составленных на основе более легкой практики, или, как говорят, а posteriori.

3. Мы решаемся обещать Великую дидактику, т. е. универсальное искусство всех учить всему. И притом учить с верным успехом, так, чтобы неуспеха последовать не могло; учить быстро, чтобы ни у учащихся, ни у учащихся не было обременения или скуки, чтобы обучение происходило

скорее с величайшим удовольствием для той и другой стороны; учить основательно, не поверхностно и, следовательно, не для формы, но подвигая учащихся к истинной науке, добрым нравам и глубокому благочестию. Наконец, все это мы выясняем а priori, т. е. из самой настоящей неизменной природы вещей, точно заставляя вытекать из живого источника неиссякающие ручейки; затем соединяя их в одну большую реку, мы устанавливаем некоторое универсальное искусство создавать всеобщие школы.

4. Конечно, то, что мы обещаем, весьма значительно и крайне желательно. И я легко предвижу, что это кому-нибудь покажется скорее мечтаниями, чем изложением сути дела. Но кто бы ты ни был, читатель, воздержись со своим суждением, пока не узнаешь, что здесь действительного, и тогда будет возможность не только составить заключение, но и произнести его. Ведь я не желаю, не говоря уже о том, что я не стремлюсь, чтобы кто-нибудь, увлеченный нашими взглядами, выразил свое согласие с тем, что еще не исследовано; я настойчиво прошу, убеждаю, настаиваю, чтобы каждый, кто явится в качестве исследователя этого дела, выставял свои собственные и притом более усовершенствованные взгляды, которые бы не могли быть ослаблены никакими обманчивыми мнениями.

5. Дело это поистине весьма серьезно и, с одной стороны, должно стать предметом общего желания, а с другой – его нужно взвесить общими обсуждениями и продвигать вперед общими совокупными усилиями, так как оно преследует общее благо всего человеческого рода. «Какой большой и лучший дар мы можем предложить государству, как не тот, чтобы учить и образовывать юношество, особенно при настоящих нравах и в наше время, когда юношество так испорчено, что его нужно обуздывать и сдерживать общими силами». Так говорит Цицерон. А Филипп Мелантон пишет: «Правильно образовывать юношество – это имеет несколько большее значение, чем покорить Троию». Сюда же относится знаменитое изречение Григория Назианзина: «Образовать человека, существо самое непостоянное и самое сложное из всех, есть искусство из искусств».

6. Следовательно, предложить «искусство из искусств» есть дело чрезвычайной трудности и требует утонченного обсуждения и притом не одного человека, а многих людей, так как один человек никогда не бывает настолько проникательным, чтобы от его взора не ускользнуло весьма многое.

7. Итак, с полным правом я требую от моих читателей, больше того, – во имя блага человеческого рода – заклинаю всех, кому дано будет познакомиться с этим трудом, во-первых, не считать безрассудством, что находится человек, принимающий решение не только взяться за столь трудное и столь великое дело, но и давать какие-либо обещания, так как они (решения и обещания) касаются чрезвычайно спасительной цели. Во-вторых, пусть читатели не приходят в отчаяние в самом начале от того,

что не удастся сразу первый опыт и задуманное в наших пожеланиях дело не будет нами доведено до полного совершенства. Ведь, прежде всего, необходимо, чтобы родились зачатки вещей, а потом уже, чтобы они возрастали по своим ступеням. Поэтому, как бы ни было несовершенно это наше начинание и хотя бы оно еще не достигало намеченной цели, все-таки само дело покажет, что здесь достигнута высшая ступень, более близкая к цели, чем это имело место до настоящего времени. Наконец, я умоляю читателей, чтобы они приложили к делу такое внимание, старание и не только свободу суждения, но и проницательность, какие нужны для самых великих дел. Моим долгом является указать в немногих словах повод к своему начинанию и в самой простой форме изложить отдельные главные пункты нового начинания, а затем уже одно с полным доверием предоставить благосклонному суждению, а другое – дальнейшему исследованию всех правильно мыслящих людей.

8. Это искусство учить и учиться на той ступени совершенства, до которой оно, по-видимому, стремится теперь подняться, в значительной мере было неизвестно предшествующим векам, и, таким образом, учебные занятия и школы были полны трудов и гнета колебаний, и самообманов, ошибок и заблуждений, так что более основательного образования могли достигнуть лишь те, кто отличался необычайными дарованиями.

9. Однако с недавнего времени для начинающейся, так сказать, новой эры бог стал предпосылать как бы утреннюю зарю и внушил некоторым почтенным мужам Германии проникнуться отвращением к запутанности применявшегося в школах метода и размышлять о каком-нибудь более легком и более сокращенном методе обучения языкам и искусствам. Они работали одни вслед за другими, и, таким образом, одни из них достигали поставленной цели с большим успехом, чем другие. Это видно из изданных ими дидактических книг и из их опытов. [...]

22. Итак, что дал мне господь уразуметь, то я здесь и предлагаю всем. Пусть станет это общим достоянием.

23. [...] «Искать великого дозволено, было дозволено и всегда дозволено будет:

И труд, начатый с господом, не будет тщетным».

Польза дидактики

Правильная постановка дидактики важна:

1. Для родителей, которые до сих пор большею частью были не осведомлены, чего им ждать от своих детей. Они нанимали учителей, обращались к ним с просьбами, задабривали их подарками, даже меняли их часто так же напрасно, как и с некоторой пользой. Но если метод воспитания доведен до безошибочной верности, то результат, на который не всегда надеются, не может, с божией помощью, не воспоследовать.

2. Для учителей, большинство которых совершенно не знало дидактики и вследствие этого, желая выполнить свой долг, мучили себя и истощали свои силы трудолюбием и старательностью; стремясь достигнуть успеха то тем, то другим способом, они меняли метод не без тягостной потери времени и трудов.

3. Для учеников, чтобы можно было довести их до вершин наук без трудности, скуки, окриков и побоев, а как бы играя и шутя.

4. Для школ, которые при правильном методе не только можно будет сохранить в цветущем состоянии, но и без конца умножать. Ведь они будут поистине местами игр, домами наслаждения и удовольствий. И когда (вследствие непогрешимости метода) из какого угодно ученика выйдет ученый (в большей или меньшей степени), никогда не будет недостатка в хороших начальниках школ, и научные занятия всегда будут процветать.

5. Для государства – по приведенному ранее свидетельству Цицерона. С этим согласно знаменитое выражение Диогена-пифагорейца (у Стобея): «Что составляет основу всего государства? – Воспитание юношей». Ведь никогда виноградные лозы не принесут полезного плода, если за ними не было хорошего ухода. [...]

Глава IV

Человеку, если он должен стать человеком, необходимо получить образование

Семена не есть еще плод. Семена знания, нравственности, благочестия дает, как мы видели, природа, но она не дает самого знания, добродетели, благочестия.

Это приобретается с помощью молитвы, учения, деятельности. Весьма удачно поэтому кто-то определил человека как существо, способное к обучению, так как никто не может стать человеком, если его не обучать.

Человеку врожденно предрасположение к знанию, но не самое знание. Если мы будем рассматривать истинное знание, то богу свойственно знать все без начала, без преуспевания, без конца – одним простым проникновением. Человеку и ангелу этого дать было нельзя, как нельзя было дать и бесконечности и вечности, т. е. свойства божества. Ангелам и людям достаточно преимущества в том, что они обладают остротой ума, которым могут постигать дела божии и таким образом накапливать сокровищницу знания. Поэтому об ангелах известно, что они также учатся, созерцая, и их знание так же, как и наше, есть опытное.

Чтобы человек стал человеком он должен получить образование, что доказывается:

1. *На примере прочих творений.* Итак, пусть никто не думает, что истинным человеком можно стать, не научившись действовать,

как человек, т. е. не получивши наставления в том, что делает его человеком. Это ясно на примере всех созданий, которые хотя и предназначены быть полезными человеку, но становятся таковыми, только будучи приспособленными для этого.

Так, например, камни даны затем, чтобы служить для постройки домов, башен, стен, колонн и пр., но они служат для этой цели лишь в том случае, если они нами наломаны, отесаны, уложены. Так и жемчужины и драгоценные камни, предназначенные для украшения людей, обрабатываются, шлифуются, полируются людьми; металлы, созданные для важных нужд нашей жизни, нужно добывать, расплавлять, очищать, различным образом отливать и ковать. Без этого от них меньше пользы, чем от земляной грязи. Из растений мы имеем пищу, питье, лекарства, однако таким образом, что травы и хлеба нужно сеять, окапывать, косить, молотить, молотить, толочь, а деревья необходимо сажать, подрезывать, обкладывать навозом, снимать с них плоды, сушить и пр., но еще более их нужно обрабатывать самыми разнообразными способами, если что-либо из них должно быть использовано на лекарства или на постройку. Казалось бы, что животные, которые одарены жизнью и движением, должны сами по себе быть на все способны. Однако, если мы желаем пользоваться их работой, ради которой они нам даны, мы должны предварительно их упражнять в ней. Вот примерно: конь от природы пригоден для военного дела, вол – для упряжки, осел – для ношения тяжестей, собака – для охраны и охоты, сокол и ястреб – для ловли птиц и пр. И все же, если каждое из этих животных мы не приучим к свойственному им делу упражнением, то пользы от них будет мало.

2. На примере самого человека по отношению к его телесной стороне. Человек со стороны тела создан для труда. Но мы видим, что вместе с ним рождается только способность к этому: человека нужно постепенно учить и сидеть, и стоять, и ходить, и двигать руками для работы. Итак, откуда же у нашего духа было бы преимущество, чтобы без предварительной подготовки он сделался бы совершенным благодаря самому себе и через себя? Потому, что для всех созданий существует закон брать начало из ничего и постепенно возвышаться как в отношении сущности, так и в отношении действия. Ведь и относительно ангелов, по совершенству особенно близких к богу, известно, что они знают не все, но постепенно совершенствуются, познавая дивную Божию премудрость, как мы это указали несколько раньше.

И так как даже до грехопадения человек должен был упражняться, то тем более это нужно теперь – после испорченности. Ясно также, что для человека уже до грехопадения в раю была открыта школа, в которой он постепенно мог бы совершенствоваться. Правда, у первозданных

людей, как только они были произведены на свет, не было недостатка... ни в даре слова, ни в способности. Однако из беседы Евы со змием очевидно, что им не хватало испорченности. Если бы у нее был большой опыт, она так просто не вступила бы с ним в разговор, так как знала бы, что это животное речью не обладает и, следовательно, здесь кроется обман. Теперь же в состоянии испорченности тем более необходимо учиться, чтобы приобрести знания. Ведь действительно мы приносим с собою в мир чистый ум, точно гладкую доску, не умея что-либо делать, говорить и понимать, и все это нужно приобретать с основания. И мы действительно добиваемся теперь этого с гораздо большим трудом, чем это должно было быть в состоянии совершенства, так как и вещи для нас затемнены, и языки смешаны. Тому, кто в интересах науки хотел бы использовать различные источники на живых или мертвых языках, вместо одного языка нужно изучать их уже несколько; мало того, и родные языки стали более запутанными, и ничто (из знаний) нам не врожденно.

И потому что примеры показывают, что человек без воспитания становится не чем иным, как только зверем. Имеются примеры того, как некоторые люди, похищенные в детстве дикими животными и выросшие среди них, знали несколько не больше зверей. Мало того, по речи, движениям рук и ног они ничем не отличались от зверей, если только снова через некоторое время не попадали в среду людей. Приведу несколько примеров. Приблизительно в 1540 г. в одном из гессенских сел, расположенном среди лесов, случилось, что, по небрежности родителей, пропал трехлетний мальчик. Несколько лет спустя крестьяне заметили, что среди волков находится какое-то животное, по виду не схожее с ними: четвероногое, а лицом похожее на человека. Когда об этом распространились слухи, начальник этой местности приказал поймать его живым. Животное было поймано, приведено к нему, а затем и к ландграфу Кассельскому. Когда его привели во двор Князя, животное вырвалось, убежало и спряталось под скамьей, сердито выглядывая оттуда и издавая отвратительный вой. Князь распорядился оставить его среди людей. После этого зверь начал понемногу становиться ручным, затем подниматься на задние ноги и ходить на двух ногах и, наконец, разумно говорить и становиться человеком. И тогда он, насколько мог припомнить, рассказал, что был похищен волками и вскормлен ими, а затем вместе с ними обыкновенно выходил на добычу. Описывает эту историю М. Дрессер в книге о новом и древнем воспитании. О том же упоминает и Камерарий («Горы», т. I, гл. 75), присоединяя к этой истории и другую, весьма похожую. А. Гуларций (в «Чудесах нашего века») пишет, что в 1563 г. во Франции несколько знатных людей, выйдя на охоту и убив двенадцать волков, одновременно поймали в сети мальчика

приблизительно семи лет, голого, с желтой кожей и вьющимися волосами. Когти у него были загнуты, точно у орла. Говорить он не умел, а только издавал какое-то нечленораздельное мычание. Когда его отвели в замок, то с трудом наложили на него оковы, – до того он был озверелым. Но изнуренный несколькими днями голода, он стал кротким, а на седьмой месяц заговорил. Его водили напоказ по городам с немалой прибылью для хозяев. Наконец, какая-то бедная женщина признала в нем своего сына. Итак, верно то, что сказано в сочинениях Платона (кн. 6, «О законах»): «Человек есть существо самое кроткое и самое божественное, если он будет укрощен настоящим воспитанием; если же его не воспитывать или давать ему ложное воспитание, то он будет самым диким животным из всех, кого производит земля».

В воспитании нуждаются и тупые и даровитые. Вот что следует сказать вообще о том, что образование необходимо всем. Если бы теперь мы обзрели различные качества людей, то мы нашли бы то же самое. Ведь кто усомнился бы в том, что воспитание необходимо людям тупым, чтобы освободить их от природной тупости? Но поистине гораздо более нуждаются в воспитании люди даровитые, так как деятельный ум, не будучи занят чем-либо полезным, займется бесполезным, пустым и пагубным.

Чем плодороднее поле, тем обильнее оно производит терновник и чертополох. Так и выдающийся ум полон пустыми мечтаниями, если его не засеять семенами мудрости и добродетелей. Как действующая мельница, если в нее не подсыпать зерна, т. е. материала для перемалывания, стирает сама себя и, отрывая от жерновов куски и даже повреждая и разрывая отдельные части, бесполезно с шумом и треском пылит, так и подвижной ум, лишенный серьезной работы, будет вообще наполняться ничтожным, пустым и вредным содержанием и станет причиной своей собственной гибели.

Богатые и бедные. Чем являются богатые без мудрости как не откормленными отрубями свиньями? Чем оказываются бедные без разумения вещей, если не ослами, осужденными носить тяжести? Что такое красивый невежда, если не разукрашенный перьями попугай, или, как сказал кто-то, золотые ножны, в которые вложен свинцовый меч?

Начальствующие и подчиненные. Что касается тех, кто когда-либо должен управлять другими, – царей, князей, магистратов, пастырей церкви и ученых, – то им, прежде всего, необходимо проникнуться мудростью, так же как проводнику нужно иметь глаза, переводчику – язык, трубе – звук, мечу – острие. Равным образом нужно просвещать и подчиненных, чтобы они умели разумно повиноваться мудрым правилам не по принуждению, не по ослиной покорности, а добровольно, из любви к порядку. Ведь разумным творением нужно управлять не с помощью криков, тюрьмы,

палок, но опираясь на разум. Если это происходит иначе, то бесчестие подчиненных падает и на бога, который одинаково вложил свой образ и в них, и человеческие дела будут полны насилиями и беспорядками, как это и есть теперь. [...]

Глава VII

Образование человека с наибольшей пользой происходит в раннем возрасте. Оно даже только в этом возрасте и может происходить

Сходство человека с растением. Из сказанного следует, что человек и дерево в этом отношении сходны. Ведь плодоносное дерево (яблоня, груша, смоковница, виноградная лоза) хотя и может произрастать предоставленное самому себе, но как дикое растение принесет и дикий плод; для того же, чтобы оно дало вкусные и сладкие плоды, необходимо, чтобы искусный садовник его посадил, поливал, подчищал. Хотя человек, как и всякое существо, сам приобретает свой образ, все же, без предварительной прививки черенков мудрости, нравственности и благочестия, он не может стать существом разумным, мудрым, нравственным и благочестивым. Теперь нужно показать, что такого рода прививка должна иметь место в то время, когда растение еще молодое.

Образование человека должно начинаться в раннем возрасте:

1. *Вследствие ненадежности настоящей жизни.* Что касается человека, то для этого есть шесть оснований. Во-первых, ненадежность настоящей жизни; с ней придется расстаться, но неизвестно, где и когда. Но уход из этой жизни неподготовленным – дело настолько серьезное, что его нельзя исправить. Настоящая жизнь несомненно дана за тем, чтобы человек или приобрел милость божию, или утратил ее навеки. Во чреве матери тело человека образуется так, что если при рождении у кого-нибудь недостает какого-либо члена, то, следовательно, человек будет лишен его на всю жизнь. Пока мы живем, душа образуется для познания бога и союза с ним, и если этого кто-нибудь не достигнет при жизни, то после смерти для этого не будет уже ни места, ни времени. Ввиду того что здесь идет дело о предмете такой великой важности, нужно очень спешить, чтобы кто-нибудь не был застигнут врасплох.

2. *Чтобы, он был приготовлен для житейской деятельности ранее, чем начнет действовать.* Но если даже человеку не угрожала бы неожиданная смерть и он был бы уверен в чрезмерной продолжительности жизни, все же образование ему необходимо начинать как можно раньше, так как живет он не для учения, а для деятельности. Следует поэтому готовиться к делам жизни как можно ранее, чтобы не пришлось нам пресечь образование раньше, чем научимся действовать. Мало того, если бы кто-либо решил посвятить всю жизнь науке, то бесконечное разнообразие

вещей, которые создатель мира предоставил нашему приятному созерцанию, так велико, что если бы кому-либо достался в удел век Нестора, все же у него не было бы недостатка в весьма полезных занятиях. Он находил бы повсюду сокрытые сокровища божественной мудрости и из них добывал бы себе средства для счастливой жизни. Итак, рано нужно раскрывать у человека способности для созерцания вещей, так как в течение всей жизни ему многое придется познать, испытать и выполнить.

Все всего легче образуется в нежном возрасте. Природа всех рождающихся существ такова, что они являются гибкими и всего легче принимают форму, пока они в нежном возрасте; окрепнув, они не поддаются формированию. Мягкий воск можно лепить, придавая ему новую форму, но если он затвердеет, то его легче обратить в порошок. Молодое дерево можно сажать, пересаживать, подчищать, изгибать как угодно; но если оно выросло, это невозможно сделать. Так, если кто желает согнуть из дерева лук, ему нужно взять дерево зеленое и молодое; нельзя согнуть старое, сухое, суковатое дерево. Свежие яйца при насиживании легко согреваются и дают птенцов; от старых яиц напрасно будешь ждать этого. Желая приучить к работе, барышник – коня, пахарь – вола, охотник – собаку и ястреба (как вожак – медведя к пляске, старуха – сороку, ворона, попугая к подражанию человеческому голосу), избирают молодых и юных животных и птиц; если же выберут старых, то их труды пропадут даром.

Так же формируется и сам человек. Все это, очевидно, в такой же мере относится и к самому человеку. У него мозг (как мы выше сказали), воспринимая попадающие в него через органы чувств образы вещей, похож на воск, в детском возрасте вообще влажен и мягок и способен воспринимать все встречающиеся предметы; затем понемногу он высыхает и твердеет, так что, по свидетельству опыта, вещи запечатлеваются и отображаются на нем с большой трудностью. Отсюда известное выражение Цицерона: «Дети быстро схватывают бесчисленное количество предметов». Таким образом, и руки, и все остальные члены только в детские годы могут приспособляться к ремеслам и работам, пока мускулы еще гибки. Кто должен стать хорошим писцом, художником, портным, кузнецом, музыкантом и пр., – должен заниматься этим с юных лет, когда воображение его живое, а пальцы гибки, в противном случае он никогда не овладеет своим предметом. Точно так же и корни благочестия следует насаждать в сердце каждого с ранних лет. В ком мы желаем гармонически развить изящный нрав, над тем нужно работать в нежном возрасте. Кому нужно сделать большие успехи в изучении философии, тому нужно раскрыть чувства ко всему в первые же годы жизни, пока он может загореться воодушевлением, пока ум быстр, а память крепка. «Постыдное и смешное дело представляет из себя старик, изучающий элементы; юноше нужно учиться, а старику этим пользоваться», – говорит Сенека (Письмо 36).

—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—

Человеку дано чрезвычайно большое время для роста, и это время нельзя употреблять на другое. Чтобы человек мог стать образованным человеком, бог даровал ему годы юности, чтобы он, будучи, непригодным для других занятий, проявил бы прилежание только для образования. Ибо, в самом деле, конь, вол, слон и другие животные, как бы громадны они ни были, в течение одного-двух лет развиваются до настоящего роста: один только человек доходит до настоящего роста едва в двадцать или тридцать лет. Если бы кто-либо полагал, что это происходит случайно или зависит от каких-либо второстепенных причин, поистине тот выдавал бы свою тупость. Ужели бог, отмерив, как известно, соответствующее время всем остальным тварям, только одному человеку, этому владыке мира, предоставил бесцельную растрату времени? Не проще ли предположить нам, что в этом сделана уступка природе, чтобы она, медленно действуя, тем легче совершала образование человека? Но она ведь без всяких усилий в несколько месяцев образует гораздо большие тела. Следовательно, мы должны прийти к заключению, что по обдуманному плану творец удостоил нас своим благоволением, дал нам более продолжительное время для роста, чтобы было у нас больше времени для упражнения в науках, чтобы, оставаясь более длительный период неспособными к экономической и политической деятельности, мы стали зато более подготовленными для остального времени жизни (даже для вечности).

Только то прочно, что усваивается в раннем возрасте. Только то в человеке прочно и устойчиво, что он воспитывает в себе в юном возрасте. Это ясно из тех же примеров. Даже разбитый сосуд сохраняет запах, которым он пропитался при первом употреблении. Дерево как распростерло свои ветви в нежном возрасте вверх, вниз, в стороны, так и сохраняет их в течение сотен лет, пока его не срубят. Шерсть так прочно удерживает краску, которой она была первоначально окрашена, что перекрасить ее нельзя. Деревянный обод колеса, затвердев, скорее разлетится на тысячу кусков, чем станет снова прямым. Таким же образом и в человеке первые впечатления настолько устойчивы, что было бы чудом, если бы они изменились. Поэтому чрезвычайно разумно, чтобы они внушались в юном возрасте согласно с требованиями истинной мудрости.

Получить неправильное воспитание – дело весьма опасное. Наконец, дело чрезвычайно опасное, если человек не проникает здоровыми для жизни правилами еще в колыбели. Ибо, как только начинают действовать внешние чувства, человеческий дух ни в коем случае не может оставаться в покое и даже не может воздержаться, чтобы не занять себя полезными делами, если он не будет занят чем-либо самым пустым и (под влиянием дурных примеров испорченного века) даже вредным. Как мы уже указали, отвыкнуть от усвоенного в раннем возрасте впоследствии будет или

---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
 невозможно, или чрезвычайно трудно. Мир полон ненормальных явлений, в борьбе с которыми оказываются бессильными и государственные власти, и служители церкви, оттого что до сих пор не прилагается серьезных усилий к прекращению первоисточников зла.

Заключение. Итак, поскольку каждому близко к сердцу благо его потомства, а руководителям человеческих дел в политическом и церковном управлении – благополучие человеческого рода, постольку пусть все своевременно примут меры, чтобы начинать насаждать, подрезывать, орошать и разумно образовывать небесные растения для достижения хороших успехов в науке, нравственности и благочестии.

Глава VIII

Юношество должно получить образование совместно, и для этого нужны школы

Попечение о детях собственно есть дело родителей. Показав, что райские растеньица – христианское юношество – не могут расти наподобие леса, а нуждаются в попечении, следует рассмотреть, на кого же падает это попечение. Всего естественнее признать, что оно падает на родителей, чтобы те, кому дети обязаны жизнью, оказались и источником для них разумной нравственной и святой жизни. Для Авраама это было обычным правилом, как об этом свидетельствует бог: «Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем господним, творя правду и суд» (Быт., IV 19). Этому же бог требует и от родителей, повелевая следующее: «Внушай слова мои детям твоим и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, ложась и вставая» (Второз., VI, 7). А через апостола он говорит: «Отцы, не раздражайте детей ваших, а воспитывайте их в учении и наставлении господнем» (Эфес, VI, 4).

На помощь им, однако, даются школьные учителя. Однако при многообразии людей и их занятий редко встречаются такие родители, которые могли бы сами воспитывать своих детей или по роду своей деятельности располагали бы необходимым для этого досугом. Поэтому давно уже практикуется порядок, при котором дети многих семей вверяются для обучения специальным лицам, обладающим знаниями и серьезностью характера. Этих воспитателей юношества обыкновенно называют наставниками, учителями, школьными учителями, профессорами, а самые места, которые предназначены для общих совместных занятий, называют школами, учебными заведениями, аудиториями, коллегиями, гимназиями, академиями и пр.

Происхождение и распространение школ. По свидетельству Иосифа Флавия, первую школу открыл вскоре после потопа патриарх Сим, и она впоследствии была названа еврейской школой. Кому не известно,

что в Халдее, особенно в Вавилоне, было много школ, в которых преподавались как другие науки, так и астрономия. Впоследствии (во времена Навуходоносора) обучались этой халдейской мудрости Даниил и его товарищи так же, как в Египте обучался Моисей.

А у израильтян, по повелению божию, по городам возникали школы, называвшиеся синагогами; в них левиты обучали закону. Эти школы существовали до времен Христа и прославились проповедями его самого и его апостолов. От египтян заимствовали обычай воздвигать школы греки, и от них римляне, а от римлян этот похвальный обычай распространился по всей Империи, особенно после распространения христианства, благодаря неусыпным заботам благочестивых князей и епископов. История свидетельствует, что Карл Великий при покорении какого-либо языческого народа немедленно назначал туда епископов и учителей и воздвигал храмы и школы. Его примеру следовали и другие христианские императоры, цари, князья и государственные власти и тем самым умножили число школ настолько, что они стали неисчислимыми.

Что школы, наконец, нужно открывать везде, это объясняется: Для всякого христианского государства важно, чтобы этот священный обычай не только удержался; но и распространился, а именно, чтобы во всяком благоустроенном человеческом общежитии (будь то столица, город и деревня) была устроена школа как учебное заведение для совместного воспитания юношества. Ведь этого требуют:

1. *Надлежащим порядком, который должно соблюдать везде.* Похвальный порядок вещей. Ведь если глава семейства, сам не имея досуга для устройства всего, что ему нужно для хозяйства, приглашает различных ремесленников, то почему бы не быть такому же порядку и здесь; когда ему нужна мука, он обращается к мельнику; когда нужно мясо – к мяснику; когда напитки – к виноторговцу; когда нужна одежда – к портному; когда нужна обувь – к сапожнику; когда нужны здание, плуг, ключ и т. д. – к плотнику, каменщику, кузнецу, слесарю и пр. Мало того, для наставления взрослых в религии мы имеем храмы; для разбирательства судебных тяжб, для собраний народа и для его осведомления обо всем необходимом у нас есть судебные места и думы. Почему же не иметь для юношества школ? Ведь даже свиней и коров крестьяне не пасут каждый в отдельности, а держат для этого наемных пастухов, которые и обслуживают одинаково всех, между тем как сами крестьяне получают возможность заняться, не отвлекаясь, остальными своими делами. Это и есть прекраснейшее сбережение труда, когда один делает только одно, не отвлекаясь другими делами; именно таким способом каждый служит с пользой многим, а многие – каждому отдельному лицу.

2. *Необходимостью.* Во-вторых, необходимость. Так как сами родители очень редко обладают надлежащей способностью обучать своих детей и редко имеют для этого достаточно досуга, то отсюда, следует, что должны быть люди, которые бы по своей профессии занимались одним этим делом и чтобы таким образом обслуживались нужды всей общины.

3. *Пользой.* Если бы даже и были родители, которые могли бы посвятить себя воспитанию своих детей, то все же более целесообразно обучать юношество вместе в более значительном объединении, так больше получается пользы и удовольствия, когда работа одних служит примером и побуждением для других. Ведь совершенно естественно делать то, что на наших глазах делают другие, и идти туда, куда идут другие, следовать за теми, кто впереди, и опережать тех, кто следует за ними.

«Радостно резвый уносится конь из открытого стойла.

Есть и кого обогнать, есть и погнаться за кем».

Особенно детский возраст вообще побуждается и направляется к действию больше примерами, чем правилами. Если ты что-либо предписываешь детям, то это слабо к ним прививается; если же ты показываешь, как делают что-либо другие, то этому они подражают и без всяких приказаний.

Постоянными примерами природы. Наконец, повсюду природа дает нам пример того, что произрастающее в изобилии должно появляться в одном каком-либо месте. Так, деревья в огромном количестве растут в лесах, трава – на полях, рыбы плодятся в водах, металлы находятся в недрах земли. И если в лесу растут сосны, кедры или дубы, то обычно они растут в большом количестве; при этом остальные породы деревьев произрастают там не так уже хорошо. Земля, богатая золотом, не содержит в себе в таком же изобилии других металлов. Но в еще большей мере эта истина проявляется в нашем теле: в нем каждый отдельный член должен, конечно, получить соответствующую часть принятой пищи; однако нужная для его питания часть поступает не в сыром виде, чтобы он сам ее перерабатывал и усваивал, а в организме имеются определенные части тела, как бы специально предназначенные для этой цели мастерские, чтобы с пользой для всего организма принимать пищу, согревать ее, переваривать и, наконец, в переваренном виде распределять питание всем остальным членам. Таким образом, желудок образует сок, печень – кровь, сердце – дух жизни, мозг – душевный дух; все это уже в готовом виде легко распределяется по всем членам и приятно поддерживает жизнь во всем теле. Итак, почему же школы не могут производить света мудрости, очищать его, распространять и распределять по всему организму человеческого объединения, подобно тому как мастерские поддерживают и направляют ремесла, храмы – благочестие, судебные места – правосудие?

И примерами искусства. Наконец, если работа производится разумно, мы наблюдаем то же и на произведениях искусства. Садовник, например, проходя по лесу и среди кустарника, натолкнувшись где бы то ни было на годное для посадки растение, не сажает его тут же, но, вырвав, переносит в фруктовый сад и там ухаживает за ним вместе с сотнями других. Таким же образом, занимаясь размножением рыб для питания, человек устраивает садки для них и предоставляет им возможность размножаться там тысячами. И чем больше фруктовый сад, тем лучше обыкновенно растут деревья; чем больше садок, тем больших размеров рыбы. Поэтому как для рыб должны быть предназначены садки, для деревьев – сады, так для юношества – школы.

Глава IX

Школам нужно верить всю молодежь обоего пола

Школы должны быть общественными местами для юношества. Из нижеследующего вытекает, что в школы следует отдавать не только детей богатых или знатных, но и всех вообще: знатных и незнатных, богатых и бедных, мальчиков и девочек во всех городах и местечках, селах и деревнях.

Потому что все должны быть воспитаны по образу божью. Все люди, которые только родились, – произошли на свет с одной и той же главной целью: быть людьми, т. е. разумными существами, владыками тварей, ярким подобием своего творца. Следовательно, всех нужно вести к тому, чтобы они, надлежащим образом впитав в себя науку, добродетель и религию, могли пройти настоящую жизнь и достойно подготовиться к будущей. У бога нет лицепрятия – не раз свидетельствует он об этом сам. А если мы позволим развивать свой ум только некоторым, исключив остальных, то будем несправедливы не только по отношению к тем, кто обладает той же самой природой, но и по отношению к самому богу, который хочет, чтобы все, на ком он начертал свой образ, его познавали, любили и восхваляли. Это, несомненно, будет происходить тем пламеннее, чем больше будет разгораться свет знания. Мы любим именно настолько, насколько познаем.

Все должны быть подготовлены к обязанностям своего будущего призвания. Нам неизвестно, для какой цели божественное предназначило того или другого из нас. Но нам хорошо известно, что бог иногда создавал выдающиеся орудия своей славы из самых бедных, самых отверженных, самых темных людей. Будем же подражать небесному солнцу, которое освещает вселенную, согревает и животворит землю с тем, чтобы жило, зеленело, цвело, приносило плоды все, что только может жить, зеленеть, цвести, приносить плоды.

—■—

В особенности нужно решительно помогать детям тупым и злым от природы. Этому не может служить препятствием то, что некоторые дети от природы являются тупыми и глупыми. Это обстоятельство еще более решительно требует универсальной культуры умов. Кто по природе более медлителен и зол, тот тем больше нуждается в помощи, чтобы по возможности освободиться от бессмысленной тупости и глупости. И нельзя найти такого скудоумия, которому совершенно уже не могло бы помочь образование (*cultura*). Как дырявый сосуд, часто подвергаемый мытью, хоть и не удерживает воды, но все-таки теряет свою грязь и становится чище, так и тупые и глупые люди, хотя и не сделали никаких успехов в образовании, однако же смягчатся характером настолько, что научатся повиноваться государственной власти и служителям церкви. Кроме того, известно из опыта, что некоторые слишком медлительные от природы, получив научное образование, опережали даже людей одаренных, ибо, как верно сказал поэт, «неутомимый труд побеждает все». Мало того, некоторые обладают с детства прекрасным здоровьем, а затем начинают хворать и худеть, а другие, наоборот в молодости болезненны, а затем крепнут и хорошо растут. Так точно бывает и с умственными способностями: одни развиваются быстро, но быстро слабеют и до некоторой степени тупеют, а другие сначала бывают тупыми, а затем быстро и прочно развиваются. В фруктовых садах мы любим иметь не только деревья, рано приносящие плоды, но и такие, которые приносят плоды среди лета и позднее, так как все (как говорит в одном месте Сирах) в свое время находит свою хвалу и когда-нибудь, хоть и с опозданием, показывает, что оно существовало не напрасно. Почему же в сад науки мы хотели бы допускать только одного рода дарования, рано созревающие и подвижные? Поэтому не будем исключать никого, кроме того, у кого бог отнял смысл, или разум.

Следует ли также и женский пол допускать к изучению наук? Нельзя представить никакого достаточного основания, почему бы и слабый пол (чтобы сказать кое-что отдельно о нем) нужно было бы совершенно устранить от научных занятий (преподают ли они на латинском языке или на родном). Женщины также образ божий. Равно причастны они благодати и царству будущего века. Одинаково они одарены (часто более нашего пола) быстрым и воспринимающим мудрость умом. Одинаково им открыт доступ к самым высоким положениям, так как часто самим богом они призывались к управлению народами, к тому, чтобы делать самые спасительные советы царям и князьям, к изучению медицины, к другим делам, полезным для человеческого рода, даже к пророческой деятельности и к тому, чтобы обличать священников и епископов. Так почему же допускать их к изучению азбуки и устранять их потом от чтения книг? Боимся ли мы их легкомыслия? Но чем более мы

будем занимать их ум, тем менее найдет себе место у них легкомыслие, которое обыкновенно рождается от пустоты ума.

С какою, однако, осторожностью? Однако это нужно делать с такой предосторожностью, чтобы девушкам, как и юношеству другого пола, не была доступна первая попавшаяся книга (нужно сожалеть о том, что этого не избегали до сих пор с большей осмотрительностью). Им должны быть доступны книги, из которых с истинным познанием бога и дел его они могли бы постоянно почерпать истинные добродетели и истинное благочестие.

Устраняется возражение против этого. Итак, пусть никто не возражает мне известными апостольскими словами: «Жене учить не повелеваю» или известными словами Ювенала из VI сатиры: «Пусть матрона, которая состоит с тобой в брачном союзе, не владеет изысканной речью или пусть не упражняется в краткой энтимеме, в изящной речи и не знает всяких историй». Или пусть не возражает тем, что говорит у Эврипида Ипполит: «Я ненавижу ученую женщину. Пусть никогда не будет в моем доме женщина, которая знает больше, чем ей подобает: ведь в ученых сама Киприда влагает больше коварства».

Это, говорю я, нисколько не противоречит нашему намерению, так как мы советуем учить женщин не для пустой любознательности, но для благонравия и счастья, учить особенно тому, что подобает им знать, чем владеть как для достойного устройства своей домашней жизни, так и для попечения о своем собственном благополучии и о благополучии мужа, детей и семьи.

Другое возражение. Если кто-нибудь возразил бы: что произойдет, если ремесленники, мужики, носильщики и даже женщины стали бы учеными? Отвечаю: Произойдет то, что когда будет установлено законом это всеобщее образование юношества, то после этого ни у кого не будет недостатка в хороших предметах для размышления, желания, стремления, даже действия, и все будут знать, куда нужно направлять в жизни все действия и все стремления, в каких границах нужно жить и каким образом каждому охранять свое положение. Кроме того, все, даже среди работ и трудов, будут наслаждаться помышлением о словах и делах божиих и, благодаря чтению библии и других хороших книг (к которым, как уже вкусивших их, будут увлекать эти лучшие наслаждения), они будут избегать праздности, опасной для плоти и крови. И – скажу раз и навсегда – они научатся везде видеть бога, везде хвалить его, везде его постигать и таким образом проводить приятнее эту бедственную жизнь и с большим желанием и надеждой ожидать вечной жизни. Но такое состояние церкви не представляло ли бы для нас рая, какой только возможно иметь под солнцем?

Глава X

Обучение в школах должно быть универсальным

В чем же заключается все, чему нужно учить и учиться в школах. Теперь нам нужно доказать, что в школах всех нужно учить всему. Но этого нельзя понимать так, однако, как будто бы мы требовали от всех знания всех наук и искусств (особенно знания точного и глубочайшего). Это ведь по существу дела бесполезно и, по краткости нашей жизни, ни для кого из людей невозможно. Ведь мы видим, что любая наука (физика, арифметика, геометрия, астрономия и пр., даже сельское хозяйство или садоводство) так глубоко и так широко развилась, что даже у самых выдающихся умов, если они желают заняться теоретическими размышлениями и опытами, она могла бы наполнить всю жизнь. Но во всяком случае необходимо заботиться и даже добиваться того, чтобы всех, явившихся в мир не только в качестве зрителей, но также и в качестве будущих деятелей, научить распознавать основания, свойства и цели важнейшего из всего существующего и происходящего, чтобы в этом мире не встретилось им ничего, о чем бы они не имели возможности составить хотя бы скромного суждения и чем они не могли бы воспользоваться для определенной цели разумно, без вредной ошибки.

Именно в том, что касается образования всего человека. Итак, во всех случаях без исключения нужно стремиться к тому, чтобы в школах, а отсюда благодаря школам и во всей жизни:

- I. При посредстве наук и искусств развивались способности.
- II. Совершенствовались языки.
- III. Развивались благонравие и нравы в направлении всякой благопристойности согласно со всеми нравственными устоями.
- IV. Бог искренно почитался.

В мудрости, благоразумии, благочестии. Ведь мудро сказал тот, кто сказал, что школы – мастерские гуманности, если они достигают того, что люди становятся действительно людьми, т. е. (возвращаясь к поставленным выше целям): I. Созданием разумным. II. Созданием, господствующим над всеми творениями (также и над самим человеком). III. Созданием, которое является радостью своего творца. Это будет происходить в том случае, если школы много потрудятся над тем, чтобы сделать людей мудрыми по уму, благонравными в своих действиях и благочестивыми сердцем. [...]

Глава XI

До сих пор не было школ, вполне соответствующих своему назначению

Что такое школа, точно соответствующая своему назначению? Этим самоуверенным заявлением я покажусь слишком и слишком дерзким. Но я призываю в свидетели само дело и судьей тебя,

делаю судьей тебя, читатель, себя же представляю только в качестве действующего лица.

Вполне соответствующей своему назначению я называю только такую школу, которая являлась бы истинной мастерской людей, в которой, следовательно, умы учащихся озарялись бы блеском мудрости, для того чтобы быстро проникать во все явное и сокровенное (как говорит книга «Премудрости», VII, 17), души и движения их направлялись бы ко всеобщей гармонии добродетелей, а сердца насыщались бы божественной любовью и до того проникались бы ею все, кто вверен христианским школам для обучения мудрости, что дети уже на земле приучились бы жить небесною жизнью. Словом, чтобы в школах совершенно обучали всех всему.

Доказывается, что школы должны быть такими, однако они не таковы. Но какая школа до сих пор ставила себе это целью в указанной степени совершенства, не говоря уже о том, чтобы она ее достигла? Но чтобы не показалось, что мы стремимся к платоновским идеям и мечтам о совершенстве, которого нет нигде, на которое, быть может, в этой жизни нельзя надеяться, я докажу другими аргументами, что школы должны быть такими и что, однако, до сей поры таких школ еще нет.[...]

Свидетельством самих вещей. Не есть ли это совет действительно разумный и достойный столь великого мужа? Но кто не видит, что до сих пор это осталось в области пожеланий? Где же эти универсальные школы? Где этот привлекательный метод?

1. *Школы еще не основаны повсюду.* В действительности мы видим все, как раз противоположное, так как прежде всего в менее значительных общинах, в местечках и селах еще не везде основаны и самые школы.

2. *Но даже там, где они есть, не принимается мер, чтобы они были для всех.* Но и там, где они существуют, они неодинаково доступны для всех, но только для некоторых, и именно для более состоятельных. Ведь посещение школ связано с значительными расходами, а потому бедные и не имеют к ним доступа, если не говорить о какой-либо случайности, например о чьей-либо благотворительности. А между тем весьма вероятно, что среди бедных нередко скрываются и – к великому ущербу для церкви и для государства – вследствие такой системы пропадают блестящие таланты.

3. *Это не место для приятных занятий, а толчея.* Далее, в обучении юношества большей частью применялся столь суровый метод, что школы превращались в пугало для детей и в места истязания для умов. Поэтому большая часть учеников проникалась отвращением к наукам и книгам и предпочитала школам мастерские ремесленников или какие-нибудь другие житейские занятия.

4. *Нигде не учат всему, даже главному.* А тем, кто задерживался в школе (по воле ли родителей и покровителей или привлекаемый надеждой достигнуть когда-нибудь посредством образования почетного положения, или по свободному природному влечению к научным занятиям), тем образование прививалось несерьезно и недостаточно разумно, а извращенно и неправильно. Ибо обычно оставалось в пренебрежении то, что преимущественно должно было внедрять в умы, именно благочестие и нравственность. Об этом, говорю я, во всех школах (даже в академиях, которым, однако, следовало бы быть на вершине человеческой культуры) заботились очень мало. И большей частью оттуда выходили, вместо кротких агнцев, дикие ослы и неукротимые, своенравные мулы; вместо характера, склонного к добродетели, выносили оттуда только поверхностную обходительность в обращении, какое-то пышное иноземное одеяние, дрессированные для светской пустоты глаза, руки и ноги. В самом деле, многим ли из этих жалких людишек, которым изучение языков и искусств так долго давало внешний лоск, приходило в голову быть для остальных смертных примером умеренности, целомудрия, смирения, гуманности, серьезности, терпения, воздержания и пр.? Да и откуда все это может взяться, если в школах даже не поднимается никакого вопроса о доброй жизни? Это подтверждается распушенной дисциплиной почти во всех сословиях и подтверждается, наконец, бесконечными жалобами, вздохами и слезами многих благочестивых людей. И стал ли бы кто-нибудь защищать нынешнее состояние школ? Конечно, мы страдаем той наследственной болезнью, перешедшей к нам еще от прародителей, что, оставив в стороне древо жизни, мы беспорядочно стремимся к одному только дереву познания. В угоду этому беспорядочному стремлению школы до сих пор гнались только за знаниями.

5. *Пользуются методом, не свободным, а насильственным.* Но в каком же порядке и с каким успехом достигали хотя бы этого? Учащихся задерживали пять–десять и больше лет на том, что, несомненно, можно воспринять человеку в течение года. Что можно было бы постепенно прививать сознанию, то навязывалось, вдавливалось и даже вколачивалось насильственно. Что можно было представить наглядно и ясно, то преподносилось темно, запутанно, сбивчиво, в виде подлинных загадок.

6. *Образование поддерживается скорее словесно, чем реально.* Как я мог бы умолчать про такое положение дела, что едва ли где-нибудь умы питались зернами истинной сущности вещей? Большой частью они заполнялись шелухой слов, пустой попугайской болтовней, отбросами и чадом мнений. [...]

Глава XIII

Основною преобразования школ является точный порядок во всем

Порядок – душа вещей. Если бы мы обратили внимание на то, что собственно сохраняет в устойчивом состоянии всю эту вселенную со всеми ее мельчайшими вещами, то не нашли бы ничего, решительно ничего иного, кроме порядка, т. е. размещения вещей предшествующих и последующих, верхних и нижних, больших и малых, схожих и несхожих в соответствии с местом, временем, числом, мерой и весом, надлежащих и соответствующих каждой вещи. Кто-то метко и верно сказал, что порядок есть душа вещей. Ведь все, что приведено в порядок, сохраняет свое положение и целостность до тех пор, пока удерживает порядок. Если порядок нарушен, то все ослабевает, колеблется, расшатывается, падает. Это ясно из примеров природы и искусства. Действительно:

Это поясняется примерами:

1. *Мира.* Чем, спрашиваю я, достигается то, что мир отличается стройностью и существует во всей своей полноте? Конечно, тем, что каждое создание весьма строго держится в своих пределах согласно предписанию природы. Этим сохранением порядка, в частности, сохраняется и порядок вселенной.

2. *Небесной тверди.* Чем достигается столь точное и без всякого замешательства чередование различных промежутков времени, годов, месяцев и дней? Только неизменным порядком небесной тверди.

3. *Тонкой работы маленьких живых существ.* Что дает возможность пчелам, муравьям, паукам давать работу тонкой точности, что человеческий ум находит в ней больше чему удивляться, чем подражать? Не что иное, как врожденное искусство соблюдать в действиях порядок, число, меру.

4. *Человеческого тела.* Чем достигается то, что человеческое тело является столь удивительным органом, вполне достаточным для бесчисленных действий, хотя этот орган наделен не бесчисленными средствами, т. е. что немногими членами, из которых он состоит, можно выполнять изумительные по своему разнообразию дела и не требуется каких-либо дополнительных членов или изменений в них? Это достигается, конечно, благоразумнейшей пропорцией всех членов как внутри себя, так и в отношении друг к другу.

5. *Нашего ума.* Чем достигается то, что единственный данный нашему телу ум, управляя столькими действиями, является достаточным для всего тела? Только порядком, благодаря которому все члены связаны постоянными связями и по мановению первого движения, исходящего от ума, легко приводятся в соответствующее действие.

6. *Мудро управляемого царства.* Чем объясняется, что один человек, царь или император, может управлять целыми народами и, несмотря на то,

—■—

что сколько голов, столько и умов, все, однако, осуществляют намерения его одного? И если он хорошо ведет дело, все неминуемо идет хорошо. Это происходит только благодаря порядку, по которому все связаны узами законов и подчинения. Одному правителю государства ближайшим образом подчинено несколько человек, которыми он должен править непосредственно, каждому из них подчинены другие и так далее, постепенно до самого последнего человека. Таким образом, точно в цепи, одно звено поддерживает другое, так что, если двинуть одно, двигается все; если остается в покое первое, покоятся и все другие. [...]

8. *Пушки.* Страшные действия пушек, которыми потрясаются стены, ниспровергаются башни, уничтожаются войска, происходят только от определенного порядка вещей и приложения активного к пассивному, именно: от правильного смещения селитры с серою (самого холодного с самым горячим), от точного соответствия орудия или пушки этим составным элементам, от достаточного снабжения орудия порохом и ядрами и, наконец, от правильной наводки на цель. Если хоть одно из этих условий отсутствует, то само орудие будет бесполезно. [...]

12. *Часов.* Чем объясняется, наконец, что в инструменте для измерения времени, т. е. в часах, различным образом расположенные и размещенные железные части дают сами от себя движение? И при этом стройно отсчитывают минуты, часы, дни, месяцы, а быть может, и годы? И не только показывают это глазам, но также и ушам, чтобы давать указания даже издали и в темноте? А чем объясняется, что такой инструмент пробуждает человека от сна в тот час, в который ему укажут? И сам зажигает свечу, чтобы ты, проснувшись, тотчас увидел свет? Чем объясняется, что часы могут показывать смену дней по календарю, новолуние и полнолуние и все движения и затмения светил? Что, спрашиваю я, может быть достойным удивления, если не это? Действительно, металл, вещь сама по себе неодушевленная, может делать столь живые, столь устойчивые, столь правильные движения! Разве это раньше, чем было изобретено, не считалось бы так же невозможным, как если бы кто-либо стал утверждать, что деревья могут ходить, а камни говорить? Однако теперь наши глаза свидетельствуют, что это действительно происходит.

Вся тайна часов *заключается в порядке.* Но по какой скрытой силе это происходит? Это совершается только вследствие явного, во всем здесь царящего порядка, а именно вследствие расположения в определенном числе, мере и порядке всех согласованно действующих здесь частей так, что каждая из них имеет определенное назначение и определенные средства для выполнения этого назначения и определенные способы действия этих средств, а именно: точнейшую пропорцию каждой части

по отношению к остальным, необходимую связь с соответствующей частью и законы взаимодействия для восприятия и передачи силы.

Таким образом, все движется с большей точностью, нежели какое-либо живое тело, приводимое в движение собственным духом. Но если в составных частях часов образуется какой-либо разрыв или что-либо ломается, разбивается, или замедляется, или принимает неправильное движение, хотя бы это было самое маленькое колесико, самая маленькая ось, самая маленькая задвижка, тотчас все останавливается или перестает отвечать своему назначению. Отсюда ясно видно, что и здесь все цинкит от порядка. [...]

Глава XVI

Общие требования обучения и учения, т. е. как учить и учиться

Метод обучения должен быть возведен в научную теорию. До сих пор метод наставления был до такой степени неопределенным, что едва ли кто-нибудь решился бы сказать: «В течение стольких и стольких лет этого юношу я доведу до того-то, обучу его так-то и так». Поэтому нам нужно будет рассмотреть, можно ли это искусство духовного насаждения поставить на столь твердые основы обучения, чтобы оно наверняка шло вперед и не обманывало в своих результатах.

И это на основании параллелизма естественного и искусственного. Но так как это основание может состоять лишь в том, чтобы действия этого искусства как можно старательнее приспособить к нормам действий природы (как мы видели в главе XIV), то исследуем пути природы на примере птицы, выводящей птенцов. Рассматривая, как, следуя по стопам природы, удачно подражают ей садовники, художники, архитекторы, мы легко увидим, каким образом должны подражать ей и образователи юношества.

И почему так? Если кому-либо это покажется слишком низким, известным, обыкновенным, тот пусть вспомнит, что мы теперь стремимся к тому, чтобы из повседневных и известных явления, которые успешно совершаются в природе и искусстве (вне школы), мы могли вывести менее известные, требуемые нашей целью. И несомненно, если известно, откуда мы черпаем идею наших правил, то, надеемся, там очевиднее будут и наши заключения.

Основоположение I

Ничто не предпринимается несвоевременно. Природа тщательно приспособляется к удобному времени. Например, птица, намереваясь размножить свое поколение, приступает к этому делу не зимою, когда все сковано морозом и окоченело, и не летом, когда от жары все раскаляется и слабеет, и не осенью, когда жизненность всего вместе с солнцем падает и надвигается зима, опасная для птенцов, но весною, когда солнце всему возвращает жизнь и бодрость. И вместе с тем она поступает постепенно.

Пока стоит еще холодная погода, птица производит яйца и согревает их внутри организма, где они предохранены от холода; когда воздух становится более теплым, она кладет их в гнездо, и, наконец, при наступлении уже теплой части погоды она выводит птенцов, чтобы нежнейшие существа постепенно привыкали к свету и теплу.

Правильное подражание этому в садах и в архитектуре. Так же и садовник обращает внимание на то, чтобы все делать только в свое время. Он не сажает растений зимой (так как сок в это время остается в корне и не поднимается для питания саженца), и не летом (потому что сок уже распределен по ветвям), и не осенью (так как сок устремляется в корни), но весной, когда сок начинает распространяться из корня и оживлять верхние части дерева. И впоследствии он должен знать удобное время для всего, что должно делать с деревьями, т. е. время для унаваживания, подрезывания, окапывания и пр.; даже и самое дерево имеет определенное время для пуска ростков, для цветения, для распускания листьев, для созревания плодов и пр. Не иначе поступает и предусмотрительный архитектор; он считает необходимым выбирать удобное время для рубки леса, обжигания кирпичей, закладки фундамента, возведения стен и штукатурки их и т. п.

Двойное уклонение в школах от этой идеи. Против этой основы в школах допускаются ошибки двоякого рода:

I. Не избирается надлежащее время для умственных упражнений.

II. Не располагают упражнения так тщательно, чтобы все шло вперед в определенной последовательности, безошибочно.

Пока мальчик еще мал, учить его нельзя, так как корень познания лежит у него еще глубоко. Учить человека в старости слишком поздно, так как познавательная способность и память уже ослабевают. В среднем возрасте учить затруднительно, так как с трудом можно объединить умственную деятельность, рассеянную по различным предметам. Следовательно, нужно пользоваться юным возрастом, пока сила жизни и разума находится на подъеме; тогда все воспринимается и легко пускает глубокие корни.

Тройное исправление. Итак, мы делаем заключение:

I. Образование человека нужно начинать в весну жизни, т. е. в детстве, ибо детство изображает собой весну, юность – лето, возмужалый возраст – осень и старость – зиму.

II. Утренние часы для занятий наиболее удобны (так как опять утро соответствует весне, полдень – лету, вечер – осени, а ночь – зиме).

III. Все, подлежащее изучению, должно быть распределено сообразно ступеням возраста так, чтобы предлагалось для изучения только то, что доступно восприятию в каждом возрасте.

Основоположение III

Материал делается годным для восприятия формы. Природа избирает для своего воздействия подходящий предмет или, по крайней мере, сперва надлежащим образом его подготавливает, чтобы он стал подходящим. Например, птица кладет в гнездо, на котором ей надо сидеть, не что угодно, но такой предмет, из которого можно было бы высидеть птенца, т. е. яйцо. Если попадется камень или что-либо другое, птица выбрасывает его как бесполезную вещь. Затем, высиживая яйцо, она до тех пор его согревает, поворачивает, дает форму заключенной в яйце материи, пока оно не станет готовым для вылупливания птенца.

Подражание. Так, архитектор, срубив возможно лучшие деревья, высушивает их, обрубает, распиливает, затем выравнивает площадь для постройки, очищает ее, закладывает новый фундамент или так восстанавливает и укрепляет старый, чтобы он стал пригодным для возведения на нем постройки.

Таким же образом художник, имея недостаточно хорошее полотно или грунт для красок, прежде всего, старается сделать их возможно лучшими, выскабливая, выглаживая и всячески подготавливая их для удобного пользования.

Так садовник: 1) выбирает самый здоровый отводок плодоносного дерева; 2) переносит его в сад и умело сажает в землю; 3) однако, пока не увидит, что он пустил корень, не обременяет его привитием нового черенка; 4) прежде чем привить новый черенок, отрезает прежние веточки, мало того, удаляет пилюю в некоторых местах часть самого ствола, чтобы никакая часть сока не могла утечь куда-нибудь в другое место, кроме как для питания привитого черенка.

Отклонение. Против этого основного положения грешили в школах не столько тем, что туда принимали тупых и глупых (так как по нашему плану нужно допускать всю молодежь), сколько тем, что:

I. Эти молодые растеньица не переносили в питомники, т. е. не вверяли всецело школам, чтобы те, из кого нужно сделать людей, не выпускались из мастерской до полного оформления.

II. В большинстве случаев зародыши наук, нравственности и благочестия пытались привить ранее, чем самый отводок пустит корни, т. е. прежде чем была пробуждена любовь к учению у тех, в которых не зажгла этой любви сама природа.

III. Не очищали молодые деревца или отростки перед посадкой, так как не освобождали души от ненужных занятий, умело удерживая их дисциплиной и приучая к порядку.

Исправление. На основании этого:

I. Всякий, кого отдают в школу, пусть остается в ней до конца.

II. Когда приступают к изучению какого-либо предмета, умы учеников должны быть к этому подготовлены.

III. Все, препятствующее ученикам, должно быть от них устранено. Ведь совершенно бесполезно давать правила, если предварительно не установить всего, что мешает правилам, говорит Сенека. [...]

Джон Локк

МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ

§ 1. Здоровый дух в здоровом теле – вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире. Кто обладает и тем и другим, тому остается желать немногого; а кто лишен хотя бы одного, того лишь мало может компенсировать что бы то ни было иное. Счастье или несчастье человека, большей частью, является делом его собственных рук. Тот, чей дух – неразумный руководитель, никогда не найдет правильного пути, а тот, у кого тело нездоровое и слабое, никогда не будет в состоянии продвигаться вперед по этому пути. Правда, есть люди, обладающие столь крепкой и столь хорошо от природы слаженной конституцией – как физической так и духовной, – что они нуждаются лишь в небольшой помощи со стороны других, что одна сила их природной одаренности, от самой колыбели, влечет их к прекрасному, что благодаря преимуществу их счастливой природной организации они способны делать чудеса. Но примеры такого рода немногочисленны, и можно, мне думается, сказать, что девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются тем, что они есть – добрыми или злыми, полезными или бесполезными – благодаря своему воспитанию. Именно оно и создает большие различия между людьми. Незначительные или почти незаметные впечатления, производимые на нашу нежную организацию в детстве, имеют очень важные и длительные последствия: здесь имеет место то самое, что у истоков некоторых рек, где небольшое усилие может отвести податливые воды в русла, которые заставят их течь почти в противоположных направлениях; благодаря этому слабому воздействию, которое оказано на них у самых истоков, движение вод получает различные направления, и они в конце концов достигают весьма отдаленных и далеко отстоящих друг от друга мест.

Физическое здоровье

§ 2. Я думаю, что детскую душу так же легко направить по тому или иному пути, как и речную воду, но хотя в этом и заключается основная задача воспитания и наша забота должна быть уделена главным образом внутренней стороне человека, однако не следует оставлять без внимания

и брентную оболочку. С последней я поэтому начну и прежде всего рассмотрю вопросы, касающиеся здоровья тела: этого вы, пожалуй, скорее всего и ожидаете от меня, имея в виду ту ученую специальность, в которой меня считают более подготовленным. К тому же с этими вопросами можно скорее покончить, так как, если я не ошибаюсь, круг этих вопросов весьма невелик.

§ 3. Насколько здоровье необходимо нам для профессиональной деятельности и счастья и насколько каждому, кто желает играть какую-либо роль в мире, нужна крепкая конституция, способная переносить лишения и усталость, слишком ясно, чтобы требовались какие-либо доказательства.

§ 4. Мои дальнейшие рассуждения о здоровье относятся не к тому, что должен врач делать с больным и хилым ребенком, а к тому, что должны делать родители, не обращаясь к помощи медицины для оберегания и для укрепления здоровой или, по меньшей мере, не болезненной конституции своих детей. А это можно, пожалуй, выразить в следующем коротком правиле: джентльмены должны закалять своих детей так же, как это делают честные фермеры и зажиточные иомены. Но матери, может быть, сочтут это правило слишком суровым, а отцы найдут его слишком кратким; поэтому я объясню свою мысль подробно. При этом я буду исходить из того общего, достоверного и заслуживающего внимания женщин наблюдения, что природа большинства детей портится или по меньшей мере терпит ущерб от баловства и изнеживания.

Тепло.

§ 5. Первое, о чем следует заботиться, – это чтобы дети ни зимою, ни летом не одевались и не прикрывались слишком тепло. Когда мы появляемся на свет, наше лицо не менее чувствительно, чем любая другая часть тела. Только привычка закаляет тело и делает его более выносливым к холоду. По этому поводу скифский философ дал очень выразительный ответ афинянину, который удивлялся, как тот может ходить голым в мороз и снег. «Как ты можешь выносить, – сказал скиф, – чтобы твое лицо, подверглось действию холодного зимнего воздуха?» «Но мое лицо приучено к этому», – ответил афинянин. «Вообрази же себе, что я весь лицо», – возразил скиф. Наше тело будет переносить все, к чему оно приучено с самого начала.

Прекрасный пример, относящийся к занимающей нас сейчас задаче, – показать, что может сделать привычка (пример, правда, обратного характера, – он относится к случаю чрезмерной жары), я нашел в одном новейшем и интересном описании путешествия и приведу его словами самого автора. «На Мальте, – говорит он, – жара сильнее, чем в какой бы то ни было части Европы, сильнее даже, чем в Риме, и притом

не привычка, создает для других людей такую большую разницу между руками и ногами? Я не сомневаюсь, что если бы человек привыкал с детства ходить всегда босиком, а руки держать закутанными в теплые рукавицы с надетыми поверх их «ручными башмаками», как называются перчатки у голландцев, то промачивание рук было бы для него столь же опасно, как опасно теперь для весьма многих людей промачивать ноги. Для предотвращения этой опасности нужно обувь мальчиков делать так, чтобы она пропускала воду, а также ежедневно мыть им ноги в холодной воде. Это можно рекомендовать и по соображениям чистоты; но здесь я имею в виду интересы здоровья и поэтому не приурочиваю обмывание ног к точно определенному времени дня. Мне известен случай, когда это делалось с хорошим результатом каждый вечер, всю зиму без перерывов, причем употреблялась самая холодная вода. Ребенок обмывал свои ноги по колено водой, которая была покрыта толстой пленкой льда, хотя он был в столь малом возрасте, что не был еще способен сам растирать и вытирать себе ноги; а начали его приучать к этому, когда он был совсем мал и очень нежен. Важна самая цель – закаливание этих частей тела путем частого и вошедшего в привычку обмывания холодной водой и предупреждение таким способом такого вреда, который причиняется случайным промачиванием ног людям, иначе воспитанным; поэтому выбор времени – дня или вечера – можно, мне думается, предоставить благоразумию и удобствам родителей. Время, по моему мнению, безразлично, лишь бы успешно осуществлять самый прием: приобретенные в результате этого здоровье и закалка стоили бы и более дорогой цены. К тому же указанный прием предохраняет и от мозолей, что для некоторых явится очень ценным вознаграждением. Только начинайте это делать весной, с тепловатой водой, и переходя постепенно ко все более холодной, пока через несколько дней не перейдете к совершенно холодной; затем уже продолжайте так и зимой и летом. Здесь, как и в других случаях отступлений от обычного образа жизни, необходимо следить за тем, чтобы перемена достигалась мягкими и нечувствительными переходами: таким путем мы можем приучить свое тело ко всему, не испытывая страданий и не подвергая себя опасности.

Нетрудно предвидеть, как склонны будут принять эту теорию любящие матери. Подвергать такому обращению их нежных малюток – разве это не значит, самое меньшее, убивать их? Как! Погружать их ноги в холодную воду в зимнее время, когда и без того не удастся достаточно их согреть? Чтобы несколько рассеять их страх, приведу примеры, без которых редко выслушиваются даже самые очевидные доводы. Сенека рассказывает нам о себе, что он имел привычку купаться в середине зимы в холодной ключевой воде. Если бы он не считал это не только выносимым, но и полезным для здоровья, он вряд ли стал бы это делать, так как его огромное богатство позволяло ему тратиться на теплые ванны;

а в его возрасте (он был тогда уже стар) были простительны и большие поблажки. Кто-нибудь, может быть, подумает, что к этому суровому приему побуждали его стоические принципы. Пусть так: допустим, что учение секты заставляло его переносить и холодную воду. Но что делало его полезным для его здоровья? Ведь здоровье его не страдало от этой суровой привычки. А что нам сказать о Горации, который не согревал себя славой какой-либо секты и менее всего сочувствовал строгостям стоического учения. Между тем и он уверяет нас, что у него была привычка купаться зимою в холодной воде. Некоторые при этом, может быть, подумают: в Италии значительно теплее, чем в Англии, и температура воды там очень отличается от зимней температуры наших вод. Но если реки Италии теплее, то реки Германии и Польши значительно холоднее, чем у нас; однако там евреи – как мужчины, так и женщины – купаются, не делая перерывов, во все времена года, и притом без всякого вреда для здоровья. Не всякий также склонен видеть чудо или какие-то особенные достоинства источника св. Винфреда в том, что холодные воды этого знаменитого источника не причиняют вреда нежным телам купающихся в нем людей. Всем известны теперь многочисленные случаи, когда холодные купания производят чудеса над больной и слабой конструкцией людей, возвращая им здоровье и силу; они не могут поэтому быть бесполезны или непереносимы, когда речь идет о физическом укреплении и закаливании тех, кто обладает лучшей конституцией.

Если эти примеры взрослых людей сочтут неподходящими для детей потому-де, что организм детей еще слишком нежен и не способен переносить такие эксперименты, то пусть думающие так посмотрят, как поступали со своими детьми германцы и как поступают современные ирландцы, и они убедятся, что также и дети, какими бы нежными их не считали, могут переносить без всякой опасности для себя обмывание холодной водой не только ног, но и всего тела. В горной части Шотландии и теперь еще некоторые женщины применяют этот режим к своим детям в середине зимы и находят, что холодная вода не причиняет им никакого вреда, даже если в ней плавает лед. [...]

Пища

§ 13. Что касается пищи, то она должна быть совсем обыкновенной и простой; и я бы советовал, пока ребенок ходит в детском платьице или, по крайней мере, до двух или трехлетнего возраста, вовсе не давать ему мяса. Но как это ни полезно для его здоровья или силы в настоящем или в будущем, я боюсь, что родители с этим не согласятся, так как они сбиты с толку собственной привычкой есть слишком много мяса: они готовы думать, что их дети, как и они сами, если они не будут иметь мяса по крайней мере два раза в день, будут подвергаться опасности умереть с голода. Я уверен, что зубы у детей прорезывались бы с гораздо меньшей

—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—

опасностью для них, что они гораздо менее были бы подвержены болезням в младенческом возрасте и у них закладывалась бы более надежная основа здорового и сильного организма, если бы нежные матери и неразумная прислуга их не закармливали так и в первые три или четыре года совсем не давали бы им мяса.

Но если мой юный джентльмен уже обязательно должен получать мясо, то пусть он получает его только раз в день и притом один раз и только одного сорта. Обыкновенная говядина, баранина, телятина и т. д. без всякой другой приправы, кроме голода, лучше всего; и нужно прилагать большую заботу о том, чтобы он ел много хлеба, одного хлеба или с чем-либо другим, и чтобы хорошо пережевывал какую бы то ни было твердую пищу. Мы, англичане, часто относимся к этому с пренебрежением, а отсюда проистекают всякие расстройства желудка и другие очень вредные последствия.

§ 14. На завтрак и ужин очень полезно давать детям молоко, молочный суп, кашу на воде, овсянку и целый ряд блюд, которые принято готовить в Англии; нужно только заботиться о том, чтобы все эти блюда были просты, без обильных примесей и очень мало приправлены сахаром, а еще лучше совсем без него. Особенно же тщательно следует избегать всяких пряностей и других вещей, которые могут горячить кровь. Следует также умеренно солить их пищу и не приучать их к сильно приправленным блюдам. Наш орган вкуса именно благодаря привычке получает пристрастие к приправам и ко всякой изысканной пище; а чрезмерное употребление соли не только вызывает жажду и заставляет пить больше, чем следует, но и в других отношениях вредно действует на тело. Я думаю, что ломоть хорошо замешенного и хорошо пропеченного полубелого хлеба, иногда с маслом или сыром, а иногда и без того, мог бы часто быть лучшим завтраком для моего юного джентльмена. Я уверен, что этот здоровый завтрак сделает его столь же сильным человеком, как и более тонкие блюда; да если приучить его к такому завтраку, он и нравиться ему будет не меньше. Если мальчик просит дать ему есть не в установленное время, не давайте ему ничего другого, кроме сухого хлеба. Если он голоден, а не капризничает только, он удовлетворится одним хлебом; если же он не голоден, то ему вовсе не следует есть. Этим вы достигнете двух хороших результатов. Во-первых, привычка заставит его полюбить хлеб, ибо, как я сказал, наш вкус и желудок находят удовольствие в том, к чему мы их приучили. Другая польза, достигаемая этим, заключается в том, что вы не приучите его есть больше и чаще, чем требует природа. Я не думаю, что все люди обладают одинаковым аппетитом: у одних желудки от природы крепче, у других слабее. Но я думаю, что многие люди становятся гурманами и обжорами в силу привычки, не будучи таковыми от природы; и я вижу в разных странах, что люди, которые едят только два раза в день,

также сильны и бодры, как те, которые постоянным упражнением приучили свои желудки напоминать о себе четыре или пять раз. Римляне ничего не ели до ужина; это была единственная настоящая еда даже у тех, которые ели более одного раза в день, и те, кто имел привычку завтракать – один в восемь часов, другие в девять, третьи в двенадцать и несколько позже, – никогда не ели мяса и не заставляли для себя готовить что-либо другое. Август, будучи уже величайшим монархом на земле, рассказывает нам, что он брал с собою в экипаж кусок хлеба. А Сенека, сообщая в своем 83-м письме, какой режим он установил для себя, уже будучи стариком, когда возраст допускал послабления, говорит, что он имел привычку съесть за обедом один лишь кусок сухого хлеба и даже не садился за стол, хотя его состояние позволяло бы ему (если бы этого требовало его здоровье) тратиться не на худший обед, чем любой обед, принятый в Англии, и притом даже в два раза больший. Повелители мира росли на этой скудной пище; и молодые джентльмены в Риме не чувствовали недостатка силы, физической или духовной, из-за того, что они ели лишь один раз в день. Если же случалось, что кто-либо не был в состоянии поститься до ужина, который был единственной установленной едой, то он брал только кусок сухого хлеба или – самое большое – несколько изюминок, чтобы заморить червячка.

Это правило умеренности считалось настолько необходимым для здоровья и работы, что обычай садиться за стол один раз в день устоял против наплыва роскоши, которая была занесена в среду римлян их завоеваниями и грабежами на Востоке, и те, которые отказались от старинной умеренности в еде и стали задавать пиры, не начинали их раньше вечера. Садиться за стол больше одного раза в день считалось столь чудовищным, что со времен Цезаря римляне находили предосудительным устраивать пир или садиться за стол до захода солнца. Поэтому, если, в том не усмотрят чрезмерной суровости, я считал бы самым подходящим давать моему юному джентльмену также и к завтраку только хлеб. Вы не можете себе представить, какую силу имеет привычка; и я приписываю большую часть наших болезней в Англии тому, что мы едим слишком много мяса и слишком мало хлеба. [...]

Постель

§ 22. Постель ребенка должна быть жесткой, и стеганое одеяло лучше перины; жесткое ложе укрепляет члены, в то время как зарывание каждую ночь в перины изнеживает и расслабляет тело и часто является причиной слабости и предтечей ранней могилы. В значительной мере спаньем на перине вызываются, помимо каменной болезни, которая часто возникает от теплого укутывания поясницы, некоторые другие заболевания, а также та нежная и слабая конституция, которая является корнем всех болезней. Далее, тот, кто привык спать дома на жестком ложе,

не будет страдать бессонницей во время своих путешествий (когда сон особенно необходим) из-за отсутствия привычной мягкой постели или из-за того, что подушки положены не в том порядке. Мне думается поэтому, что постель ребенка следует устраивать различным образом, так, чтобы его голова лежала иногда выше, иногда ниже и чтобы он мог стать нечувствительным ко всяким маленьким переменам, с которыми, наверно, будет сталкиваться всякий, кому не предназначено всю жизнь спать в удобной домашней постели и всегда иметь около себя горничную, которая бы тщательно за всем смотрела и тепло его укутывала. Сон – великое укрепляющее средство, данное природой. Тот, кто лишается его, очень страдает от этого, и очень несчастен тот человек, который может принимать это лекарство только из позолоченного кубка своей матери, а не из деревянной чашки. Тот, кто может спать крепко, принимает это лекарство, и совершенно неважно, спал ли он на мягкой постели или на жестких досках. Единственное, что необходимо, – это сон сам по себе. [...]

Ранний возраст

§ 34. Большая ошибка, которую я наблюдал в деле воспитания детей, заключается в том, что родители редко уделяют достаточное внимание тому, чтобы сделать душу ребенка послушной дисциплине и разуму и в тот наиболее подходящий для этого период, когда юная душа наиболее нежна и легче всего подвержена воздействию. Родители, которым природа мудро внушила любовь к детям, очень склонны, если разум не контролирует этой естественной привязанности со всей бдительностью, очень склонны – скажу я – позволять ей переходить в слепую влюбленность. Родители любят своих малюток, и это их долг; но часто они любят в своих детях также их недостатки. Нельзя, видите ли, – ни в чем перечить детям; надо во всем предоставить им поступать по своей воле; а так как дети в свои детские годы не способны к большим порокам, то родители думают, что можно без риска проявлять снисходительность к маленьким отступлениям от правильного поведения, что можно забавляться их милой шаловливостью, которая, по их родительскому мнению, вполне подходит к этому невинному возрасту. Но уже Солон очень хорошо ответил одному такому нежному родителю, который не хотел наказать ребенка за одну скверную выходку, извиняя ее тем, что это неважная вещь: да, сказал он, но привычка – важная вещь.

§ 35. Любимчик должен научиться драться и дразнить других, он должен получать все, что потребует, и делать то, что ему нравится. Так родители, поощряя капризы детей и балуя их, когда они малы, портят в них природные задатки, а потом удивляются, что вода, источник которой они сами отравили, имеет горький вкус. Ибо когда дети вырастают, вместе с ними вырастают также и их дурные привычки; когда же они станут

— ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — —

совсем взрослыми, слишком взрослыми, чтобы можно было с ними нянчиться, и их родители уже не могут больше забавляться ими как игрушками, тогда родители начинают жаловаться, что мальчишки-де непослушны и испорчены; тогда им уже неприятно видеть их своеволие, и их уже смущают дурные наклонности детей, которые они сами посеяли и поощряли в них; тогда – быть может, уже слишком поздно – они были бы рады вырвать те сорные травы, которые они засеяли собственными руками и которые теперь пустили слишком глубокие корни, чтобы их можно было вырвать. Ибо если ребенок привык во всем проявлять свою волю, пока он носил детскую рубашонку, то почему мы должны считать странным, когда, надевши уже штаны, он стремится к тому же и претендует на то же самое? Конечно, с возрастом и его недостатки обнаруживаются сильнее; и мало есть родителей настолько слепых, чтобы они не видели этих недостатков, и настолько нечувствительных, чтобы они не чувствовали плохих результатов своей собственной снисходительности. Ребенок командовал своей няней до того, как научился говорить или ходить; он командовал своими родителями с тех пор, как научился лепетать. Почему же теперь, когда он вырос, когда он стал сильнее и умнее, чем был тогда, он должен стать сдержанным и покорным? Почему в возрасте семи, четырнадцати или двадцати лет он должен потерять ту привилегию, которую родительская снисходительность широко предоставляла ему до сих пор? Сделайте опыт над собакой или лошадью или над каким-либо другим животным и посмотрите, легко ли, когда они уже стали большими, исправить те дурные привычки и то своеобразие, к которым они были приучены, когда были молоды. Между тем ни одно из этих животных и наполовину не наделено тем своеволием и тем самомнением, ни одно из них и наполовину не проникнуто тем желанием быть хозяином над собою и властвовать над другими, как человек.

§ 36. Как правило, мы обладаем достаточным благоразумием, чтобы начинать уход за упомянутыми другими созданиями с очень ранних лет и чтобы своевременно их дисциплинировать, если только мы хотим их сделать полезными и на что-либо годными. Только в отношении собственных детей мы здесь проявляем небрежность; и, сделав их дурными детьми, мы неразумно надеемся, что из них выйдут хорошие люди. Ибо если лучше ребенку дать виноград или леденец, когда ему это захочется, чем дать бедному дитяти расплакаться или огорчить его, то почему, когда он станет взрослым, не следует удовлетворять его желания, которые тянут его к вину или к женщинам? Ведь эти предметы в такой же мере соответствуют желаниям взрослого, в какой отвечали детским склонностям те предметы, из-за которых он плакал, когда был мал. Порок заключается не в том, чтобы иметь желания, соответствующие этим

различным возрастам, а в неумении подчинять их правилам и ограничениям разума; разница заключается не в том, испытываете ли вы или не испытываете самих влечений, а в способности управлять ими и отказываться от них. Тот, кто не привык подчинять свои желания разуму других, когда он молод, вряд ли будет вслушиваться и подчиняться голосу своего собственного разума, достигши того возраста, когда он способен им пользоваться. И нетрудно предвидеть, какого рода человек, по всей вероятности, выйдет из такого субъекта. [...]

Капризы

§ 40. Итак, кто ставит своею целью всегда управлять своими детьми, тот должен начинать это, пока те еще очень малы, и следить за тем, чтобы они полностью подчинялись воле своих родителей. Вы хотите, чтобы ваш сын, выйдя из детских лет, вас слушался? В таком случае вы непременно должны установить свой отцовский авторитет возможно раньше, а именно – как только он стал способен подчиняться и понимать, в чьей власти он находится. Если вы хотите, чтобы ваш сын питал к вам почтительный страх, запечатлейте в нем это чувство уже в детстве; а по мере того как он будет становиться старше, позволяйте ему сближаться с вами; при этом условии вы будете иметь в нем послушного подданного (как оно и должно быть) в детстве и преданного вам друга, когда он вырастет. По моему мнению, очень неправильно понимают должное обращение с детьми те, которые проявляют по отношению к ним снисходительность и фамильярность, пока они малы, и становятся суровыми к ним и держат их на известном расстоянии от себя, когда они выросли; ибо свобода и потворство не приносят пользы детям, а недостаток рассудительности создает необходимость для них ограничений и дисциплины, и, наоборот, властное и строгое отношение – плохой способ обращения с людьми, уже обладающими собственным разумом, чтобы им руководствоваться, если только вы не хотите стать в тягость своим детям, когда они вырастут, и не хотите, чтобы они втайне говорили про себя: «Когда ты, наконец, умрешь, отец?»

§ 41. Я полагаю, что всякий признает разумным, чтобы его дети, пока они малы, смотрели на родителей как на своих господ, как на облеченных полнотою власти руководителей, по отношению к которым проявляли бы почтительный страх; впоследствии, когда они подрастут, чтобы они видели в родителях самых лучших и единственно надежных друзей любили бы и уважали их. Указанный мною путь является, если я не ошибаюсь, единственным, который может обеспечить достижение таких результатов. Когда дети подрастут, мы должны смотреть на них как на равных нам, как на людей с такими же страстями, с такими же желаниями, как наши страсти и желания. Мы желаем, чтобы в нас признавали разумные

создания, мы стремимся к свободе: мы не любим, если нам надоедают постоянными выговорами и окриками, и не миримся с тем, чтобы люди, с которыми мы сталкиваемся, проявляли к нам суровое отношение или держали нас на почтительном расстоянии. Тот, кто, будучи взрослым, встречает подобное отношение к себе, будет искать другого общества, других друзей, других собеседников, с которыми он мог бы чувствовать себя легко. Поэтому, если детей держать в строгости с самого начала, то, пока они дети, они будут послушны и спокойно подчиняться строгостям, как будто никогда не знали другого обращения. И если по мере того как они будут подрастать и подрастут настолько, чтобы руководствоваться своим разумом, строгость управления будет мало-помалу (в той мере, в какой они будут заслуживать) смягчаться и обращение отца будет становиться все более мягким, и расстояние между ним и детьми уменьшится, то его прежняя строгость только усилит их любовь, так как дети поймут, что это было лишь проявление доброты к ним и желания сделать их способными заслужить любовь родителей и уважение всех и каждого.

§ 42. В этом заключается общее правило для установления вашего авторитета над вашими детьми. Страх и почтительность должны дать вам первую власть над их душами, а любовь и дружба должны закрепить ее: ибо должно прийти время, когда они перерастут розгу и исправительные меры воздействия, и тогда – я вас спрошу, – если любовь к вам не сделает их послушными и не внушит им чувства долга, если любовь к добродетели и желание поддержать свою репутацию не будет их удерживать на достойном пути, – какое у вас будет в отношении их средство повернуть их на этот путь? Конечно, страх оказаться при маленькой доле наследства, из-за того, что стали бы вас огорчать, может их сделать рабами вашего богатства, но внутренне они, несмотря на то, будут оставаться дурными и испорченными. Но эта сдержка ведь не останется навсегда. Всякий человек должен рано или поздно быть представлен самому себе, своему собственному руководству, и хороший, добродетельный и способный человек должен быть воспитан таковым внутренне. Поэтому все, что он должен получить от воспитания, то, что должно повлиять на его жизнь, должно быть своевременно вложено в его душу, а именно: привычки, крепко переплетенные с самыми основами его натуры, а не притворное поведение и лицемерная личина, надетая лишь из страха и с единственной целью избежать в данное время гнева отца, который может лишит его наследства. [...]

Побои

§ 47. Обычный метод воздействия наказанием и розгой, который не требует ни усилий, ни много времени, этот единственный метод поддержания дисциплины, который широко признан и доступен пониманию воспитателей, является наименее пригодным из всех

мыслимых приемов воспитания, так как он приводит к обоим упомянутым вредным последствиям; а они, как мы показали, представляют собой Сциллу и Харибду, которые, с той ли или другой стороны, губят всякого, кто сворачивает с правильного пути.

§ 48. Этот вид наказания совсем не способствует преодолению нашей естественной склонности предаваться физическим и мимолетным удовольствиям и всячески избегать страданий, а скорее поощряет эту склонность и тем самым укрепляет в нас то, что является корнем всех, порочных поступков и отступлений от правильной жизни. В самом деле, какой другой мотив, кроме чувственного удовольствия или страдания, руководит ребенком, который только из страха быть высеченным корпит над книгой вопреки своей склонности или воздерживается есть нездоровый плод, в котором находит удовольствие? В данном случае он только отдает предпочтение большему физическому удовольствию или избегает большего физического страдания. И что собственно значит регулировать его поступки и направлять его поведение, используя подобные мотивы? Разве это не значит – спрошу я вас – поощрять в нем то самое начало, искоренение и уничтожение которого является нашей задачей? Я не могу поэтому признать полезным для ребенка какое бы то ни было наказание, при котором стыд пострадать за совершенный проступок не действует на него сильнее, чем само страдание.

§ 49. Этот метод исправления, естественно, порождает в ребенке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить. Как легко наблюдать такое явление, что дети, которым раньше нравились те или другие вещи, начинают их ненавидеть, видя, что из-за этих вещей они подвергаются побоям и мучениям! И в этом нет ничего удивительного, так как и взрослых людей нельзя подобными приемами заставить полюбить что-нибудь. В самом деле, какой человек не проникся бы отвращением к самому невинному развлечению, хотя бы само по себе оно было для него безразличным, если бы его вздумали побоями и бранью заставлять развлекаться или подвергать его такому же обращению за некоторые особенности в его манере развлекаться? Это было бы вполне естественно. Неприятная обстановка обычно отравляет самые невинные вещи, которые с нею связаны: один только вид чашки, из которой вы обычно принимаете отвратительное лекарство, вызывает у вас тошноту, и ничего из этой чашки уже не покажется вам приятным, хотя бы она была исключительно чиста и красива и сделана из дорогого материала.

§ 50. Такой род рабской дисциплины создает рабский характер. Ребенок подчиняется и притворяется послушным, пока над ним висит страх розги; но как только этот страх отпал и ребенок, в отсутствие наблюдающего глаза, может рассчитывать на безнаказанность, он дает еще больший простор своей естественной наклонности, которая, таким

образом, нисколько не изменяется, а, напротив, лишь становится в нем значительно сильнее и обычно после такой насильственной сдержки просыпается еще с большей силой.

§ 51. Или же – если строгость, доведенная до крайней степени, берет верх и приводит к исцелению от ранее прорывавшейся скверной склонности, то этот, результат часто достигается за счет насаждения другого, еще худшего и более опасного недуга – душевной пришибленности, и тогда вместо беспорядочного юноши вы будете иметь слабоумное и жалкое существо, которое, правда, нравится глупым людям своей противоестественной скромностью, так как оно не шумит и не причиняет беспокойства, но в конце концов, вероятно, окажется неприятным для своих друзей и на всю жизнь останется бесполезным и для себя и для других.

Награды

§ 52. Побои и все прочие виды унижающих телесных наказаний не являются подходящими мерами дисциплины при воспитании детей, которых мы хотим сделать разумными, добрыми и талантливыми людьми; эти меры следует поэтому применять очень редко и притом только по серьезным основаниям и лишь в крайних случаях. С другой стороны, нужно тщательно избегать поощрения детей посредством награждения их вещами, которые им нравятся. Кто дает своему сыну яблоко или пряник или какой-либо другой в этом роде предмет из наиболее любимых им с целью заставить его сидеть за книгой, тот только поощряет его любовь к удовольствиям и потворствует этой опасной склонности, которую надлежало бы всеми средствами обуздывать и подавлять в нем. Вы никогда не можете рассчитывать научить его управлять своим влечением, если, ставя ему преграды в одном случае, вы компенсируете это разрешением удовлетворить то же влечение в другом случае. Чтобы сделать из него хорошего, разумного и добродетельного человека, нужно научить его противостоять своим влечениям и отказываться в удовлетворении своему вкусу к богатству, щегольству, лакомству и пр., когда разум его советует, а долг от него требует противоположного. Но когда вы побуждаете его делать что-нибудь полезное, даря ему деньги, или награждаете его за утомительное сидение за книгой удовольствием от лакомого кусочка; когда вы обещаете ему кружевной галстук или изящный костюм за исполнение какой-либо из его мелких обязанностей, то разве, предлагая ему все это в виде награды, вы не допускаете только, чтобы эти хорошие вещи стали его целью, и разве тем самым вы не поощряете его страсть к этим вещам, не приучаете его видеть в них свое счастье? Так люди неправильно пользуются наградами и наказаниями, чтобы заставить детей проявить усердие к грамматике, к танцам и к некоторым другим подобным предметам, не имеющим большого значения для их счастья или полезности в их жизни,

и тем самым жертвуют их добродетелью, извращают правила их воспитания и приучают детей к роскоши, чванливости, жадности и т. п. Ибо, потворствуя таким образом этим дурным наклонностям, которые они должны были бы ограничивать и подавлять, они закладывают основу будущих пороков, которых можно избежать, лишь подавляя наши желания и с ранних лет приучая их подчиняться разуму. [...]

Правила

§ 64. Здесь позвольте мне обратить внимание на одну вещь, которую я считаю ошибкой обычного метода воспитания: она заключается в обременении детской памяти всевозможными правилами и предписаниями, которые часто бывают недоступны их пониманию и всегда детьми забываются сейчас же, как только они их получили. Если вы желаете, чтобы дети выполнили какое-либо действие или сделали это иначе, когда они забывают или делают это неудачно, заставляйте их много раз переделывать, пока они не достигнут совершенства. Этим вы добьетесь двух полезных результатов. Во-первых, вы увидите, способны ли они выполнить данную работу и можно ли рассчитывать, что они ее выполнят: ведь от детей иногда требуют таких вещей, которых, как мы убеждаемся уже на опыте, они не умеют делать, и раньше, чем требовать от них выполнения, следовало бы их поучить и поупражнять. Но воспитателю гораздо легче приказывать, чем учить. Другая польза, которая получается от этого, заключается в том, что, если дети будут многократно проделывать одно и то же действие до тех пор, пока оно не станет для них привычным, выполнение уже не будет зависеть от памяти или размышления, свойственных не детству, а зрелому возрасту, но станет у них чем-то естественным.

Так, например, для хорошо воспитанного человека кланяться джентльмену, когда тот его приветствует, и смотреть ему в лицо, когда тот говорит с ним, становится, благодаря постоянной практике, столь же естественным, что и дышать: для этого не требуется ни думать, ни рассуждать. Если вы таким путем излечили вашего ребенка от какого-либо недостатка, вы его излечили навсегда; и таким же способом вы можете искоренить в детях один за другим все недостатки и привить им какие угодно привычки.

§ 65. Я видел родителей, которые наваливали на своих детей такую кучу правил, что бедным малышам невозможно было запомнить и десятую их часть, и еще менее они могли их выполнять. И, несмотря на то, за нарушение этих многочисленных и часто совершенно нецелесообразных предписаний дети подвергались брани и побоям. Естественным результатом этого было то, что они не обращали внимания на указания, которые им давались, так как для них было очевидно, что всего внимания, на которое они способны, недостаточно, чтобы предохранить их от нарушений и после идущих наказаний. Поэтому пусть этих правил, которые вы даете своему

---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
сыну, будет возможно меньше; лучше пусть их будет меньше, а не больше того, что кажется абсолютно необходимым. Ибо если вы обремените его многочисленными правилами, то в результате неизбежно получится одно из двух: или вам придется своего сына очень часто наказывать, что будет иметь дурные последствия, так как наказание будет слишком частым и сделается привычным, или же вы будете вынуждены оставлять нарушение некоторых ваших правил безнаказанными, что, конечно, вызовет пренебрежительное отношение к ним и подорвет вам авторитет в глазах сына. Создавайте лишь немного законов, но следите за тем, чтобы они, будучи раз созданы, соблюдались. Для малолетних детей требуется немного законов, и, лишь по мере того как они становятся старше и какое-либо правило в результате практики прочно утвердилось, вы можете прибавить новое правило.

§ 66. Но прошу вас помнить, что детей не следует учить при помощи правил, которые всегда будут ускользать из их памяти. Заставляйте их все, что, по вашему мнению, они должны уметь делать, усваивать путем необходимой практики, приурочивая эту практику к каждому подходящему случаю, а если возможно, сами создавайте эти случаи. Это будет порождать у них привычки, которые, раз установившись, будут действовать сами собой, легко и естественно, без помощи со стороны памяти. Но здесь позвольте мне сделать следующие два предупреждения:

1. Когда вы заставляете их упражняться в том, что вы хотели бы превратить у них в привычку, применяйте ласковые слова и мягкие уговоры, лучше в форме как бы напоминания о том, что они позабыли, чем в форме резких замечаний или брани за умышленный будто бы проступок.

2. Второе, что вам следует соблюдать, заключается в том, чтобы не стараться укоренять в них слишком много привычек зараз, иначе вы разнообразием собьете их с толку и основательно не разовьете в них ни одной привычки. Когда постоянная практика превратила какое-либо действие в нечто легкое для них и естественное и они его выполняют не раздумывая, вы можете перейти к другому.

Практика

§ 67. Этот метод обучения детей путем повторной практики, путем многократного выполнения, под наблюдением и руководством воспитателя, одного и того же действия до тех пор, пока дети не привыкнут делать это хорошо, с какой бы стороны мы ни рассматривали его, имеет столько преимуществ перед методом, рассчитанным на правила, которые дети должны усвоить с помощью памяти, что я могу только удивляться (если можно вообще удивляться дурным обычаям), как он мог оставаться в столь большом пренебрежении. Укажу здесь еще на одно

преимущество. Пользуясь этим методом, мы можем видеть, соответствуют ли требования, предъявляемые к ребенку, его способностям и подходит ли тот или другой прием к природным дарованиям и конституции ребенка: это ведь также должно приниматься в соображение при правильном воспитании. Мы не должны рассчитывать на то, чтобы полностью изменить их прирожденные характеры, чтобы сделать веселого человека задумчивым и серьезным, а меланхолика веселым человеком, не портя их. Бог наложил определенную печать на душу каждого человека, которая, подобно его внешнему облику, может быть немного исправлена, но вряд ли можно ее целиком изменить и превратить в противоположное.

Поэтому тот, кто имеет дело с детьми, должен основательно изучить их натуры и способности и при помощи частных испытаний следить за тем, в какую сторону они легко уклоняются и что к ним подходит, каковы их природные задатки, как можно их усовершенствовать и на что они могут пригодиться. Он должен подумать над тем, чего им недостает и могут ли они это приобрести с помощью прилежания и усвоить путем практики и стоит ли об этом стараться. Ибо во многих случаях все, что мы можем сделать и к чему мы должны стремиться, это использовать наилучшим образом то, что дала природа, предупредить те пороки и недостатки, к которым наиболее предрасположена данная конституция. Природные дарования каждого должны быть развиваемы до возможных пределов; но попытка привить ребенку что-либо другое будет только бесплодным трудом, и то, что таким образом будет на нем наклепано, в лучшем случае окажется не к лицу и всегда будет производить неприятное впечатление принужденности и манерности. [...]

Наказание

§ 72. Но вернемся к вопросу о наградах и наказаниях. Поскольку, как я уже говорил, дисциплину розги не следует применять для борьбы со всякими детскими выходками, с неприличным поведением и всем прочим, что непременно исцеляет время и возраст, то вовсе нет надобности так часто бить детей, как это обычно практикуется. Если сюда присоединить обучение чтению, письму, танцам, иностранным языкам и тому подобные занятия, которые должны пользоваться той же привилегией, то при умелом воспитании очень редко представится повод для применения побоев или насилия. Правильный метод обучения этим вещам заключается в том, чтобы внушить детям любовь и склонность к тому, что вы предлагаете им изучить, и что потребует от них усердия и прилежания. Сделать это, по моему мнению, нетрудно, если руководить детьми надлежащим образом и осторожно применять указанные выше награды и наказания, соблюдая вместе с тем в методе обучения следующие немногие правила. [...]

Принуждение

§ 128. Мы уже отметили выше, что дети любят разнообразие и свободу и что это именно делает для них игры привлекательными, и поэтому не следует им навязывать в виде обязанности ни учебник, ни что бы то ни было другое, чему они должны, по нашему мнению, учиться. Их родители, воспитатели и учителя склонны забывать это, и то нетерпение, которое они проявляют в своем желании засадить детей за полезную для них работу, мешает им втягивать последних в работу незаметным для них способом; а по частым понуканиям дети быстро распознают, чего от них требуют и чего не требуют. Если эта ошибочная тактика уже внушила ребенку антипатию, то лечение нужно начать с другого конца. Но так как теперь уже слишком поздно пытаться превратить для него учение в игру, то вы должны наметить обратный путь: вам нужно проследить, какой игрой он больше всего увлекается, и превратить ее в обязанность; заставляйте его каждый день определенное количество часов играть, и притом не в виде наказания, а в качестве занятия, которое вменяется ему в обязанность. При таких обстоятельствах, если я не ошибаюсь, самая любимая игра надоест ему в несколько дней настолько, что он предпочтет ей свой учебник или что-либо другое, особенно если это избавит его хотя бы от части возложенного на него урока обязательной игры и ему позволят часть времени, предназначенного для указанного урока, уделить учебнику или какому-либо другому действительно полезному для него занятию. Я, по крайней мере, думаю, что это более действительное средство, чем прямое запрещение (которое обычно усиливает желание) или какое бы то ни было другое наказание, для исправления этого недостатка. Ибо если вы однажды пресытили его аппетит (что можно безопасно проделать во всем, только не в еде и питье), довели его до пресыщения тем именно, от чего вы желаете его отучить, то этим самым вы внушили ему отвращение, и вам нечего уже бояться, что у него снова появится та же страсть.

§ 129. Мне представляется достаточно очевидным, что праздность дети, как правило, ненавидят. Поэтому вся наша забота должна быть направлена к тому, чтоб их деятельный дух был всегда занят чем-либо полезным для них; если вы хотите этого добиться, вы должны превращать для них необходимые, по вашему мнению, занятия в развлечение, а не делать из них обязательную работу. Как это сделать, чтобы дети в то же время не могли заметить умысла с вашей стороны, я здесь указал; а именно: предлагая или заставляя их под тем или иным предлогом заниматься до пресыщения тем, от чего вы хотите их отучить, и внушая им таким способом отвращение к этому делу. Например: ваш сын слишком увлекается игрой в кубарь. Заставляйте его играть по несколько часов в день и следите за тем, чтобы он это действительно делал: вы увидите, как быстро

Еще один момент в вопросе о детских игрушках заслуживает внимания родителей. Хотя мы согласились, что они должны быть разнообразными, однако, по моему мнению, ни одной игрушки не следует покупать для детей. Этим устранится то большое разнообразие, которое часто создает для них перегрузку и служит лишь к тому, что приучает их к постоянной погоне за переменной и избытком, к беспокойству, к вечному желанию чего-то нового, к вечной неудовлетворенности тем, что они имеют. Подарки, которые принято делать детям родителями с солидным общественным положением, в целях угождения, причиняют малюткам большой вред. Это развивает в последних гордость, тщеславие и жадность чуть ли не ранее, чем они научатся говорить. Я знал маленького ребенка, который был настолько поглощен обилием и разнообразием своих игрушек, что утомлял свою няню, ежедневно пересматривая их; ребенок так привык к этому избытку, что никогда не считал его для себя достаточным и то и дело спрашивал: «А еще что, еще что? Что мне еще дадут?» Замечательное начало в ограничении желаний и замечательный путь к тому, чтобы сделать человека довольным и счастливым!

Но меня спросят: если никаких игрушек не следует покупать, то откуда они будут получать те игрушки, которые вы разрешаете им иметь? На это я отвечаю: пусть они сами их делают или, по крайней мере, стараются их делать, и пусть занимаются этим; а до того пусть они обходятся без игрушек, да у них и нужды не будет в особо хитрых игрушках. Гладкий камешек, кусок бумаги, связка ключей матери и любой предмет, которым они не могут поранить себя, – все это так же может развлекать маленьких детей, как и дорогие и затейливые игрушки из магазина, которые сейчас же портятся и ломаются. Дети никогда не скучают и не огорчаются из-за отсутствия таких игрушек, если только их не приучили к ним; когда они малы, игрушкой для них может явиться все, что попадает им в руки; когда же они становятся старше, они сами будут их делать, если только другие не будут бессмысленно тратить на то, чтобы снабжать их. Конечно, когда они начнут что-либо изобретать сами, нужно учить их и помогать им; но пока они сидят празднично, в ожидании, что получат все из чужих рук, без всякого старания с своей стороны, не следует ничего им давать. А если вы помогаете им, когда они находятся в затруднении, вы будете им милее, чем если бы вы стали покупать им дорогие игрушки. Правда, такие игрушки, изготовление которых превышает их искусство и пользование которыми связано с затратой труда, как, например, кубарь, волчок или ракета и другие в этом роде, нужно доставлять им: они должны получать их не ради разнообразия, а для упражнения; но из этих игрушек также нужно давать им возможно

и постепенно становится мельче по сравнению с тем, с которого он начал, но никогда не становится крупнее. С такой выгравированной доски нужно сделать оттиски на нескольких листах хорошей бумаги красными чернилами, и обучающемуся остается только обводить буквы хорошим пером, обмакнутым в черные чернила. Если предварительно показать ему, откуда начинать и как обводить каждую букву, его рука быстро освоится с формами этих букв. Когда он научится хорошо обводить буквы, он должен перейти к упражнениям на чистой бумаге. Таким методом вы легко можете научить его писать любым почерком по вашему желанию. [...]

Французский язык

§ 162. Как только мальчик научился говорить по-английски, пора ему начать учиться какому-либо другому языку: ни у кого не возникает сомнений, когда в качестве такого языка предлагается французский язык. Причина лежит в том, что все свыклись с правильным методом обучения этому языку: он заключается в усвоении детьми языка из постоянных разговоров, а не с помощью грамматических правил. Этим же методом было бы легко обучать и латинскому языку, если бы воспитатель, всегда находясь с учеником, обращался к нему только на этом языке и заставлял бы его всегда отвечать на нем же. Но так как французский язык – живой язык и больше употребляется в разговоре, то ему нужно учиться раньше для того, чтобы его гибкие органы речи могли приучиться к правильному образованию его звуков и мальчик усвоил бы хорошее французское произношение; чем дальше откладывать обучение, тем оно становится труднее.

Латинский язык

§ 163. Когда мальчик уже хорошо говорит и читает по-французски (что при указанном методе обучения достигается обычно в одни или два года), он может перейти к латинскому языку; странно только то, что родители, имея перед собой опыт с французским языком, не считают нужным обучать детей латыни тем же методом разговора и чтения. Нужно только позаботиться о том, чтобы мальчик за то время, что он обучается этим иностранным языкам, читая и разговаривая с воспитателем только на этих языках, не забыл читать по-английски. Это можно предупредить тем, чтобы он ежедневно в присутствии матери или кого-либо другого читал вслух избранные места из библии или другие английские книги. [...]

§ 178. Одновременно с обучением французскому и латинскому языкам можно, как я говорил, начать вводить мальчика также в арифметику, географию, хронологию, историю и геометрию. Ибо, если учить его этим предметам на французском или латинском, когда он начинает понимать какой-либо из этих языков, то он будет одновременно приобретать знания в этих предметах и в придачу усваивать самый язык.

География

Начать, мне думается, нужно с географии: ибо, поскольку изучение фигуры земного шара, положения и границ четырех частей света и отдельных королевств и стран является только упражнением глаз и памяти, ребенок будет этому учиться с удовольствием и запоминать эти вещи. Насколько это верно, показывает следующий факт. В доме, где я теперь живу, есть ребенок, которого мать настолько хорошо познакомила этим способом с географией, что, когда ему еще не было шести лет, он знал границы четырех частей света, умел, когда его спрашивали, сразу показать любую страну на глобусе и любое графство на карте Англии, знал все большие реки, мысы, проливы и заливы на земном шаре и умел находить долготу и широту любой точки. Конечно, этими вещами, которые ребенок по указанному методу усвоит при помощи зрения и запомнит механически, еще не исчерпывается все, что он должен изучить на глобусе. Однако это значительный шаг и хорошая подготовка к дальнейшему и весьма облегчит усвоение всего остального впоследствии, когда его способность рассуждать достаточно созреет для этого; кроме того, он выигрывает этим много времени, а удовольствие, которое он испытывает, узнавая о разных вещах, будет незаметно способствовать усвоению им языка.

Арифметика

§ 179. Когда в памяти мальчика хорошо запечатлеются естественные подразделения земного шара, будет своевременно перейти к арифметике. Под естественными подразделениями земного шара я подразумеваю различные положения частей суши и моря в связи с различными названиями и подразделениями стран, не касаясь еще тех искусственных и воображаемых линий, которые условны и придуманы в целях усовершенствования этой науки.

§ 180. Арифметика – это легчайшая форма отвлеченного мышления; и поэтому она обыкновенно раньше других оказывается доступной уму, и с нею он раньше всего свыкается; притом она настолько общеупотребительна при всех обстоятельствах обычной и деловой жизни, что навряд ли можно что-либо делать, не прибегая к ее помощи. Относительно нее, бесспорно, никогда нельзя сказать, что человек знает ее слишком много и слишком хорошо. Поэтому упражнения в счете следует начинать возможно раньше, лишь только ребенок становится способен к ним; и заниматься этим следует понемногу каждый день, пока он не овладеет вполне искусством счета. Когда он освоится со сложением и вычитанием, его можно повести дальше в географии; и после того как он ознакомится с полюсами, поясами, параллельными кругами и меридианами, нужно объяснить ему, что такое долгота и широта, научить его пользоваться с их помощью картой и по числам, поставленным по ее бокам, определять относительно положение стран и, обратно, отыскивать последние на земном глобусе.

Астрономия

Научившись легко с этим справляться, он может перейти к небесному глобусу и снова рассмотреть все круги, познакомиться более подробно с эклипстикой и зодиаком, чтобы с полной ясностью и отчетливостью запечатлеть их в своем уме, а затем усвоить фигуру и положение некоторых созвездий, которые можно сначала показать ему на глобусе, а затем уже на небе.

После того как все это усвоено и мальчик достаточно хорошо ознакомился с созвездиями, можно сообщить ему некоторые сведения о нашем планетном мире: для этой цели неплохо сделать ему чертеж Коперника и по этому чертежу объяснить положение планет, их относительные расстояния от солнца, центры их вращения. Это наиболее легкий и естественный путь для подготовки его к пониманию движения и теории планет. Ибо, так как астрономы больше не сомневаются в движении планет вокруг солнца, его следует ознакомить с этой гипотезой не только потому, что это простейшая и наименее сложная гипотеза для учащегося, но в то же время и наиболее правдоподобная сама по себе. Но и в данном случае, как и во всех других частях обучения детей, нужно тщательно стараться начинать с ясного и простого, нужно сообщать детям возможно меньше сведений одновременно и хорошенько укреплять эти знания в их головах, раньше чем идти дальше и сообщать что-либо новое из этой науки. Дайте им сначала одну простую идею и проследите, чтобы они ее правильно поняли и вполне усвоили раньше, чем перейти к следующей, а затем присоедините следующую по вашему плану и по цели, которую вы себе ставите, и так, подвигаясь легкими и незаметными шагами, не запутываясь и не смущаясь, детские умы развернутся и их умственный кругозор расширится значительно дальше, чем вы, может быть, ожидаете. Когда же мальчик сам научился чему-либо, то нет лучшего способа закрепить это в памяти и поощрить его к продолжению учения, чем заставив его учить тому же других.

Геометрия

§ 181. После того как он ознакомился с глобусом в объеме, указанном мною выше, полезно попытаться обучить его немного геометрии: я думаю, что достаточно для него усвоить первые шесть книг Эвклида; ибо я несколько сомневаюсь, чтобы деловому человеку было необходимо и полезно знать больше. Во всяком случае, если у него есть талант и влечение к этой науке, то, пройдя ее в указанном объеме под руководством своего воспитателя, он будет в состоянии продолжать ее изучение самостоятельно, без помощи преподавателя.

Поэтому глобусы надо изучать, и изучать тщательно, и я думаю, что начать это изучение можно рано, если только воспитатель будет

внимательно разбираться в том, что ребенок способен усвоить и что не способен усвоить; здесь, пожалуй, может помочь такой критерий: дети могут научиться всему, что воспринимается их чувствами, особенно зрением, поскольку при этом упражняется только их память; таким образом, очень маленький ребенок почти с того самого момента, как он стал распознавать комнаты дома, в котором он живет, способен заучить на глобусе, что такое экватор, что такое меридиан и пр., что такое Европа и что такое Англия, если только не учить его слишком много за раз и не заставлять его переходить к новому раньше, чем он основательно заучит и укрепит в своей памяти то, чем он в данный момент занимается. [...]

Законы

§ 187. Странно было бы думать, что английский джентльмен может быть незнаком с законами своей страны. Это знание настолько ему необходимо независимо от занимаемого им положения, что я не знаю должности – от мирового судьи до министра, – которую он мог бы с успехом выполнять без этих знаний. Я здесь не имею в виду крючкотворчество или кляузную софистическую сторону права: джентльмен, задача которого заключается в том, чтобы искать правильные критерии права и неправа, а не в том, чтобы овладеть искусством обходить первое и без опаски делать второе, должен быть так же далек от указанного метода изучения права, как и обязан проявлять интерес к изучению того, в чем он может быть полезен своей стране. Ввиду этой цели для джентльмена, который не предполагает делать право своей профессией, правильный метод изучения права заключается по моему мнению, в том, чтобы ознакомиться с основами нашей английской конституции и управления по старым книгам об обычном праве и по сочинениям некоторых более современных писателей, которые на основе указанных источников дали анализ нашего управления. Получив правильное понятие об этом предмете, он должен перейти к чтению нашей истории, соединяя с этим изучение законов, которые издавались в каждое данное царствование. Это сделает для него понятным смысл статутов, осветит ту подлинную основу, на которой они возникли, и укажет, каким весом они должны пользоваться. [...]

Ремесло

§ 201. Я намерен остановиться еще на одном предмете, при первом упоминании которого я рискую навлечь на себя подозрение в том, что я забыл о своей теме и о том, что я писал выше относительно воспитания, во всем приноровленного к призванию джентльмена, с которым как будто бы ремесло никак несовместимо. Тем не менее, я не могу не сказать, что я желал бы, чтобы он учился ремеслу, ручному труду; и даже более того – не одному, а двум или трем, причем одному более основательно.

§ 202. Поскольку склонность детей к деятельности всегда должна направляться на что-нибудь полезное для них, следует учитывать два рода выгод, которых можно ожидать от их занятий:

Искусство, усвоенное путем упражнения, само по себе заслуживает того, чтобы его усвоить. Таковы не только знания языков и наук, но и также живопись, токарное дело, садоводство, закаливание и обработка железа и все другие полезные искусства, заслуживающие усвоения.

Упражнение, как таковое, независимо от каких бы то ни было других соображений необходимо или полезно для здоровья.

Знание некоторых вещей настолько необходимо усваивать детям, пока они молоды, что усовершенствованию в этих вещах должна быть посвящена некоторая часть их времени, хотя бы эти занятия вовсе не способствовали их здоровью. Таковы чтение и письмо и все другие занятия, связанные с сидением на месте, цель которых – воспитание их ума и которые неизбежно отнимают у джентльменов значительную часть их времени с самых ранних лет.

Из ручных ремесел, для усвоения которых, равно как и для упражнения в них, требуется физический труд, многое благодаря этому упражнению не только увеличивает нашу ловкость и искусство, но укрепляет также наше здоровье, особенно если ими заниматься на открытом воздухе. В них, следовательно, можно сочетать усовершенствование с улучшением здоровья; из них следует выбрать подходящие в качестве развлечения для людей, чье главное занятие связано с книгами и учением. При этом выборе нужно сообразоваться с возрастом и склонностями данного человека и, привлекая его к делу, избегать принуждения. Ибо приказание и насилие часто вызывают отвращение, но никогда не излечивают от него: за какое бы дело вы ни засадили человека насильно, он при первой же возможности немедленно бросит его; да к тому же, пока он занимается им, оно приносит ему мало пользы и еще меньше развлечения. [...]

Садоводство

§ 204. Для сельского джентльмена я предложил бы одно из следующих двух занятий или еще лучше и то и другое: садоводство или вообще сельское хозяйство и работы по дереву, как-то: плотничью, столярную, токарную; ибо для кабинетного или делового человека они являются полезным и здоровым развлечением. Душа не выдерживает постоянного занятия одним и тем же предметом или одним и тем же приемом работы, и люди, ведущие сидячую кабинетную жизнь, должны иметь какое-нибудь упражнение, которое б могло в одно и то же время развлекать их душу и давать занятие телу и я не знаю в этом отношении ничего лучше, чем указанные два занятия, когда погода или время года не позволяют ему заняться одним, он может заняться

Бухгалтерия

§ 210. Но если заблуждающиеся родители, которых приводят в ужас такие неприятные слова, как «механическая работа», отвергнут для своих детей какое бы то ни было занятие этого рода, то есть одна вещь, относящаяся к торговле, изучение которой они, по здравом размышлении, признают для своих сыновей, безусловно, необходимым.

Знание бухгалтерии не поможет джентльмену нажать состояние; однако нет, пожалуй, более полезного и действительного способа сохранить ему то состояние, которым он обладает, чем бухгалтерия. Редко приходится наблюдать, чтобы допустил свои дела до полного расстройств тот, кто ведет счет своим доходам и расходам и, таким образом, постоянно имеет перед своими глазами движение своих хозяйственных дел; и я не сомневаюсь, что многие впадают в долги, не замечая этого, или еще дальше расстраивают свои дела, однажды допустив это, только потому, что не заботятся о ведении этого учета или не умеют этого делать. Поэтому я бы рекомендовал всякому джентльмену изучить основательно бухгалтерию и не думать, что это искусство ему не нужно потому, что оно получило свое название от торговых людей и ими главным образом применяется.

§ 211. Коль скоро мой юный барчук научился вести счета (дело скорее соображения, чем арифметики), то будет нелишним, если отец будет впредь требовать от него ведения счета во всех его личных делах. Я не хочу сказать, что он должен записывать каждую пинту вина или игру, стоившие ему денег: для этих вещей вполне достаточна одна общая рубрика расходов. Я не желал бы также, чтобы отец слишком подробно рассматривал эти счета, с тем чтобы на их основании критиковать его расходы; он должен помнить, что он сам был когда-то молодым человеком, и не должен забывать, какие мысли ему были тогда свойственны и что его сын имеет сейчас право на такие же мысли и может требовать снисходительного отношения к ним. Поэтому, если я желал бы, чтобы молодого джентльмена обязали вести счета, то вовсе не с тою целью, чтобы таким путем вмешивались в его расходы (ибо отец должен предоставить ему полную свободу в распоряжении теми средствами, которые он ему выдает), но исключительно для того, чтобы с ранних лет приучить его и сделать для него легким и привычным то, что ему будет столь полезно и необходимо неуклонно практиковать в течение всей жизни. Один знатный венецианец, сын которого утопал в богатстве своего отца, найдя, что расходы последнего растут сверх всякой меры, приказал своему кассиру на будущее время не выдавать его сыну больше денег, чем тот в состоянии будет каждый раз при получении сосчитать. Можно было бы подумать, что это не очень большое стеснение для юного джентльмена в его расходах, раз он может свободно получать столько денег, сколько он в состоянии сосчитать. Однако для человека,

— ■ — ■ — ■ — ■ — ■ — ■ — ■ — ■ — ■ — ■ — ■ — ■ — ■ — ■ — ■ — ■ —

не привыкшего ни к чему другому, кроме погони за удовольствиями, это оказалось весьма серьезным затруднением, которое в конце концов привело его к следующему трезвому и полезному размышлению: если мне так трудно только сосчитать те деньги, которые мне предстоит истратить, то сколько же труда и усилий стоило моим предкам не только считать их, но и наживать. Эти разумные мысли, внушенные ему небольшим трудом, который был на него возложен, так сильно повлияли на его образ мыслей, что он совершенно переменялся и с того времени ведет себя как разумный хозяин. Во всяком случае, каждый должен признать, что ничто не может лучше удерживать человека в определенных границах, чем постоянный учет состояния своих дел путем регулярного ведения счетов. [...]

Жан-Жак Руссо

ЭМИЛЬ, ИЛИ О ВОСПИТАНИИ

Книга первая. Первый год жизни

Природа, общество, свет и их отношение к воспитанию

1. Все выходит хорошим из рук Мироздателя, все вырождается в руках человека. Он принуждает одну почву питать произведения другой, одно дерево – приносить плоды свойственные другому; он перемешивает и путает климаты, стихии, времена года; он уродует свою собаку, свою лошадь, своего раба; он все перевертывает, все искажает, любит безобразие, чудовищное; он ничего не хочет видеть таким, как создала природа, не исключая самого человека: и человека нужно выдрессировать для него, как маневную лошадь, нужно окорнать на его лад, как он окорнал дерево в своем саду.

2. Без этого все шло бы еще хуже, а наша порода не хочет получать отделку лишь наполовину. При порядке вещей, отныне сложившемся, человек, среди других предоставленный с самого рождения самому себе, был бы из всех самым уродливым. Предрассудки, авторитет, нужда, пример, все общественные учреждения, кругом нас охватившие, заглушали бы в нем природу и не давали бы ничего взамен ее. Она была бы подобна деревцу, которое случайно растет среди дороги и которое скоро губят прохожие, задевая его со всех сторон и изгибая во всех направлениях.

3. К тебе я обращаюсь, нежная и предусмотрительная мать, сумевшая уклониться от большой дороги и предохранить подрастающее деревцо от столкновения с людскими мнениями! Ухаживай, поливай молодое растение, пока оно не увяло, – плоды его будут некогда твоей усладой.

Строй с ранних пор ограду вокруг души твоего дитяти; окружность может наметить иной, но ты одна должна ставить решетку на ней.

4. Растениям дают определенный вид посредством культуры, а людям – посредством воспитания. Если бы человек родился рослым и сильным, его рост и сила были бы для него бесполезны до тех пор, пока он не научился бы пользоваться ими; они были бы вредны ему, так как устраняли бы для других повод пособлять ему, а предоставленный самому себе, он умер бы от нищеты прежде, чем узнали бы о его нуждах.

Жалуются на положение детства, а не видят, что человеческая раса погибла бы, если бы человек не начинал с того, что является ребенком.

5. Мы рождаемся слабыми, – нам нужна сила; мы рождаемся всего лишенными, – нам нужна помощь; мы рождаемся бессмысленными, – нам нужен рассудок. Все, чего мы не имеем при рождении и без чего мы не можем обойтись, ставши взрослыми, дано нам воспитанием.

6. Воспитание это дается нам или природою, или людьми, или вещами. Внутреннее развитие наших способностей и наших органов есть воспитание, получаемое от природы; обучение тому, как пользоваться этим развитием, есть воспитание со стороны людей, а приобретение нами собственного опыта относительно предметов, дающих нам восприятия, есть воспитание со стороны вещей.

7. Каждый из нас, значит, есть результат работы троякого рода учителей. Ученик, в котором эти различные уроки противоречат друг другу, дурно воспитан и никогда не будет в ладу с самим собою; в ком они все попадают в одни и те же пункты и стремятся к одним и тем же задачам, тот один идет к своей цели и живет правильно. Он один хорошо воспитан.

8. Меж тем из этих трех различных видов воспитания воспитание со стороны природы вовсе не зависит от нас; воспитание со стороны вещей зависит лишь в некоторых отношениях. Воспитание со стороны людей – вот единственное, в котором мы сами – господа; да и тут мы только самозванные господа, ибо кто может надеяться всецело управлять речами и действиями всех, кто окружает ребенка?

9. Коль скоро, таким образом, воспитание есть искусство, то почти невозможно, чтоб оно было успешным, потому что совпадение вещей, необходимое для его успешности, не зависит от человека. Все, что можно сделать с помощью забот, – это более или менее приблизиться к цели, но чтобы достигнуть ее, для этого нужно счастье.

10. Какова же эта цель? Это та самая, которую имеет природа, как только что доказало. Так как совпадение трех видов воспитания необходимо для его совершенства, то два другие следует направлять согласно с тем, на которое мы не имеем никакого влияния. Но, может быть, это слово «природа» имеет слишком неопределенный смысл; нужно попробовать здесь точнее установить его.

11. Природа, говорят нам, есть не что иное, как привычка. Но что это означает? Разве нет привычек, которые приобретаются только путем силы и которые никогда не заглушают природы? Такова, например, привычка растений, которым мешают расти прямо. Оставленное на свободе, растение сохраняет наклон, который его принудили принять, но соки не изменили из-за этого своего первоначального направления, и если растение не перестает расти, то продолжение его делается снова вертикальным. То же самое бывает и с наклонностями человека. Пока мы остаемся в одном и том же состоянии, мы можем сохранять те наклонности, которые являются результатом привычки, даже если они менее всего нам естественны; но лишь только положение изменяется, привычка исчезает и возвращается природное. Воспитание, несомненно, есть не что иное, как привычка. Между тем разве нет людей, которые забывают и утрачивают полученное воспитанием, и других, которые сохраняют все это? Откуда эта разница? Если название природы давать только привычкам, то можно было бы избавить себя от подобной галиматии.

12. Мы родимся чувственно-восприимчивыми и с самого рождения получаем различными способами впечатления от предметов, нас окружающих. Лишь только мы начинаем сознавать, так сказать, наши ощущения, у нас является расположение или искать вновь, или избегать предметов, производящих эти ощущения, – сначала смотря по тому, насколько приятны нам последние или неприятны, затем смотря по сходству или несходству, которое мы находим между нами и предметами, и наконец смотря по суждениям, которые мы о них составляем на основании идеи счастья или совершенства, порождаемой в нас разумом. Эти расположения расширяются и укрепляются по мере того, как мы становимся восприимчивее и просвещеннее: но под давлением наших привычек они более или менее изменяются в зависимости от наших мнений. До этого изменения они и суть то, что я называю в нас природою.

13. Итак, к этим первоначальным расположениям все и нужно было бы сводить, и это было бы возможно, если бы три наши вида воспитания были только различны; но что делать, когда они противоположны, когда, вместо того чтобы воспитывать человека для него самого, хотят воспитывать его для других? Тут согласие невозможно. Под давлением необходимости бороться или с природою, или с общественными учреждениями приходится выбирать одно из двух – создавать или человека, или гражданина, ибо нельзя создавать одновременно и того и другого. [...]

28. В общественном строе, где все места намечены, каждый должен быть воспитан для своего места. Если отдельный человек, сформированный для своего места, уходит с него, то он ни на что уже не годен. Воспитание

—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—

полезно лишь настолько, насколько судьба согласуется с званием родителей; во всяком другом случае оно вредно для воспитания уже по тем предрассудкам, которыми оно наделяет его. В Египте, где сын обязан принять звание своего отца, воспитание имело, по крайней мере, верную цель; но у нас, где только классы остаются, а люди в них беспрестанно перемещаются, никто, воспитывая сына для своего класса, не знает, не трудится ли он во вред ему.

29. В естественном строе, так как люди все равны, то общее звание их – быть человеком; а кто хорошо воспитан для этого звания, тот не может быть дурным исполнителем и в тех званиях, которые относятся сюда. Пусть предназначают моего воспитанника к тому, чтобы носить саблю, служить церкви, быть адвокатом, – мне все равно. Прежде звания родителей природа зовет его к человеческой жизни. Жить – вот ремесло, которому я хочу учить его. Выходя из моих рук, он не будет – соглашаюсь в этом – ни судьёй, ни солдатом, ни священником: он будет прежде всего человеком; всем, чем должен быть человек, он сумеет быть, в случае надобности, так же хорошо, как и всякий другой, и, как ни перемещала бы его с места на место судьба, он всегда будет на своем месте. «Овладел я тобою, Судьба, и тебя полонил; все входы твои преградил я, чтобы не могла ты добраться до меня».

30. Изучение человеческого состояния есть наша истинная наука. Кто умеет лучше всех выносить блага и бедствия этой жизни, тот из нас, по-моему, и воспитан лучше всех; отсюда следует, что истинное воспитание состоит не столько в правилах, сколько в упражнениях. Научаться мы начинаем, начиная жить; наше воспитание начинается вместе с нами; наш первый наставник – наша кормилица. И самое слово «воспитание» указывает на «питание». *Educit obstetrix*, говорит Варрон, *educat nutrix instituit paedagogus docet (magister)*. Таким образом, воспитание (в первоначальном смысле слова), наставление и образование суть три столь же различные по своей цели вещи, как мы различаем няньку, наставника и учителя. Но эти отличия дурно поняты; и, чтобы быть хорошо руководимым, ребенок должен следовать за одним всего руководителем.

31. Итак, следует обобщить наши взгляды и видеть в нашем воспитаннике отвлеченного человека – человека, подверженного всем случайностям человеческой жизни. Если бы люди родились привязанными к почве своей страны, если бы целый год продолжалось одно и то же время года, если бы каждый так крепко был связан со своим состоянием, что никогда не мог бы его переменить, то установившаяся практика была бы пригодна в некоторых отношениях; ребенок, воспитанный для своего положения, никогда не выходя из него, не мог бы и подвергаться случайностям другого положения. Но при виде изменчивости человеческих дел, при виде того беспокойного и подвижного духа нашего века, который с каждым поколением все перевертывает, можно ли

придумать что-нибудь безрассуднее этой методы – так воспитывать ребенка, как будто бы ему не предстоит никогда выходить из своей комнаты, как будто он должен быть беспрестанно окруженным своими «людьми»? Если несчастный ступит хоть шаг по земле, если спустится на одну хоть ступеньку, – он пропал. Это не значит учить его выносить бедствия: это значит развивать восприимчивость к ним.

32. Думаю только о том, как бы уберечь своего ребенка; это недостаточно: нужно научить, чтоб он умел сохранять себя, когда станет взрослым, выносить удары рока, презирать избыток и нищету, жить, если придется, во льдах Исландии или на раскаленном утесе Мальты. Каких бы вы ни предпринимали предосторожностей, чтоб он не умер, ему придется все-таки умереть, и если смерть его не была бы результатом ваших забот, последние все-таки были бы превратно направленными. Все дело не в том, чтобы помешать ему умереть, а в том, чтобы заставить его жить. А жить – это не значит дышать; это значит действовать, это значит пользоваться нашими органами, чувствами, способностями, всеми частями нашего существа, дающими нам сознание нашего бытия. Не тот человек больше всего жил, который может насчитать больше лет, а тот, кто больше всего чувствовал жизнь. Иного хоронят столетним старцем, а он умер с самого рождения. Ему выгоднее было бы сойти в могилу юношей, если б он прожил хоть до юности.

33. Вся наша мудрость состоит в рабских предрассудках; все наши обычаи – не что иное, как подчинение, стеснение, принуждение. Человек-гражданин рождается, живет и умирает в рабстве: при рождении его затягивают в свивальник, по смерти заколачивают в гроб; пока он сохраняет человеческий образ, он скован нашими учреждениями.

34. Говорят, что многие повивальные бабки выправляют голову новорожденных детей, воображая, что придают ей более соответствующую форму, – и это терпится! Наши головы, видите ли, дурно устроены Творцом нашего бытия: их приходится переделывать – извне повивальным бабкам, изнутри философам, караибы на половину счастливее нас.

35. Едва ребенок вышел из чрева матери, едва получил свободу двигать и расправлять свои члены, как на него налагают новые узы. Его спеленывают, укладывают с неподвижной головой, с вытянутыми ногами, с уложенными вдоль тела руками; он завернут во всякого рода пеленки и перевязки, которые не позволяют ему переменить положение. Счастье его, если он не стяннут до того, что нельзя дышать, и если догадались положить его на бок, чтобы мокроты, которые должны выходить ртом, могли стекать сами собою: иначе он не имел бы возможности повернуть голову набок, чтобы способствовать их стоку.

36. Новорожденный ребенок имеет потребность протягивать и двигать свои члены, чтобы вывести их из онемения, в котором они так долго оставались, будучи собранными в клубок. Их, правда, вытягивают, но зато мешают им двигаться; голову закутывают даже в чепчик: подумаешь, люди боятся, как бы ребенок не подал признака жизни.

37. Таким образом, импульс внутренних частей тела, стремящегося к росту, встречает непреодолимое препятствие для потребных ему движений. Дитя непрерывно делает бесполезные усилия, которые истощают его силы или замедляют их развитие. В сорочке он был менее сжат, менее стеснен, менее сдавлен, чем теперь в пеленках; я не вижу, что он выиграл своим рождением.

38. Бездействие, принужденное состояние, в котором держат члены ребенка, может только стеснять обращение крови, соков, мешает ребенку крепнуть, расти и уродует его телосложение. В местностях, где не принимают этих сумасбродных предосторожностей, люди все рослы, сильны, хорошо сложены. Страны, где закутывают детей в пеленки, кишат горбатыми, хромыми, косолапыми, кривоногими рахитиками, людьми, изуродованными на все лады. Из боязни, чтобы тело не обезобразилось от свободных движений, спешат обезобразить его укладыванием в тиски. Ребенка охотно сделали бы паралитиком, чтобы помешать ему стать уродливым.

39. Столь жестокое принуждение может ли не влиять на нрав, равно как и на темперамент детей? Их первое чувство – чувство боли и муки: все движения, в которых они чувствуют потребность, встречают одни только препятствия; будучи более несчастными, чем преступник в оковах, они делают тщетные усилия, раздражаются, кричат. Вы говорите, что первые звуки, ими издаваемые, – это плач? Охотно верю: вы досаждаете им с самого их рождения; первыми дарами, которые они встречают от вас, есть мучения. Если они ничего не имеют свободным, кроме голоса, как же не пользоваться им для жалоб? Они кричат от страдания, которое вы им причиняете; если бы вас так спутали, вы кричали бы громче их. [...]

62. Итак, если вы хотите, чтоб он сохранял свой оригинальный вид, берегите этот вид с той самой минуты, как ребенок является в мир. Лишь только он родится, завладевайте им и не покидайте его, пока он не станет взрослым; без этого вы никогда не добьетесь успеха. Как настоящая кормилица есть мать, так настоящий наставник есть отец. Пусть они условятся между собой в порядке исполнения своих обязанностей, равно как и в системе; пусть из рук одной ребенок переходит в руки другого. Рассудительный и ограниченный отец лучше его воспитает, чем самый искусный в мире учитель, ибо усердием лучше заменяется талант, чем талант усердием.

63. А дела, служба, обязанности... Ах, да! обязанности! Быть отцом – это, несомненно, последняя обязанность! Нечего удивляться, что мужчина, жена которого погнушалась кормить ребенка – плод их союза, гнушается воспитывать его. Нет картины более прелестной, чем картина семьи; но недостаток одной черты портит все остальные. Если у матери слишком мало здоровья, чтобы быть кормилицей, то у отца окажется слишком много дел, чтобы быть наставником. Дети, удаленные, разбросанные по пансионам, по монастырям и коллегам, перенесут в другое место любовь к родительскому дому или, лучше сказать, вынесут оттуда привычку ни к чему не быть привязанными. Братья и сестры едва будут знать друг друга. Когда потом они церемонно соберутся все вместе, они будут, может быть, весьма вежливы друг с другом, но обходиться они будут как чужие. Коль скоро нет уже интимности между родными, коль скоро общество семьи не составляет жизненной отрады, приходится прибегать к безнравственным наслаждениям взамен ее. Кто настолько глуп, что не видит связи во всем этом? [...]

67. Воспитатель! – какая возвышенная нужна тут душа... Поистине, чтобы создать человека, нужно самому быть или отцом, или больше, чем человеком. И такую-то должность вы спокойно вверяете наемникам! [...]

133. Воспитание человека, повторяю, начинается вместе с рождением его; прежде чем говорить, прежде чем слышать, он уже обучается. Опыт предшествует урокам; в момент, когда он узнает кормилицу, он уже многое приобрел. Мы были бы изумлены познаниями человека, даже самого грубого, если бы проследили прогресс его с момента, когда он родился, до того момента, которого он достиг. Если разделить все знания человеческие на две части и отнести к одной знания, общие всем людям, а к другой – свойственные ученым, то последняя часть оказалась бы самую незначительную по сравнению с первой. Мы почти не замечаем приобретений всеобщих, потому что мы делаем эти приобретения, вовсе не думая о них и даже не достигши еще разумного возраста, потому что знание можно подметить лишь путем различения, а величины общие, как в алгебраических уравнениях, не идут в счет.

134. Животные даже и те много приобретают. У них есть чувства, – нужно научиться пользоваться ими; у них есть потребности, – нужно научиться удовлетворять их, нужно научиться есть, ходить, летать. Четвероногие, которые с самого рождения могут держаться на ногах, ходить все-таки не умеют на первых порах: в их первых шагах видны лишь неуверенные попытки. Канарейки, вырвавшиеся из клеток, не умеют летать, потому что никогда не летали. Для существ одушевленных и чувствующих все служит предметом обучения. Если бы растения были

способны к прогрессивному движению, и они должны были бы иметь чувства и приобретать познания, в противном случае виды скоро погибли бы. [...]

136. Единственной привычке нужно дать возможность развиваться в ребенке: это – не усваивать никаких привычек. Пусть его не носят на одной руке чаще, чем на другой; пусть не приучают одну руку скорее протягивать или чаще пускать в дело, чем другую; пусть не приучают есть, спать, действовать в одни и те же часы; пусть он не боится ни ночью, ни днем одиночества. Подготовляйте исподволь царство свободы и умение пользоваться своими силами, предоставляя его телу привычки естественные, давая ему возможность быть всегда господином самого себя и во всем поступать по своей воле, как только будет иметь ее.

137. Когда ребенок начинает различать предметы, важно уметь делать выбор между предметами, которые ему показывают. Очень естественно, что все новые предметы интересуют человека. Он чувствует себя столь слабым, что боится всего, с чем не знаком; привычка же видеть новые предметы без особенного возбуждения уничтожает этот страх. Дети, воспитанные в домах, где соблюдается чистота, где не терпят пауков, боятся последних, и эта боязнь остается у иных часто и в зрелом возрасте. Но я не видывал, чтобы кто-либо из крестьян – мужчина, женщина или ребенок – боялся пауков.

138. Как же не начинать воспитание ребенка еще прежде, чем он станет говорить и понимать, если уж один выбор предметов, которые ему показывают, способен сделать его или робким, или мужественным? Я хочу, чтоб его приучали к виду новых предметов, к виду безобразных, отвратительных, причудливых животных, но не иначе, как постепенно, исподволь, пока он не освоится с ними и, видя, как другие берут их в руки, не станет наконец и сам брать их. Если в детстве без ужаса он глядел на жаб, змей, раков, то и, выросши, он без отвращения будет смотреть на какое угодно животное. Нет предметов ужасных для того, кто видит их каждый день. [...]

188. Ребенок, начинающий говорить, должен слышать только такие слова, которые может понять, и говорить только такие, которые может выговаривать членораздельно. Усилия, им употребляемые для этого, ведут к тому, что он повторяет один и тот же слог, – как бы для того, чтобы научиться более отчетливее произносить его. Если он начинает бормотать, не мучьтесь так сильно над угадыванием того, что он говорит. Претензия на то, чтобы всегда быть выслушиваемым, есть тоже род власти, а ребенок не должен пользоваться никакою властью. Пусть довольно будет и того, что вы очень внимательно печетесь о необходимом; а это уж его дело, если он старается дать вам понять, что ему не очень необходимо. Тем более не следует ребенка торопить, чтоб он говорил, – он сам хорошо научится говорить по мере того, как будет чувствовать полезность этого.

189. Замечают, правда, что дети, начинающие говорить слишком поздно, никогда не говорят так отчетливо, как прочие; но их орган не потому остается неуклюжим, что они поздно заговорили, – напротив, они потому и начинают говорить поздно, что родились с неуклюжим органом; а иначе почему же они стали бы говорить позже других? Разве их меньше побуждают к этому? Напротив, беспокойство, причиняемое этим замедлением с той минуты, как его заметят, ведет к тому, что их гораздо настойчивее заставляют лепетать, нежели тех, которые заговорили с ранних пор; и эта бестолковая поспешность может много содействовать невнятности их выговора, тогда как при меньшей стремительности они имели бы время более его усовершенствовать.

190. Детям, которых слишком торопят говорить, нет времени ни научиться хорошему произношению, ни хорошо постичь то, что заставляют их говорить, тогда как, если им предоставляют идти самостоятельно, они сначала упражняются над такими слогами, которые легче всего произносить, и, мало-помалу придавая им то или иное значение, которое можно понять по их жестам, представляют вам свои собственные слова, прежде чем заимствовать ваши. Вследствие этого они заимствуют слова не иначе, как хорошо понявши их. Так как их не торопят пользоваться словами, то они прежде всего внимательно наблюдают, какой вы придаете им смысл, и когда уверятся, то заимствуют их.

191. Самое большое зло, проистекающее от той стремительности, с которою учат говорить прежде времени детей, заключается не в том, что первые речи, которые держат к ним, и первые слова, произносимые ими, не имеют для них никакого смысла, но в том, что эти речи и слова имеют у них иной смысл, не тот, какой мы придаем, а мы не умеем этого и подметить; таким образом, давая нам, по-видимому, точные ответы, они говорят, не понимая нас и оставаясь непонятыми с нашей стороны. Подобными недоразумениями объясняется обыкновенно и то изумление, в которое повергают иногда нас детские речи, когда мы приписываем им такие идеи, которых сами дети не соединяли с ними. Это невнимание с нашей стороны к настоящему смыслу, какой придают дети словам, кажется мне причиной первых их заблуждений, а заблуждения эти, даже если будут исправлены, оказывают влияние на склад их ума в остальную часть жизни. Я буду не раз иметь впоследствии случай разъяснить это примерами.

192. Итак, ограничивайте, как можно больше, словарь ребенка. Это очень большое неудобство, если у него больше слов, чем идей, и если он умеет наговорить больше, чем может обдумать. Одною из причин, почему ум крестьян вообще более точен, чем ум городских жителей, я считаю то обстоятельство, что словарь их не так обширен. У них мало идей, но они отлично их сопоставляют. [...]

Книга вторая. Детский возраст

Рост силы. Естественная зависимость ребенка от окружающего; воспитание, задерживающее естественные потребности. Понятие о собственности. Упрямство и ложь. Неуместность книжного обучения в первом возрасте. Телесное воспитание. Правильное развитие чувств. Возраст от 2 до 12 лет.

[...] 11. Люди, будьте человечны! Это ваш первый долг. Будьте такими по отношению ко всякому состоянию, всякому возрасту, во всем, что только не чуждо человеку! Разве есть какая-нибудь мудрость для вас вне человечности? Любите детство, будьте внимательны к его играм и забавам, к его милому инстинкту! Кто из вас не жалел подчас о том возрасте, когда улыбка не сходит с уст, когда душа наслаждается постоянно миром? Зачем хотите вы отнять у этих невинных малюток возможность пользоваться временем, столь кратким и столь быстро от них утекающим, этим драгоценным благом, злоупотреблять которым они еще не умеют? Для чего вы хотите наполнить горестью и страданиями первые годы, которые мчатся так быстро и не возвратятся уже для них, как не могут возвратиться и для вас? Отцы! разве вы знаете момент, когда смерть ожидает ваших детей? Не готовьте сожалений, отнимая у них тот небольшой запас минут, который дает им природа: как скоро они в состоянии чувствовать удовольствие существования, дайте им возможность наслаждаться жизнью; позаботьтесь, чтобы они не умерли, не вкусивши жизни, в какой бы час Бог их не призвал!

12. Сколько голосов готовы подняться против меня! Я издали слышу вопли той ложной мудрости, которая беспрестанно отвлекает нас от самих себя, настоящее считает всегда за ничто, неутомимо преследуя будущее, которое убегает по мере приближения к нему, – той мудрости, которая, перенося нас туда, где нас нет, переносит таким образом и туда, где мы никогда не будем.

13. В это-то время, говорите вы, и нужно исправлять дурные склонности человека; в детском именно возрасте, когда скорби менее всего чувствительны, и нужно умножать их, чтобы предохранить от них разумный возраст. Но кто вам сказал, что все это распределение в ваших руках и что все те прекрасные наставления, которыми вы отягощаете слабый ум ребенка, не будут для него со временем скорее губительны, чем полезны? Кто вас уверил, что вы что-нибудь выгадываете теми печальями, которыми вы так щедро его наделяете? Зачем вы ему уделяете больше бедствий, чем их связано с его состоянием, не будучи уверенными, что эти настоящие бедствия послужат облегчением для будущего? И как вы докажете, что дурные склонности, которые вы претендуете искоренить, не порождены

—■—

в нем гораздо скорее вашими дурно направленными заботами, чем природою? Жалкая предусмотрительность – делать человека несчастным теперь, в надежде – будь она верна или нет – сделать его счастливым потом! Но если эти грубые резонеры своеволие смешивают со свободой, счастливого ребенка с избалованным, то научим их различать эти вещи.

14. Чтобы не гнаться за химерами, не будем забывать того, что прилично нашему положению. У человека свое место в общем порядке вселенной, у детства тоже свое в общем порядке человеческой жизни: в человеке нужно рассматривать человека, в ребенке – ребенка. Указать каждому свое место и укрепить его на нем, упорядочить человеческие страсти сообразно с организацией человека – вот все, что мы можем сделать для его благосостояния. Остальное зависит от посторонних причин, которые не в нашей власти. [...]

36. Держите ребенка в одной зависимости от вещей, и вы будете следовать порядку природы в постепенном ходе его воспитания. Противопоставляйте его неразумной воле одни только физические препятствия или такие наказания, которые вытекают из самых действий и которые он при случае припоминает: нет нужды запрещать дурной поступок, достаточно помешать совершению его. Опыт или бессилие должны одни заменять для него закон. Соглашайтесь исполнить его желания не потому, что он этого требует, а потому, что это ему нужно. Когда он действует, пусть не знает, что это послушание; когда за него действуют другие, пусть не знает, что это власть. Пусть он одинаково чувствует свободу как в своих действиях, так и в ваших. Вознаграждайте в нем недостаток силы ровно настолько, насколько это нужно ему, чтобы быть свободным, а не властным; пусть он, принимая ваши услуги с некоторого рода смирением, мечтает о том моменте, когда сумеет обойтись без них и когда будет иметь честь сам служить себе.

37. Для укрепления тела и содействия его росту природа имеет свои средства, которым никогда не следует противодействовать. Не нужно принуждать ребенка оставаться на месте, когда ему хочется ходить, или заставлять ходить, когда ему хочется остаться на месте. Если свобода детей не искажена по нашей вине, они не захотят ничего бесполезного. Пусть они прыгают, бегают, кричат, когда им хочется. Все эти движения вызваны потребностями их организма, который стремится окрепнуть; но нужно недоверчиво относиться к тем желаниям, которых они не могут выполнить сами, так что исполнять их придется другим. В этом случае нужно заботливо отличать потребность истинную, естественную от зарождающейся прихоти или от той потребности, которая происходит вследствие указанного мною избытка жизни. [...]

51. Рассуждать с детьми было основным правилом Локка, оно в большой моде и теперь; однако успех его, мне кажется, вовсе не доказывает, что его и действительно нужно пускать в ход: что касается меня, то я не видал ничего глупее детей, с которыми много рассуждали. Из всех способностей человека разум, который представляет собою, так сказать, объединение всех других, развивается труднее всего и позже всего, а им-то и хотят воспользоваться для развития первых способностей! Верх искусства при хорошем воспитании – сделать человека разумным, тут претендуют воспитывать ребенка с помощью разума! Это значит начинать с конца, из работы делать инструмент, нужный для этой работы. Если бы дети слушались голоса разума, они не нуждались бы в воспитании; но, говоря с ними с самого малого возраста языком, которого они не понимают, мы приучаем их отделяться словами, проверять все, что им говорят, считать себя такими же умными, как и наставники, быть спорщиками и упрямыми; а чего думаем достигнуть от них мотивами, основанными на разуме, все это получается исключительно в силу алчности, страха, тщеславия, к которым мы вынуждены всегда прибегать вдобавок к первым мотивам.

52. Вот формула, к которой можно свести почти все уроки нравственности, какие дают и какие можно давать детям:

Учитель. Этого не должно делать.

Ребенок. А почему же не должно делать?

Учитель. Потому что это дурной поступок.

Ребенок. Дурной поступок! А что такое дурной поступок?

Учитель. Дурно поступать – значит делать то, что тебе запрещают.

Ребенок. Что же будет дурного, если я сделаю, что запрещают?

Учитель. Тебя накажут за непослушание.

Ребенок. А я так сделаю, что об этом ничего и не узнают.

Учитель. За тобой станут следить.

Ребенок. А я спрячусь.

Учитель. Тебя будут расспрашивать.

Ребенок. А я солгу.

Учитель. Лгать не должно.

Ребенок. Почему же не должно лгать?

Учитель. Потому что это дурной поступок и т. д.

Вот неизбежный круг. Выйдите из него, и ребенок перестанет вас понимать. Не правда ли, как полезны эти наставления? Мне очень интересно было бы знать, какими рассуждениями можно заменить этот диалог. Сам Локк был бы, наверное, в большом затруднении. Распознавать благо и зло, иметь сознание долга – это не дело ребенка.

53. Природа хочет, чтобы дети были детьми, прежде чем быть взрослыми. Если мы хотим нарушить этот порядок, мы произведем скороспелые плоды, которые не будут иметь ни зрелости, ни вкуса и не замедлят испортиться: у нас получатся юные доктора и старые дети. У детства свои собственные взгляды, свой собственный образ мыслей и чувств, и нет ничего безрассуднее, как желать заменить его нашим; требовать от ребенка в десять лет рассуждения все равно, что требовать от него пяти футов роста. И действительно, к чему послужил бы ему разум в этом возрасте? Он служит уздой силы, а ребенок не нуждается в этой узде.

54. Стараясь убедить ваших воспитанников, что повиновение есть долг, вы присоединяете к этому мнимому убеждению насилие и угрозы или, что еще хуже, лесть и обещания. Таким образом, прельщенные выгодой или принужденные силой, они делают вид, что повиновение выгодно им, а сопротивление вредно, лишь только вы замечаете то или другое. Но так как вы требуете от них все таких вещей, которые им неприятны, и так как всегда тяжело исполнять чужую волю, то они тайком делают по-своему в убеждении, что поступают хорошо, если никто не знает об их ослушании, но с готовностью сознаться, что поступили дурно, когда их уличат, – из опасения еще большего зла. Так как в их возрасте невысказанное сознание долга, то нет в мире человека, которому удалось бы действительно внушить им это сознание; но страх наказания, надежда на прощение, приставанье, неуменье найтись при ответе вытягивают из них все требуемые признания, а мы думаем, что убедили их, тогда как мы только надоели им или запугали их. [...]

58. Странно, что с тех пор, как берутся воспитывать детей, не придумали еще другого способа руководить ими, кроме соревнования, зависти, ненависти, тщеславия, жадности, низкого страха, всех страстей, наиболее опасных, наиболее способных волновать и портить душу, даже прежде чем сформируется тело. При всяком преждевременном наставлении, которое вбивают им в голову, в глубине их сердца насаждают порок; безрассудные воспитатели думают сделать чудо, делая их злыми с целью научить, что такое доброта, а потом важно говорят нам: таков уж человек. Да, таков человек, которого вы сделали.

59. Испробованы все орудия, кроме одного, единственного, которое может вести к успеху, кроме хорошо направленной свободы. Не нужно и братья за воспитание ребенка, когда не умеешь вести его, куда хочешь, с помощью одних законов возможного и невозможного. Так как сфера того и другого одинаково неизвестна, то ее можно, по желанию, расширять или суживать вокруг него. С помощью одной узды – необходимости – его можно связывать, двигать вперед, задерживать, не возбуждая при этом

в нем ропота; с помощью одной силы вещей можно делать его гибким и послушным, не давая возможности ни одному пороку зародиться в нем, ибо страсти никогда не раздражаются, пока они не способны произвести никакого действия.

60. Не давайте вашему ученику никаких словесных уроков, он должен получать их лишь из опыта; не налагайте на него никаких наказаний, ибо он не знает, что такое быть виноватым; никогда не заставляйте его просить прощения, ибо он не сумел бы вас оскорбить. Лишенный нравственного мотива в своих поступках, он не может сделать ничего такого, что было бы нравственно злым и заслуживало бы наказания или выговора. [...]

92. Неугомонный ребенок ваш портит все, до чего ни дотронется. Вы не должны сердиться: удалите только с глаз долой все, что он может испортить. Он ломает свою мебель, – не торопитесь заменить ее новой: дайте ему почувствовать вред лишения. Он бьет окна в своей комнате: пусть на него ночь и день дует ветер, – не бойтесь, что он получит насморк, лучше ему быть с насморком, чем безумным. Никогда не жалуйтесь на неудобства, которые он вам причиняет, но постарайтесь, чтоб он первый почувствовал их. Наконец вы велите вставить новые стекла, все-таки не говоря ему ни слова. Он снова разбивает. Теперь перемените методу: скажите ему сухо, но без гнева: «Окна принадлежат мне, они устроены на мой счет; я хочу, чтоб они были целы». Затем запираете его в темноту, в комнату без окна. При этом столь необычном вашем поступке он начинает кричать, бушевать: никто его не слушает. Скоро он утомляется и переменяет тон: он жалуется и рыдает. Является слуга; упрямец просит его выпустить. Слуге нечего и искать предлога к отказу, – он просто отвечает: «У меня тоже есть окна, я тоже хочу, чтоб они были целы» – и уходит. Наконец, когда ребенок пробудет там несколько часов, настолько долго, чтобы заскучать и потом помнить об этом, кто-нибудь внушает ему мысль предложить вам соглашение, чтобы вы возвратили ему свободу, если он обяжется не бить стекол. Он просит позвать вас к нему; вы приходите; он делает свое предложение, вы тотчас принимаете его, говоря: «Вот отлично придумано! Мы оба выиграем. И как это раньше ты не додумался до этой прекрасной мысли». Затем, не требуя ни уверений, ни подтверждения своего обещания, вы радостно обнимаете его и тотчас же уводите в его комнату, считая это соглашение столь же священным и ненарушимым, как если бы оно было скреплено клятвой. Какое, вы думаете, понятие вынесет он из всего этого случая о верности взаимных обязательств и пользе их? Я жестоко обманулся бы, если бы нашелся в свете хоть один ребенок, еще не испорченный, на которого не подействовал бы этот образ действий и который захотел бы

после этого нарочно бить окна. Проследите цепь, связывающую все это. Копая ямку, чтобы посадить свой боб, маленький шалун и не думает, что он копает яму, куда скоро засадит его жизненный опыт...

147. Устраняя таким образом все обязанности детей, я устраняю и орудия, причиняющие им наибольшее горе, – именно книги. Чтение – бич детства и почти единственное занятие, которое умеют дать им. Эмиль в двенадцать лет едва ли будет знать, что такое книга. Нужно же, по крайней мере, скажут мне, чтоб он умел читать. Согласен: нужно, чтобы он умел читать, когда чтение ему полезно; до этой поры оно годится лишь на то, чтобы надоедать. [...]

149. Немало хлопочут найти лучшие методы для обучения чтению, придумывают конторки, карточки; комнату ребенка превращают в мастерскую типографии. Локк хочет, чтобы ребенок учился читать по игральным костям. Не правда ли, какое прекрасное изобретение? Как жаль! Средство более верное, чем все это, – средство, о котором всегда забывают, – это желание учиться. Внушите ребенку это желание и затем оставьте в покое ваши конторки и игральные кости, – всякая метода будет хороша для него.

150. Непосредственный интерес – вот великий двигатель, единственный, который ведет верно и далеко. Эмиль получает иной раз от отца, родных или друзей записки с приглашением на обед, прогулку, катанье на лодке, с приглашением посмотреть какой-нибудь общественный праздник. Записки эти коротки, ясны, отчетливо и хорошо написаны. Нужно найти кого-нибудь, кто бы прочел их; такого человека не всегда найдешь в данное время или он мало склонен к услуге за вчерашнюю неуслужливость ребенка. Таким образом, случай, момент проходит. Наконец ему читают записку, но уже поздно. Ах, если бы он сам умел читать! Получают еще записки: они так коротки! содержание так интересует! Хотелось бы попробовать разобрать их; другие то помогают, то отказывают. Ребенок напрягает силы, наконец разбирает половину записки: дело идет о том, что завтра предстоит есть крем... Но где и с кем? Сколько тратится усилий, чтобы прочитать и остальное! Я не думаю, чтоб Эмилю понадобилась конторка. Стоило ли говорить теперь о письме? Нет, мне стыдно пробавляться такими пустяками в трактате о воспитании.

151. Прибавлю только одно замечание, которое является важным правилом: чего не торопятся добиться, того добиваются обыкновенно наверняка и очень быстро. Я почти уверен, что Эмиль до десятилетнего возраста отлично научился читать и писать именно потому, что для меня совершенно все равно, научится он этому до пятнадцати лет или нет; но я лучше хотел бы, чтоб он никогда не умел читать, лишь бы не покупать этого умения ценою всего того, благодаря чему самое умение становится

полезным; к чему послужит ребенку чтение, если у него навсегда отобьют охоту к нему? Прежде всего нужно будет заботиться о том, чтобы он не возненавидел занятий, которых не может еще любить, и чтобы горечь, раз испытанная, не пугала его и впоследствии, когда пройдут годы невежества. [...]

163. При самом тщательном воспитании учитель приказывает и воображает, что управляет; в действительности же управляет ребенок. Он с помощью того, что вы требуете от него, добивается от вас только, что ему нравится, и всегда умеет заставить вас за час усердия заплатить ему неделей снисходительности. Каждую минуту приходится с ним договариваться. Договоры эти, которые вы предлагаете на свой манер, а он выполняет на свой, всегда обращаются в пользу его прихотей, особенно если вы имели неосторожность, на его счастье, поставить в условиях такую вещь, которой он вполне надеется добиться и помимо условий, налагаемых на него. Ребенок обыкновенно гораздо лучше читает в уме учителя, чем учитель в сердце ребенка. Да это так и должно быть; ибо всю смысленность, которую ребенок, предоставленный самому себе, употребил бы на заботы о своем самосохранении, он употребляет на то, чтобы спасти свою природную свободу от цепей своего тирана, тогда как последний, не имея никакой настоящей нужды разгадывать ребенка, находит иной раз для себя выгодным дать волю его лености или тщеславию.

164. Изберите с вашим воспитанником путь противоположный; пусть он думает, что он господин, а на деле вы всегда будьте господином. Нет подчинения столь совершенного, как то, которое сохраняет наружный вид свободы; таким путем поработают самую волю. Разве бедный ребенок, который ничего не знает, ничего не может сделать, ни с чем не знаком, не в вашей власти? Разве вы не располагаете по отношению к нему всем окружающим? Разве вы не властны производить на него какое вам угодно влияние? Разве его занятия, игры, удовольствия, горести не в ваших руках, даже без его ведома? Конечно, он должен делать только то, что хочет; но он должен хотеть только того, чего вы от него хотите; он не должен делать ни одного непредусмотренного вами шага, он не должен открывать рта, если вы не знаете, что он скажет.

165. Тогда только он может предаваться телесным упражнениям, потребным для его возраста, и не притуплять при этом ума; тогда только, вместо того чтобы изощрять всю хитрость в увертках от несносной для него власти, он будет занят единственно тем, чтоб извлекать из всего окружающего как можно больше пользы для своего настоящего благополучия; тогда именно вы будете изумлены тонкостью его изобретательности для присвоения себе всего, чего он может добиться, и для истинного пользования жизнью независимо от условных понятий.

166. Оставляя его таким образом господином своей воли, вы не станете вызывать его на капризы. Не чувствуя, что он поступает так, как следует, он скоро будет делать только то, что должен делать: и хотя бы тело его находилось в постоянном движении, вы увидите, что и все силы разума, ему доступные, пока дело будет касаться настоящей и видимой выгоды, будут развиваться гораздо лучше и гораздо целесообразнее, чем при занятиях чисто умозрительных.

167. Таким образом, не видя в вас стремления противоречить ему, не питая к вам недоверия, не имея ничего такого, что нужно скрывать от вас, он не станет вас и обманывать, не станет лгать вам; он явится таким, каким бывает, когда не чувствует страха; вам можно будет изучать его на полной свободе, и, какие бы вы ни хотели дать ему уроки, вы можете обставить их так, чтоб он никогда не догадывался, что получает уроки. [...]

215. Ребенок меньше взрослого и не имеет ни силы его, ни разума, но видит и слышит он так же хорошо, как взрослый, или почти так же; вкус у него так же чувствителен, хотя и менее тонок; он так же хорошо различает запахи, хотя и не проявляет такой же чувственности. Из всех способностей первыми формируются и совершенствуются в нас чувства. Их, значит, следует прежде всего развивать, а между тем их только и забывают, ими-то и пренебрегают больше всего. [...]

Книга третья. Отроческий период жизни

Остаток физических сил при незначительности потребностей. Употребление сил для накопления знаний и опыта, нужных в последующей жизни. Знание окружающего внешнего мира: Робинзон. Знание окружающих людей: общество. Ремесло. Переход от чувственного познания к суждению. 12–15-й годы жизни.

[...] 11. Один и тот же инстинкт одушевляет различные способности человека. За деятельностью тела, стремящегося к развитию, следует деятельность ума, который ищет образования. Сначала дети только подвижны, затем они становятся любопытными; и это любопытство, хорошо направленное, есть двигатель возраста, до которого мы дошли теперь. Станем различать всегда наклонности, порождаемые природой, от тех, которые порождаются людским мнением. Есть жажда знаний, которая основана лишь на желании слыть за ученого: есть и другая, которая рождается от естественного для человека любопытства по отношению ко всему, что может его интересовать – вблизи или издали. Врожденное стремление к благосостоянию и невозможность вполне удовлетворить это стремление заставляют человека беспрестанно изыскивать новые средства для содействия ему. Такова первая основа

любознания; это естественное для человеческого сердца влечение, но развитие его совершается лишь пропорционально нашим страстям и нашим познаниям. Представьте себе философа, сосланного на необитаемый остров с своими инструментами и книгами и уверенного, что он проведет одиноко остаток своих дней: он не станет уже хлопотать о системе мира, о законах притяжения, о дифференциальном исчислении; он не откроет, быть может, во всю жизнь ни одной книги; но он ни в каком случае не преминет обойти до последнего уголка свой остров, как бы ни был он велик. Выкинем же из наших первых занятий и те познания, стремление к которым не оказывается естественным для человека, и ограничимся теми, к которым влечет нас инстинкт. [...]

14. Преобразуем ощущения свои в идеи, но не будем сразу перескакивать от предметов чувственно-воспринимаемых к предметам умственным; с помощью первых мы и должны дойти до вторых. При первоначальной работе ума чувства пусть будут всегда нашими руководителями: не нужно иной книги, кроме мира; не нужно иного наставления, кроме фактов. Читающий ребенок не думает, он только и делает, что читает; он не учится, а учит слова.

15. Сделайте вашего ребенка внимательным к явлениям природы, и вы его скоро сделаете любознательным; чтобы поддерживать в нем любознательность, не торопитесь никогда удовлетворять ее. Ставьте доступные его пониманию вопросы и предоставьте ему решить их. Пусть он узнает не потому, что вы ему сказали, а потому, что сам понял; пусть он не выучивает науку, а выдумывает ее. Если когда-нибудь вы замените в его уме рассуждение авторитетом, он не будет уже рассуждать; он станет лишь игрушкой чужого мнения.

16. Вы хотите обучать этого ребенка географии и отправляетесь за глобусами, земными и небесными, за картами; сколько инструментов! К чему все эти представления? Почему не показываете ему прежде всего самый предмет, чтоб он, по крайней мере, знал, о чем вы ему говорите?

17. В один прекрасный вечер мы отправляемся гулять в подходящую местность, где горизонт совершенно открыт и позволяет в полном блеске видеть заход солнца; мы подмечаем предметы, по которым можно признать место заката. На другой день, чтобы подышать свежестью утра, мы снова идем в то же место до восхода солнца. Пустив по небу огненные полосы, оно еще издали дает знать о своем приближении. Пожар увеличивается, восток весь как бы в пламени; блеск его возбуждает в нас ожидание светила еще задолго до его появления: ежеминутно ждешь, что оно вот-вот явится; наконец мы его видим. Блестящая точка сверкнула, как молния, и тотчас наполнила все пространство; покров мрака рассеивается и падает. Человек узнает свое обиталище и находит его разукрашенным.

— ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — — ■ — —

Зелень в течение ночи получила новую яркость колорита; при освещении зарождающегося дня, при первых лучах, которые золотят ее, она является нам покрытою блестящею сетью росы, отражающей в себе свет и цвета. Птицы собираются хором и единогласно приветствуют Отца жизни; ни одна не безмолвствует в этот момент; их щебетанье, пока еще слабое, кажется более томным и нежным, чем в остальное время дня, в нем чувствуется вялость мирного пробуждения. Стечение всех этих предметов дает чувствам впечатление свежести, которое как бы проникает в самую душу. Это полчаса восторга, пред которым ни один человек не может устоять: зрелище, столь великое, столь прекрасное и восхитительное, никого не оставляет равнодушным. [...]

65. Как скоро мы добились того, что воспитанник наш усвоил идею, соединенную со словом «полезный», мы имеем новое важное средство для управления им; слово это сильно поражает его, потому что он понимает его только в применении к своему возрасту и ясно видит, что здесь дело касается его настоящего благосостояния. На ваших детей это слово не действует, потому что вы не позаботились дать им понятие о пользе, доступное их уму, и потому что, раз другие обязаны всегда доставлять им то, что полезно для них, они сами не имеют уже нужды помышлять об этом и не знают, что такое польза. [...]

69. Прежде всего, вы должны хорошо помнить, что лишь в редких случаях вашею задачей будет указывать, что он должен изучать: это его дело – желать, искать, находить; ваше дело – сделать учение доступным для него, искусно зародить в нем это желание и дать ему средства удовлетворить его. Отсюда следует, что вопросы ваши должны быть не многочисленными, но строго выбранными; а так как ему приходится чаще обращаться к вам с вопросами, чем вам к нему, то вы всегда будете более обеспечены и чаще будете иметь возможность сказать ему: «А на что тебе нужно то, о чем ты спрашиваешь меня?»

70. Далее, так как важно не то, чтоб он учился тому или иному, а то, чтоб он понимал, чему учиться и на что это ему нужно, то, как скоро вы не можете дать пригодного для него разъяснения по поводу сказанного вами, не давайте лучше никакого. Скажите ему без зазрения совести: «Я не могу дать тебе удовлетворительного ответа, я ошибся, – оставим это». Если наставление ваше было действительно неуместным, то не беда отказаться от него совсем; если же нет, то при небольшом старании вы скоро найдете случай сделать заметную для ребенка полезность этого наставления. [...]

137. Человек и гражданин, кто бы он ни был, не может предложить обществу иного имущества, кроме самого себя; все остальное его имущество уже принадлежит обществу, помимо воли его; и когда человек

богат, то или он не пользуется богатством, или вместе с ним пользуется и публика. В первом случае он крадет у других то, чего лишает себя самого, а во втором случае ничем не жертвует обществу. Таким образом, общественный долг целиком остается на нем, пока не выплачивает его только своим добром. – «Но мой отец, наживая его, служит обществу»... – Пусть так: он уплатил свой долг, но не ваш. Вы больше должны другим, чем в том случае, если бы вы родились без состояния, потому что вы родились в благоприятных условиях. Несправедливо было бы, если бы сделанное для общества одним человеком освобождало другого от его собственного долга; ибо каждый, будучи обязан всецело жертвовать собою, может платить лишь за себя самого, и ни один отец не может передать своему сыну право быть бесполезным для своих ближних; а между тем он это именно и делает, когда передает ему, как вы предлагаете, свои богатства, которые служат доказательством труда и наградой за него. Кто в праздности проедает то, чего сам не заработал, тот ворует это последнее, и раньше, которому государство платит за то, что он ничего не делает, в моих глазах почти не отличается от разбойника, живущего на счет прохожих. Вне общества человек изолированный, никому ничем не обязанный, имеет право жить, как ему угодно; но в обществе, где он живет по необходимости на счет других, он обязан уплатить трудом цену своего содержания; это правило без исключений. Труд, значит, есть неизбежная обязанность для человека, живущего в обществе. Всякий праздный гражданин – богатый или бедный, сильный или слабый – есть плут.

138. А из всех занятий, которые могут доставить человеку средство к существованию, ручной труд больше всего приближает его к естественному состоянию; из всех званий самое независимое от судьбы и людей – это звание ремесленника. Ремесленник зависит только от своего труда; он свободен, – настолько же свободен, насколько земледелец есть раб, ибо последний зависит от своего поля, сборами с которого может овладеть другой. Неприятель, государь, сильный сосед, проигранная тяжба могут лишить его этого поля; с помощью этого поля можно притеснять на тысячу манеров; но как только захотят притеснить ремесленника, он сейчас же готов в путь-дорогу: руки – при нем, и он уходит. Несмотря на то, земледелие есть первое ремесло человека: оно самое честное, самое полезное и, следовательно, самое благородное из всех, какими только может он заниматься. Я не твержу Эмилю: «учись земледелию», – он уже знаком с ним. Все полевые работы ему хорошо известны: с них именно он и начал, к ним же постоянно и возвращается. Итак, я говорю ему: «Возделывай наследие отцов твоих». Но если ты потеряешь это наследие или если у тебя нет его, тогда что делать? Учись ремеслу.

139. «Ремесло – моему сыну! сын мой – ремесленник! Сударь, подумали ли вы об этом»?.. Я думал больше вас, сударыня, – вы хотите довести его до того, чтобы он мог быть не чем иным, как лордом, маркизом, князем, а со временем, быть может, меньше, чем нулем; что же касается меня, я хочу наделить его рангом, которого он не может потерять, – рангом, который делал бы честь ему во все времена, – я хочу возвысить его до звания человека, и, что бы там вы ни говорили, у него в этом случае будет меньше равных по титулу, чем при тех титулах, которыми вы его наделите.

140. Буква убивает, дух оживляет. Дело не столько в том, чтобы научить ремеслу ради самого знания ремесла, сколько в том, чтобы победить предрассудки, выражающиеся в презрении к нему. Вам никогда не придется зарабатывать свое пропитание. Ну, что ж? – тем хуже, тем хуже для вас! Но все равно: работайте не по необходимости, – работайте ради славы. Снизойдите до звания ремесленника, чтобы стать выше вашего звания. Чтобы подчинить себе судьбу и вещи, начните с того, чтобы стать независимым от них. Чтобы царствовать путем мнения, воцаритесь сначала над этим мнением.

141. Помните, что не таланта я требую от вас, а ремесла – настоящего ремесла, искусства чисто механического, при котором руки работают больше головы, которое не ведет к богатству, но дает возможность обойтись без него. Я видел, как в домах, обитатели которых были далеки от всяких забот о насущном хлебе, отцы простирали свою предусмотрительность до того, что заботились не только дать детям образование, но и снабдить их такими познаниями, с помощью которых они могли бы при случае добыть себе средства к жизни. Эти дальновидные отцы воображают, что делают нечто важное; но этим не сделано ничего, потому что ресурсы, которыми они думают снабдить своих детей, зависят от той самой судьбы, выше которой они хотят их поставить. Таким образом, при всех своих прекрасных талантах, если обладатель их не встречает обстоятельств, благоприятных для того, чтобы пустить их в дело, он погибнет от нищеты, как и в том случае, если бы не имел ни одного из них...

145. Я решительно хочу, чтоб Эмиль обучался ремеслу. «Честному, по крайней мере, ремеслу!» – скажете вы. Что значит это слово? Разве не всякое ремесло, полезное для общества, честно? Я не хочу, чтобы он был золотошвеем, или позолотчиком, или лакировщиком, как дворянин у Локка; я не хочу, чтоб он был музыкантом, комедиантом, сочинителем книг. За исключением этих и других, им подобных профессий, пусть он выбирает, какое хочет, – я не намерен ни в чем стеснять его. Я предпочитаю, чтоб он был башмачником, а не поэтом, чтоб он мостил

большие дороги, а не делал из фарфора цветы. Но, скажете вы, полицейские стражи, шпионы, палачи тоже полезные люди. От правительства зависит устроить; чтоб они были полезными. Но оставим это... я был не прав: недостаточно выбрать полезное ремесло, — нужно еще, чтоб оно не требовало от людей, им занимающихся, гнусных и несовместимых с человечностью свойств души. Итак, вернемся к первому слову — возьмемся за ремесло полезное, но будем всегда помнить, что где честность, там и полезность. [...]

148. Наглядно ознакомляя ребенка с произведениями природы и искусства, возбуждая его любознательность и следуя за ним, куда она его влечет, мы имеем возможность изучить его вкусы, склонности, стремления и подметить первый проблеск его дарования, если у него действительно есть дарование. Но общее заблуждение, от которого нужно и вас предостеречь, заключается в том, что действие случая приписывают силе таланта и за определившуюся склонность к тому или иному искусству принимают дух подражания, общий человеку и обезьяне, побуждающий их обоих машинально проделывать действия, которые видят, не зная хорошо, к чему это пригодно. Мир полон ремесленников и особенно артистов, не имеющих природной способности к тому искусству, которым занимаются и к которому родители привлекли их с малолетства, руководясь посторонними соображениями или будучи вовлечены в обман их видимым усердием, которое они проявили бы точно так же и ко всякому другому искусству, если бы встретились с ним раньше. Иной слышит бой барабана — и воображает себя генералом; другой видит, как строят, — и уж хочет быть архитектором. Всякого соблазняет ремесло, которым занимаются на его глазах, если только он считает его уважаемым.

149. Я знал одного, лакея, который, видя, как пишет красками и рисует его господин, возмечтал быть живописцем и рисовальщиком. С той же минуты, как явилось у него это решение, он взялся за карандаш и, если потом кинул его, то лишь для того, чтобы взяться за кисть, с которой он не расстанется уже всю жизнь. Без уроков и без правил он принялся срисовывать все, что попадалось под руку. Целых три года провел он над своим мараньем, от которого, кроме службы, ничто не могло его оторвать, и никогда не падал духом от незначительности успехов, которых мог добиться при своих посредственных способностях. Я видел, как он в течение шести месяцев очень жаркого лета, сидя или, скорее, будучи прикован целый день к своему стулу, перед глобусом, в маленькой, обращенной на юг передней, в которой задыхались, даже проходя мимо, срисовывал этот глобус, перерисовывал; начинал и поправлял беспрерывно и с непобедимым упорством, пока не сделал настолько хорошего шара, что остался доволен своей работой. Наконец, благодаря

— ◆ — — ◆ — — ◆ — — ◆ — — ◆ — — ◆ — — ◆ — — ◆ — — ◆ — — ◆ — — ◆ — — ◆ — — ◆ — — ◆ — —

покровительству своего господина и советам одного артиста он добился того, что покинул ливрею и стал зарабатывать средства кистью. Настойчивость до известного предела восполняет талант: он дошел до этого предела и никогда уже его не перейдет. Постоянство и соревнование этого честного малого похвальны. Он всегда сумеет приобрести уважение своею усидчивостью, верностью, нравственностью, но он ничего другого никогда не будет рисовать, кроме вывесок. Кого не ввело бы в обман его усердие, кто не принял бы его за настоящий талант? Большая разница – иметь охоту к работе и быть способным к ней. Нужна более тонкая, чем обыкновенно думают, наблюдательность для того, чтоб удостовериться в истинном даровании и истинной способности ребенка, который гораздо скорее выказывает желания свои, чем способности, и о котором всегда судят по первым, за неумением изучить вторые. Мне хотелось бы, чтобы какой-нибудь рассудительный человек дал нам трактат об искусстве наблюдать за детьми. Очень важно знакомство с этим искусством: отцы и наставники пока не знают даже элементов его. [...]

151. Дайте мужчине ремесло, приличное его полу, а юноше ремесло, приличное его возрасту; всякая профессия, сопряженная с сидячею жизнью в комнате, изнеживающая и расслабляющая тело, ему не нравится и не годится. Никогда мальчик сам не пожелает быть портным; нужно искусство, чтобы засадить за это женское ремесло пол, который не создан для него. Иглою и шпагой не сумеют владеть одни и те же руки. Будь я государем, я дозволил бы швейное и портняжное ремесло только женщинам и хромым, которые принуждены заниматься тем же, чем и женщины. Если предположить, что евнухи необходимы, то я нахожу, что восточные народы очень глупо поступают, создавая их нарочно. Почему они не довольствуются теми, которых создала природа, – тою толпою вялых мужчин, которым природа изуродовала сердце? Они имели бы в них избыток в случае нужды. Всякий мужчина, слабый, нежный, робкий, осужден ею на сидячую жизнь: он создан, чтобы жить с женщинами или на их лад. Пусть занимается одним из ремесел, свойственных им, – в добрый час! А если уж непременно нужны настоящие евнухи, пусть определяют в это звание людей, которые позорят свой пол, принимая на себя обязанности для них неприличные. Их выбор указывает на ошибку природы; исправьте эту ошибку тем или иным способом – и вы поступите хорошо.

152. Я запрещаю своему воспитаннику ремесла нездоровые, но не те, которые трудны или даже опасны. Эти ремесла упражняют одновременно и силу, и мужество; они годны для одних мужчин, женщины не заявляют на них претензий, – как же не стыдно мужчинам захватывать те, которыми заняты женщины?

«Борются редкие, редкие кормятся пищей атлетов, Вы же прядете шерсть и мотками в корзины кладете». [...]

156. Если хорошо обсудить все, то я скорее всего желал бы, чтобы моему воспитаннику пришлось по вкусу ремесло столяра. Оно опрятно, полезно; им можно заниматься дома; оно достаточно упражняет тело, требует от работника ловкости и изобретательности, и хотя форма произведений здесь определяется полезностью, но последняя не исключает изящества и вкуса.

157. Если же случится, что гений вашего воспитанника будет решительно направлен к наукам умозрительным, в таком случае я ничего не имел бы против того, чтобы дать ему и ремесло, сообразное с его наклонностями; пусть он учится, например, делать математические инструменты, очки, телескопы и пр.

158. Когда Эмиль будет учиться ремеслу, я думаю учиться вместе с ним, ибо я убежден, что он лишь тому хорошо научится, что мы будем изучать вместе. Итак, мы оба поступим в учение и будем требовать, чтобы с нами обходились не как с господами, а как с настоящими учениками, не в шутку принявшими эту роль – почему бы нам не быть ими и взаправду? Царь Петр был плотником на верфи и барабанщиком в своих собственных войсках: уже не думаете ли вы, что этот государь был ниже вас по рождению или заслугам? Вы понимаете, что я говорю это не Эмилю, а именно вам, кто бы вы там ни были.

159. К несчастью, мы не можем проводить все свое время за верстаком. Мы не для того поступили в учение, чтобы стать рабочими, а для того, чтобы стать людьми, а учение этому последнему ремеслу труднее и продолжительнее всякого другого. Как же нам быть? Неужели брать столярного мастера на час в день, как берут учителя танцев? Нет, в таком случае мы были бы не ремесленными учениками, но школьниками; а наше дело не столько в том, чтобы научиться столярному ремеслу, сколько в том, чтобы поднять себя до звания столяра. Поэтому я держусь того мнения, что нам следовало бы раз или два, по крайней мере, в неделю проводить у мастера целый день – вставать в один с ним час, прежде него приниматься за работу, за его же столом есть, работать по его указаниям и, поужинав с его семьей, если он окажет нам такую честь, возвращаться, если хотим, спать на наши жесткие постели. Вот каким образом изучают зараз несколько ремесел, вот как приучают к работе руки, не пренебрегая в то же время и другим учением. [...]

189. Принужденный учиться сам по себе, он пользуется своим разумом, а не чужим; ибо кто не хочет уступать людскому мнению, тот не должен уступать и авторитету; а большая часть наших заблуждений зарождается не в нас самих, но переходит к нам от других. Результатом

этого постоянного упражнения должна быть сила ума, подобная той силе тела, которая приобретается трудом и усталостью. Другое преимущество в том, что мы продвигаемся вперед не иначе, как соразмерно со своими силами. Дух, равно как и тело, выносит лишь то, что может выносить. Когда мы путем разума присваиваем себе знания, прежде чем уложить их в памяти, то все, извлекаемое им впоследствии из памяти, принадлежит уже ему, меж тем как, обременяя память без ведома разума, мы рискуем никогда не извлечь из нее ничего такого, что принадлежало бы разумению. [...]

Книга четвертая. Юношеский возраст

Возникновение страстей из природной любви к самому себе. Сознание нравственных отношений к людям и половых различий. Руководство в этом ознакомлении. Вступление Эмиля в свет; чувство благодарности как новое связующее звено между воспитателем и воспитанником. Ознакомление с светом по истории. Обращение ума к отвлеченному; понятие о сущности, идея о боге. Исповедание веры савойского викария. Задержка чувственных вожделений путем телесного упражнения. Знакомство с обществом в действительной жизни. Софья как идеал подруги жизни. Образование вкуса как основа эстетического и нравственного понимания. Маловажность материальных благ для человека, живущего среди общества. От 15-летнего возраста до вступления в брак.

[...] 96. Общество нужно изучать по людям и людей по обществу; кто захочет изучать отдельно политику и мораль, тот ничего не поймет ни в той, ни в другой. Обращаясь прежде всего к отношениям первобытным, мы видим, как они должны действовать на людей и какие страсти должны из них возникнуть; мы видим, что путем развития страстей и эти отношения взаимно умножаются. Не столько сила рук, сколько кротость сердец делает людей независимыми и свободными. Кто желает немногого, тот зависит от немногих. А кто, постоянно смешивая суетные наши желания с нашими физическими потребностями, из этих последних делал фундамент человеческого общества, те постоянно следствия принимали за причины и только путались в своих рассуждениях.

97. В естественном состоянии существует равенство фактическое, действительное и неразрушимое, потому что в этом состоянии невозможно, чтобы простого отличия одного человека от другого было достаточно для того, чтоб одного сделать зависимым от другого. В гражданском состоянии существует химерическое и призрачное

в их предрассудках источник всех их пороков; пусть уважает каждое отдельное лицо, но пусть презирает толпу: пусть он видит, что все люди носят почти одну и ту же маску, но пусть знает также, что есть лица более красивые, чем закрывающая их маска.

101. Эта метода, нужно признаться, имеет свои неудобства и нелегко применима на практике; ибо если он слишком рано делается наблюдателем, если вы приучаете его слишком близко всматриваться в чужие поступки, вы делаетесь злоречивым и насмешливым, решительным и поспешным в суждениях; он с отвратительным удовольствием будет стараться истолковать все в дурную сторону и не видеть ничего хорошего даже в том, что хорошо. [...] Скоро всеобщая испорченность будет служить ему не столько уроком, сколько извинением; он скажет себе: «если уж таков человек, то мне не следует желать быть иным». [...]

Тема 6 ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ В XVII–XVIII вв.

Е. Славинецкий

ГРАЖДАНСТВО ОБЫЧАЕВ ДЕТСКИХ

1. *Вопрос:* Чин наказания детского колико части имать?

Ответ: Три наипаче, первая есть еже младому уму семя благочествия христианского пояти, вторая – еже учения свободная любити и их учиться, последняя – еще о первых жизни своя начатков благолепным обычаем обучатися.

2. *Вопрос:* Что есть гражданство?

Ответ: Есть обычаев добросклонность и человекопочитательство.

3. *Вопрос:* Почему знати то гражданство обычаев?

Ответ: По уму добре умеренному.

4. *Вопрос:* Ум же умеренный откуда знати?

Ответ: От очес, от бровей, от чела вкратца рещи от лица и от всея телеси ипостаси. [...]

О нравах на сретени²

[...] 126. *В.:* Что творити имать детище, аще кто е на пути чести достойной срящет?

О.: С пути уступить, шапку честно сняти, аще же славный человек или достоинства яковаго будут имать, тому поклонитися.

127. *В.:* Приличествует ли детищу сице мысли в себе, егда с ким честным на пути сретится, к чему мне пригодится сей незнаемый?

О.: Не приличествует, понеже сию честь не человеку, но богу воздаем, иже противу лицу стару востати повеле и начальником или иереем сугубую честь воздаяти.

128. *В.:* Егда убо и язычники, идеже он гдьствует³, должно есть чествовати?

О.: Должно есть, ибо (яко святой Павел глаголет) мы должны есмы честь творити всем, им же должна творитися: в сих словесах заключается и язычников началство, и Петр святой глаголет, яко долженствуем быти послушни не точию благим господем, но и злым.

² При встрече.

³ Находится.

129. *В.*: Кому же долженствуем честь первую по бозе воздавати?

О.: Родителем и учителем: овым, яко на свет ны породиша и ради нас многия труды и скорби подяша⁴, сим же, яко мысли наша изрядншую часть человеческую с великими трудами учат и чистят.

130. *В.*: Еще убо се есть человеколюбие, еже сверстники своя взаим честию предваряти?

О.: И зело есть, понеже Павел святыи пиша учит, еже честию друг друга болше себе творите, аще бо равного или меншого шапкою⁵ (яко глаголют) или честию предварим сим не будем последняшни, но паче добронравши.

131. *В.*: Како беседовати детище с болшими?

О.: Яко с равными любезно и дружески глаголати имать, тако с болшими честно и кротко: титу⁶ достоинства им приличную часто имать усугубляти; и не имать отити от них, дондеже отпущение возмет или от них будет отпущен.

132. *В.*: Пристойт ли книги или шапку под пазухую держати?

О.: Не приличествует, дабы еси не носил⁷ (яко Горати глаголет) связки хартии под пазухую, яко поселянин ягнята или пьяная баба клубков краденя волны, но просто шапку в руках держати.

133. *В.*: В беседовании с людми где очеса имут зрети?

О.: На глаголющего с тобою имут зрети, яже имут быти приятный и просты и от них же ничтоже гордое и нечестное да явится, такожде убо семо и овамо очеса обращати знамение есть легкомыслия, в землю же зрети есть знамение злыя совести: криво зрети есть знамение гнусающаяся неким.

134. *В.*: Каковым названием кого имать сретати, егда с кем беседует?

О.: Честным, аще же невесть титули сущия люди ученыя называти будут учителей, чести достойныя люди славныя незнаемыя будет называть, егда вся себе равная, называть имать братию и другие.

135. *В.*: Кия вещи в беседование мерзки бывают?

О.: Лице разными подобии (яко некоему протесту) изменяти, нос смарщивати, чело навесити, брови подвышати, уст не выставляти, уста разевати или сжимати, главою потрясла, власами трясти, без вины кашляти, покрякивати, главу почесывати, во ушесах угабляти, нос вытирати, по лицу потиратися, тыл у главы поглаживати, рамена расширяти, главы повертанием на нечто носоизваляти, киванием главы

⁴ Подняли.

⁵ Если перед равными себе или меньшим первыми снимаем шапку или отдадим честь.

⁶ Титул, наименование.

⁷ Дабы ты не носил, как говорит Гораций, связанные свитки за пазухой, как поселянин ягнят или пьяная баба клубки краденой шерсти.

втыл звати кого, краткоже глаголя поставою или киванием или некоим маанием с людми глаголати.

136. *В.*: В беседовании с людми кия вещи зело бесчестны суть?

О.: Раменами шагати, перстами пребирати, с ноги на ногу шататися, всем телом прекланятися, речь кому пресецати первее, неже совершит ю.

137. *В.*: Каков долженствует быти глас?

О.: Приятный и тихий, некрикливый, ниже понижен, даже бы ко ухе не дошел соглаголящему⁸ тебе.

138. *В.*: Каково имат быти глаголание?

О.: Нескорое, дабы разума не предваряло, но протяжено и явственно и разделно, еже природное закивание и повторение словес направляти обычей⁹.

139. *В.*: Како детище (аще сего потреба случится) вещь какову, стыд или мерзость приносящую, именовати имат?

О.: Ону стыдливым окружением слова¹⁰ назнаменует, сию же, прощение взем, повест.

140. *В.*: Еже аще хотел бы еси в умолчании или в потаении имети, кому имаши выирити?¹¹

О.: Никому: понеже смешно есть, еже надеяться от кого молчания, его же сам в себе удержати не могл еси.

141. *В.*: Что же наипаче дружество соединяет и приятство хранити обыче?

О.: Обучение доброты, единыя вещи хотети и не хотети, общее благоволение, нравы всех человек носити и терпети, самолюбия не имети, не возноситься вышше иных, веры и знамения дружества древнего не вредити, благодеяния всегда памятовати, приятелю усердно служати и угождати. [...]

О обычаях во училищах и како слушати чтения

[...] 143. *В.*: Во училищах како должнствуют пребывати дети?

О.: Должнствуют любити молчание и воздержание; никиим шептанием и беседами невежливыми пресецати чтения; стерещися должни, да не восприимут достойного наказания: егда будут наказуеми в должностях своих, гордо да не освещавают и влекутся всякого возвышения и злобе словес или досады; облекутся же во остроумие охотное и податное ко учению, всегда прилежно ушесы готовыми да слушают, проповеданному им усердно да внемлют, иже им учитель повесть да не препустят мимо ушес и еже услышат, яко некое сокровище.

⁸ Не крикливый, но и не настолько тихий, чтобы он не доходил до слуха разговаривающего с тобой.

⁹ Как принято исправлять природное закивание и (ненужное) повторение слов.

¹⁰ Первую обозначить стыдливым иносказанием (намеком).

¹¹ Доверить, поверить.

144. *В.*: Что должен речи юноше многословному и неприлично велеглаголивому?

О.: Не стыдитесь ли (рече) из слоновых влагалищ меч свинцовый извлагати.

145. *В.*: Что должны творити дети, егда из училища отпустятся?

О.: Скоро в дом да спешат; не бегом потекут, яко усмошевцы спешащие на торжище; не должны воплстовати, яко оный стентор; ниже мятеж некий творити, аки неистовствующими кони, егда взыграция им; ниже паки бегати подобает, яко скоту, семо и овамо; аще что в дому повелится им творити, должны то усердно и без роптания творити и содеяти, ко учению же паки не чрез понуждение, но усердно да возвратятся.

О игрании

146. *В.*: Что потребно во игрании честным?

О.: Благая мысль и умерение, не лесть, не лежа, не упорство, еже свары раждает, но мир – всякого блага мати.

147. *В.*: Чесо ради попускается играние?

О.: Утешения ради и отрады смысла ученими тружденного, а не ради некоего приобретения.

148. *В.*: Что украшает играние?

О.: Постоянство, честное веселие, борзость, крепость смысла, чинелюбовь, общая играти истинно и праведно ти, яко глаголют верно добротую и не кознию или ухищрением во игре тебе ждати.

149. *В.*: Кия игры заповеданны суть?

О.: Всякое костырство кости, карты, купание в воде.

150. *В.*: Кая же убо упражнения суть честная и детям приличная?

О.: Кубарь, мечик, кики, обучение телесе в труды, скоротечение, италийский мечик и нравыскавание различных скакати, яко коник или саранча травная, скакати обе нозе совокупив и на едином ноге и прочая.

151. *В.*: Кое же убо собственнейшее есть одоление?

О.: Самого себе победита, сего ради зело вяще есть уклонитися упрямства, нежели победу взяти.

152. *В.*: Где наиначе познавается естество или острота детская?

О.: В игрании, понеже ему же летити, ему же лгати, ему же сваритися, гневатися, насилствовати, тщестлавитися, кичитися естество есть приклонно: зде вред инаврение (sic!) естественное является.

153. *В.*: Кия же вещи детские естны и во игре приличны суть?

О.: С никим любопретися, егда же лучится прийти к свару извалити, паче победитися, нежели венец одаления взяти, или возложитися на рассуждения людей, а что друг изобрящет, не быти противу тому

никакова начинати мятежа, ниже воплыствовати¹², не крамалитися¹³, никому же тщеты творити сего ради, брате, егда хоцещи играти или ино что творити, помни словеса святого апостола Павла: всяка ярость и напыщение, и гнев, и вопль, и злословие да отыметя от вас со всякою злобою.

154. *В.:* Чим убо бывает игра утешней?

О.: Егда с неумеющими играя, аще и можещи всегда побеждать, даси им времени победити тя, или, еда с худшим играя не паметуеши, яко честней еси одного.

155. *В.:* Кии убо игры мусикии суть приличнешия?

О.: Любити мусикию, сладкопение и игранием на органех всяких остроту ума обучати.

156. *В.:* Подобаает ли детищем играющим ставити пенязи, пера, книжицы, завязки и прочая?

О.: Много сие на дети, понеже сине к татбе окно отверзает и на злая дела обыче быти подущение нравом детским. [...]

158. *В.:* О что убо дети играти будут?

О.: Погубивый по совещанию да сотвори, еже повелит ему победивый его: или храмину уметет, или на руце воды принесет, или стихи некия на памет прочтет, или по совещанию в лопянове венце походит, или ино что сичевое да сотворит.

М. В. Ломоносов

ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА МОСКОВСКИХ ГИМНАЗИЙ

Глава третья

О наставлении школьников

§ 17

Во-первых, при обучении школьников паче всего наблюдать должно, чтобы разного рода понятиями не отягощать и не приводить их в замешательство. Итак, ежели принятый школьник еще российской грамоте не знает, должен только в российском первом классе потоле обучаться, пока читать и писать искусен будет.

§ 18

Ежели который школьник грамоте российской довольно искусен в Гимназию вступил, того, обучив первым основаниям российской

¹² Плакать.

¹³ Не быть коварным.

---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
грамматики в нижнем классе, обучать в латинской школе в нижнем классе что показано четыре дни в неделю; а прочие два дни в школе первых оснований наук показывать арифметику.

§ 19

Потом по произведении обучать в российской школе во втором классе два дни в неделю; во втором же классе латинском – три дни, да геометрии и географии – один день.

§ 20

В верхнем классе в латинской школе три дни, в российской – один день, в философии – два дни.

§ 22

Арифметику, геометрию и географию показывать на российском языке, философии первые основания – на латинском.

§ 24

Сим языкам обучать не так, как обыкновенно по домам принятые информаторы одною практикою, но показывать и грамматические правила. Притом излишним оных множеством не отягощать, особливо сначала практику употреблять прилежно, слова и разговоры твердить, упражняться в переводах и сочинениях.

Глава четвертая

О экзерцициях гимназических

§ 25

Экзерциции суть двояки, школьные и домашние. Школьные бывают в Гимназии приватно при одном учителе или при собрании других школ, а иногда и публично в ректорском классе. Домашние экзерциции на дом от учителя задаются.

§ 26

Первая школьная экзерциция есть чтение изусть заданного урока в первый час по входе в школу, прежде приходу учительского, который урок слушать должен старший школьник того же классу и, знает ли кто урок свой или нет, записывать в таблице и класть на стол перед учителя, что учитель сам свидетельствовать может.

§ 27

Вторая школьная экзерциция: короткие задачи переводить какие сентенции или переменять фразисы стихами и прозою, не пишучи. Материи выбирать по тому, в каком то будет классе. Сие служить будет к немалому в учении поощрению, однако чинить тогда, ежели учителю по окончании своей лекции времени до выходу останется.

§ 28

При собрании школ обоих гимназий быть экзерцициям на каждый месяц при окончании: один день поутру и пополудни, где учителя общие имеют всем задавать материи для переводу или предложения фразисов прозою и стихами, чтобы то делали школьники, не смотря в книги и не пишучи.

§ 29

Публичным экзерцициям быть по каждую полгода только в верхнем классе, где некоторые школьники имеют говорить речь своего сочинения под ректорским присмотром на российском и латинском языках, прозою и стихами.

§ 30

Домашние экзерциции, которые между школьными лекциями кроме уроку что выучить должно, от учителей на дом задаются, должны быть короткие переводы с российского на латинский, с латинского на российский или предложения с прозы на стихи, смотря по классам. Оные задавать трожды в неделю на ночь, а в обеднее время для краткости времени того не делать. Позволить школьникам упражнения по своей охоте для показания каждому своего особенного рачения и понятия. Сии могут быть подобны вышеписанным задачам, или кто хочет, имеет выучить сверх уроку несколько стихов или краткую речь в прозе из классических авторов.

§ 31

Сие все будет служить не токмо к скорому обучению, но и к обстоятельному познанию остроты и прилежания каждого школьника, что всё дабы ясно и подробно видеть можно было, должно иметь помесячные таблицы, в которых показывать каждого школьника повсядневное поутру и ввечеру поведение в школах и исправление домашних экзерциции. [...]

§ 33

Для помесячных экзерциции должно быть общей табели у ректора, в которой записывать каждого прилежание, остроумие, разделяя на три статьи на лучших, посредственных и последних.

§ 34

Для тех, которые в ректорском классе полгодичные экзерциции публично имели, иметь особенные записки со мнением о их искусстве Гимназии инспектора и ректора.

§ 35

Все школьные табели помесячно, а записки в каждую полгода вносить в директорию на рассмотрение, где по обстоятельствам директор с инспектором Гимназии распределять будут, а особенно того смотреть, чтобы остроумные и прилежные отличены были от тупых и нерадивых. [...]

В. Н. Татищев

РАЗГОВОР ДВУХ ПРИЯТЕЛЕЙ О ПОЛЬЗЕ НАУК И УЧИЛИЩ

Вопрос

Чему учиться?

Я хотя вас сначала спрашивал, что наука есть, на которое вы сказали, что знать добро и зло; но, по многом разговоре от того отделились, того ради прошу, чтоб мне обстоятельно сказали, чего человеку учиться нужно.

Ответ

Я вам прежде сказал, что нужно человеку о том прилежать, чтоб в совершенство прийти и оное сохранить, пребывание елико по естеству возможно продолжить, удовольствие, а потом и спокойность приобрести, по которым и науки суть разных свойств и качеств, и хотя все их подробну толковать весьма пространно и в великую книгу уместить не можно, однако ж я вам кратко скажу: в начале науки разделяются у философов по объявленным свойствам сугубо: душевное – богословие и телесное – философия.

По первому к совершенству, а наипаче нужно прилежно стараться, чтоб память, смысл и суждение в добрый порядок привести и сохранить. Другое внешнее, как вам прежде сказал, еже душа с телом толико связаны, что от повреждения телесных членов повреждаются и силы ума, того ради нужно и о внешних прилежать, дабы ни один член из надлежащего природного состояния не выступил или не повредился. [...]

Вопрос

Как благоустроить училища в России?

Я вас последнюю спрошу: какя училища, где вы за полезнейше учредить разумеете?

Ответ

Сие вам выше показано и особливо указы Петра Великого изъявляют, что по всем губерниям, провинциям и городам учредить надлежит, на которое он все монастырские излишние сверх необходимо нужных на церкви доходы определил, и оных весьма достаточно; еще же и богу приятно, что такие туне гнблющие доходы не на иное что, как в честь богу и пользу всего государства употреблять. Но при том нужно смотреть, чтоб: 1) оные особливо что шляхетству нужно, особно от подлости отделено было; 2) чтоб учителя к показанию и наставлению нужнаго и полезнаго способны и достаточны, а паче от подаяния соблазна безопасны были; 3) чтоб все шляхетству нужное всюду без недостатка к научению могло быть показано, и для того книг и инструментов надобно иметь с довольством; 4) чего, казенное или определенное от государей не вынесет, то нужно шляхетству на то доходы сложить и учредить, чтоб могло и других пользоваться; а затем: 5) последнее, чтоб над всеми надзирание таким поручено

было, которые довольно искусственно в науках, а наипаче ревностное рвание в пользу отечества изъяснить в состоянии. [...]

Вопрос

Какое обстоятельство в учителях требуется?

Ответ

Частью о науке, частью и состояния их смотреть нужно. 1) В начале закона божия чтоб были сами истинной богословии, якоже и благонравия правил довольно научены, не ханжи, лицемеры и суеверцы, но добраго рассуждения, и если чернцев летами не меньше 50 и жития добраго не сыщется, то не противно и мирских, имущих жен, в то употребить. 2) Офицеры суть главные учителя, и хотя за недостатком у нас довольно ученых людей иноземцы употреблены; однакож при том нужно смотреть, чтоб не были молодые, жен и детей неимущие; а при оных хотя половина русских таких, которые хотя склонность к наукам имеют и к тому могут из первых обученных и неколико в армии служивших употребиться. 3) Учители прочих всяких наук хотя все иноземцы, токмо б каждой в своей науке не токмо довольно сам учен, но и к показанию достаточный способности имел; ибо не всякой ученой к научению других есть способен, особливо люди свирепого и продерзного нрава к научению младенцев не способны. 4) Как для обучения по губерниям, так и для партикулярных училищ нужно таких учителей из русских приготавливать, чтоб не всегда иностранных с великим убытком выписывать, то можно из гимназий подлых, взяв в каждую науку человека по два, в помощь иностранным определить. И тако чаятельно своих учителей со временем довольно способных получить...

И. И. Бецкой

**ГЕНЕРАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
О ВОСПИТАНИИ ОБОЕГО ПОЛА ЮНОШЕСТВА**

С давнего уже времени имеет Россия Академию и разные училища, и много употреблено иждивения на посылку российского юношества для обучения наукам и художествам; но мало, буде не совсем ничего, существительных от того плодов собрано.

Разбирая прямые тому причины, не можем мы жаловаться на провидение и малую в российском народе к наукам и художествам способность; но можно неоспоримо доказать, что к достижению того непрямые токмо пути избраны были, а чего совсем не доставало, о том совсем и помышляемо не было.

Из посланных еще при государе императоре Петре Великом дворяне с хорошими возвратились успехами в том, чему они обучаться назначены

были; но по возвращении, имея путь и право к большим чинам и заслугам, не могли они в том упражняться.

Другие, из простого народа к наукам взятые, также весьма скоро успевали в оных, но скорее еще в прежнее невежество и самое небытие возвратились; от чего и людей такого состояния, которое в других местах третьим стелением (чином), или средним, называется, Россия до сего времени и произвести не могла.

Искусство доказало, что один только украшенный или посвященный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина; но во многих случаях паче во вред бывает, есть ли кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях, и твердо оные в сердце его не вкоренены; а небрежности того и ежедневными дурными примерами привыкает он к мотовству, своевольству, бесчестному лакомству и непослушанию. При таком недостатке смело утвердить можно, что прямого в науках и художествах успеха и третьего чина людей в государстве ожидать, всеу себя и ласкать.

По сему ясно, что корень всему злу и добру воспитание: достигнуть же последнего с успехом и с твердым исполнением не иначе можно, как избрать средства к тому прямые и основательные.

Держась сего неоспоримого правила, единое токмо средство остается, то есть произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые могли бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить, какие получили они сами, и от них дети передали бы паки своим детям; и так следуя из родов в роды в будущие веки.

Великое сие намерение исполнить нет совсем иного способа, как завести воспитательные училища для обоого пола детей, которых принимать отнюдь не старее, как по пятому и по шестому году. Излишно было бы доказывать, что в те самые годы начинает дитя приходить в познание из неведения, а еще нерассудительнее верить, яко бы по прошествии сих лет еще можно поправить в человеке худой нрав, чем он уже заразился, и, поправляя его, те правила добродетелей твердо в сердце его вкоренять, кои ему иметь было потребно.

И так о воспитании юношества пещься должно неусыпными трудами, начиная, как выше показано, от пятого и шестого до семнадцати и двадцати лет безвыходного в училищах пребывания. Во все же то время не иметь им ни малейшего с другими сообщения, так что и сам ближние сродники, хотя и могут их видеть в назначенные дни, но не иначе, как в самом училище, и то в присутствии их начальников. Ибо неоспоримо, что частое с людьми без разбору обхождение вне и внутрь онаго весьма вредительно... [...]

При сих воспитательных учреждениях первое прилагать должно старание, чтоб вселять в юношество страх божий, утверждать сердце в похвальных склонностях и приучать их к основательным

и приличествующим состоянию их правилам; возбуждать в них охоту к трудолюбию, и чтоб страшились праздности, как источника всякого зла и заблуждения; научить пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых и отвращению от всяких продерзостей; обучать их домостроительству во всех одного подробностях, и сколько в оном есть полезного; особливо же вкоренять в них собственную склонность к опрятности и чистоте как на самих себе, так и на принадлежащих к ним, одним словом, всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию и которыми в свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшением.

Такие и тому подобные правила, когда посеются в сердцах воспитываемого юношества, надеяться можно, тем лучший плод произведут, что согласоваться будут с младостью и непорочностью их возраста. Просвещая притом их разум науками и художествами, по природе, полу и склонности каждого, обучаемы быть должны с примечанием таким, что прежде нежели отрока обучать какому художеству, ремеслу или науке, подлежит рассмотреть его склонности и охоту и выбор оных оставить ему самому. Душевные его склонности всемерно должны служат в том над всеми прочими уважениями преимуществовать; ибо давно доказано, что не предупредит он ни в чем том, чему будет прилежать по неволе, а не по своему желанию.

Притом весьма еще важное примечание иметь должно в сих воспитательных училищах, то есть: дабы для юношества все то наблюдаемо было, что к жизни, целости здравия и крепости сложения их служить может; как то в построенных жилищах приводом чистого воздуха, неупотреблением всякого звания медной посуды; так же и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять и чрез то мысли его приводить всегда в ободрение, а напротив того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбием назваться может; и сего правила из памяти не выпускать.

От сих первых учреждений зависит все воспитание, какое дано будет первому от оных новой породы происхождению. Почему само собою понятно, какая потребна осторожность и благоразумие в выборе учителей и учительниц, а особливо главных над воспитательными училищами директоров и правителей. В последних сих вся важность и затруднение состоит: им надобно быть всем известной и доказанной честности и праводушия, а поведение их и нравы должны быть наперед ведомы и непорочны; особливо же надлежит им быть терпеливым, рассматрительным, твердым и рассудительным, и, одним словом, таковым, чтобы воспитывающееся юношество любило их и почитало и во всем добрый от них пример получало. [...]

Н. И. Новиков

О ВОСПИТАНИИ И НАСТАВЛЕНИИ ДЕТЕЙ

Введение

Кто несколько только размышлял о влиянии человеческих распоряжений в благополучие человеческое, особенно ж о влиянии воспитания во всю прочую жизнь человека, тот признается, что воспитание детей как для государства, так и для каждой особенной фамилии весьма важно. [...] Самое изрядное учреждение правосудия не делает служителей оною совестными, а судей неподкупимыми; самая религия не может воспрепятствовать, чтобы недостойные служители не делали ее иногда покровом гнуснейших пороков и не злоупотребляли к с поспешествованию вредных намерений; изящнейшие законы благочиния мало могут действовать, если честность, искренность, любовь к порядку, умеренность и подлинная любовь к отечеству суть чуждые гражданам добродетели. Все зависит от того, чтобы всякий образован был к добродетелям состояния своего и звания. Но когда должно, когда может предпринято быть сие образование, если не в том возрасте, в котором душа открыта всякому впечатлению и, нерешима будучи между добродетелью и пороком, столь же удобно исполняется благородными чувствованиями, привыкает к справедливым правилам и утверждается в добродетельных способностях, как и предается механизму чувственных похотей, огню страстей и заразе обманчивых примеров и принимает несчастную способность к дурачеству и к пороку? Итак, процветание государства, благополучие народа зависит неотменно от доброты нравов, а доброта нравов неотменно от воспитания. Законодательство, религия, благочиние, науки и художества хотя и могут сделаны быть споспешествовательными средствами и защитами нравов, однако если нравы уже повреждены, то и оные перестают быть благодетельными; стремительная река развращения разрывает сии защиты, обессиливает законы, обезображивает религию, прекращает успех всякой полезной науки и делает художества рабами глупости и роскоши. Единое воспитание есть подлинный творец добрых нравов: чрез него вкус добродетели, привычка к порядку, чувство изрядного, чрез него отечественный дух, благородная (на истине и знании основанная) народная гордость, презрение слабости и всего прикрашенного и маловажного, любовь к простоте и к натуре со всеми другими человекодружественными, общественными и гражданскими добродетелями должны овладеть сердцами граждан; чрез него мужчины и женщины должны образованы быть сходственно с их полом, а всякий особенный класс государства тем, чем быть ему надлежит. Все прочее сделается удобным, когда воспитание

—■—

достигнет возможной степени своего совершенства; законы успевают тогда сами собою; религия, в величестве своем исполненная простоты, пребывает тем, чем вечно бы ей быть надлежало, то есть душою всякой добродетели и твердым успокоительным предметом духа; науки делаются неисчерпаемыми источниками действительных выгод для государства; искусства украшают жизнь, дают благородство чувству, становятся ободрительными средствами добродетели; всякий отдел граждан пребывает верен своему определению; и всеобщее трудолюбие, подкрепляемое умеренностью и добрым домостроительством, доставляет и самому многочисленному народу безопасность от недостатка и довольствие своим состоянием.

О всеобщей и последней цели воспитания и о частях его

Всякое человеческое дело, требующее в исполнении распорядков и времени, тем лучше удается и почти тогда и бывает хорошо исполнено, когда сначала представишь себе ясно его предмет и после в исполнении никогда не будешь упускать оный из вида. Тогда только бываем мы в состоянии рассуждать правильно о всяком шаге, поступлением в сем деле, испытывать всякое представляющееся нам средство, познавать и отвращать всякое препятствие. Последуем сему всеобщему правилу благоразумия и в столь важном деле воспитания! Итак, исследуем здесь сперва: какой есть подлинный, истинный и последний предмет воспитания? Сие исследование послужит нам купно ответом на вопрос: какое воспитание действительно всех лучше? Также проложит оно нам путь к познанию всех главных оного частей. Может быть, при сем исследовании окажется и то, для чего честные и рачительные родители столь редко достигают цели в воспитании детей своих; может быть, откроется, что сие происходит от того только, что они не знали главного предмета воспитания и, почитая некоторые посторонние предметы и средства за главную цель, посвящали оным все свое попечение.

В предыдущем отделении видели мы, что обязанность родителей воспитывать детей своих как возможно лучше основывается на должностях их детям, государству и самим себе. Из сего следует, что достижение подлинной главной цели воспитания должно заключать в себе купно исполнение должностей. А как, наконец, все должности родителей детям состоят в том, чтобы сколько возможно споспешествовать благополучию детей; должность же государству в отношении к властям их есть та, чтобы в оных доставить ему полезных граждан: то явствует, что благополучие детей и польза их государству составляют существенные части предметов воспитания.

Принявши сии правила и рассматривая по оным разные особенные намерения, случающиеся при воспитании детей, увидим, что все сии особенные намерения никак не могут быть главным предметом воспитания и что сей, напротив того, ни в чем ином состоит, как в образовании детей благополучными людьми и полезными гражданами. Если, например, какой-нибудь отец захотел стараться сделать сына своего столько ученым; или если б другой захотел образовать его светским человеком или воспитать искусного художника, либо купца: то все отцы сделали бы, может быть, для намерения своего весьма много, но не споспешествовали бы нисколько истинному благу детей своих, ибо со всеми сими качествами можно быть худым и потому несчастливым человеком. Они, конечно, дали бы детям своим некоторое воспитание, но совсем не исполнили бы должностей своих оным и самой должности государству несовершенно сделали через то удовлетворение, ибо худой человек всегда бывает и худой гражданин. [...]

Мы думаем, что продолженным доселе разысканием и определением истинного главного предмета воспитания означили мы родителям цель, по которой могут они узнать прямой путь в воспитании. Сей цели не должны они, как выше упомянуто, никогда упускать из вида, если не хотят совратиться на разные распутия, и должны достигнуть ее, если хотят приобрести ту великую заслугу, чтобы воспитать детей своих наилучшим образом. Но только истолкованием сего всеобщего и главного правила воспитания можем мы приблизить к ним ту довольно отдаленную цель, то есть проводить их по всему мрачному пути. Сие самое истолкование также подтвердит паки справедливость одного всеобщего и главного правила, ибо откроется, что можно из него вывести все главные части воспитания.

Дети наши должны образованы быть счастливыми людьми и полезными гражданами. При сем опыт и человеческая натура напоминают нам, что здоровье и крепкое сложение тела весьма споспешествуют нашему удовольствию и что в молодости лежит основание как здоровья и крепости, так и слабости и болезней тела. Итак, оказывается теперь первая главная часть воспитания, то есть попечение о теле, или должность родителей стараться о том, чтобы дети их имели здоровье и крепкое сложение тела. Сию часть воспитания называют ученые физическим воспитанием; а первая есть она потому, что образование тела и тогда уже нужно, когда иное образование не имеет еще места.

Никакой человек не может быть ни довольным и счастливым, ни добрым гражданином, если сердце его волнуется беспорядочными пожеланиями, доводящими его либо до пороков, либо до дурачеств; если благополучие ближнего возбуждает в нем зависть или корыстолюбие, заставляет его домогаться чужого имени, или сладострастие обессиливает его тело, или честолюбие и ненависть лишают его душевного покоя, без которого не можно никакого иметь удовольствия, или, наконец, если сердце его столь скудно чувствованиями религии, то помышление о смерти ввергает его в уныние без всякой надежды; а все сие зависит от образования сердца в юношестве. Из сего следует вторая главная часть воспитания, имеющая предметом образование сердца и называемая учеными нравственным воспитанием.

По свойству всякого гражданского класса, к которому человек принадлежит, для пользы государству и для собственного его удовольствия нужно, чтоб он имел большую или меньшую меру познаний, высшую или низшую степень просвещения; некоторые гражданские классы требуют даже определенной меры познаний в науках; просвещение разума вообще способствует высокой степени гражданского благополучия, и, наконец, всякий человек тем полезнее бывает государству, чем просвещеннее его разум. Из сего происходит третья главная часть воспитания, имеющая предметом просвещение, или образование разума.

Воспитание имеет три главные части: воспитание физическое, касающееся до одного тела; нравственное, имеющее предметом образование сердца, то есть образование и управление натурального чувствования и воли детей; и разумное воспитание, занимающееся просвещением или образованием разума. Все сии три части вывели мы из правила, положенного всеобщим и последним предметом воспитания, то есть: «Воспитывай детей твоих счастливыми людьми и свободными гражданами». [...]

ИСТОЧНИКИ

1. Аристотель. Политика; Афинская полития / Аристотель ; [пер. С. А. Жебелева, С. И. Радцига; предисл., аннот. указ. Е. И. Темнова]. – М. : Мысль, 1997. – 460 с.
2. Бецкой, И. И. Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания, в России обоего пола благороднаго и мещанскаго юношества; с прочими в пользу общества установлениями : в 3 т. / И. И. Бецкой. – СПб., 1789. – Т. 1. – С. 3–10.
3. Будный, С. Из предисловия к «Катехизису...» / С. Будный // Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э.К. Дорошевич [и др.]. – М. : Педагогика, 1986. – С. 70–72.
4. Гусовский, Н. Песня о зубре / Н. Гусовский ; пер. с латин., пред. к рус. тексту С. Куняева ; пер. с латин. и пред. к белорус. тексту И. Семяжона ; [худ. У. П. Савич]. – М. : Наш современник, 2010. – 126 с.
5. Зизаний, Л. Из книги «Грамматика словенска» / Л. Зизаний // Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э. К. Дорошевич [и др.]. – М. : Педагогика, 1986. – С. 108.
6. Зизаний, Л. Эпиграмма на грамматику / Л. Зизаний // Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э. К. Дорошевич [и др.]. – М. : Педагогика, 1986. – С. 107.
7. Кампанелла, Т. Город Солнца / Т. Кампанелла; пер. с латин. и коммент. Ф. А. Петровского ; пер. приложений М. Л. Абрамсон [и др.] ; вступит. статья В. П. Волгина [«Коммунистическая утопия Кампанеллы», с. 5–30]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 228 с.
8. Квинтилиан, М. Ф. Марка Фабия Квинтилиана Двенадцать книг риторических наставлений : [в 2 ч.] / перев. с латин. Императорской Российской академии членом Александром Никольским и оною Академиею изданы. – Санкт-Петербург : в Типографии Императорской Российской академии, 1834. – Ч. 1 : [кн. 1–6] – 483 с.
9. Коменский, Я. А. Избранные педагогические сочинения / Я. А. Коменский. – М. : Учпедгиз, 1955. – 651 с.
10. Локк, Дж. Мысли о воспитании / Дж. Локк ; перев. с английского П. Вейнберга. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1890. – 246 с.
11. Ломоносов, М. В. Проект регламента московских гимназий / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч. : в 11 т. / Акад. наук СССР ; [гл. ред. акад. С. И. Вавилов]. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. 9. – С. 443–454.

12. Монтень, М. Опыты : [избранное: перев. с фр.] / М. Монтень ; [вступительная статья А. А. Вишневого ; прим. А. Бобовича, А. Смирнова]. – М. : Мир книги : Литература, 2006. – 463 с.
13. Намысловский, Я. Л. Избранные «Сентенции» / Я. Л. Намысловский // Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э. К. Дорошевич [и др.]. – М. : Педагогика, 1986. – С. 80–88.
14. Народная энциклопедия научных и прикладных знаний : в 14 т. / сост. И. П. Белокопский, В. П. Вахтеров [и др.]. – М. : Типография Тов-ва И. Д. Сытина, 1910. – Т. 10 : Народное образование в России. – С. 5–7.
15. Новиков, Н. И. О воспитании и наставлении детей // Избранные педагогические сочинения / Н. И. Новиков ; сост. Н. А. Трушин ; под ред. М. Ф. Шабоевой. – М. : Учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. – С. 89–178.
16. Платон. Государство / Платон ; [вступ. статья К. А. Сергеева, Л. С. Камневой, с. 5–158]. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 570 с.
17. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : перевод / Плутарх. – М. : ЭКСМО-пресс ; Харьков : Фолио, 1999. – 1166 с.
18. Полоцкий, С. Обед душевный и Вечеря душевная / С. Полоцкий // Хрестоматия по истории педагогики / сост.: И. Е. Лакин, М. В. Макаревич, А. Х. Рычагов. – Минск : Вышэйшая школа, 1971. – С. 357–366.
19. Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси: начало рус. лит. XI – нач. XII в. [сб. текстов / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева; вступ. статья Д. С. Лихачева]. – М. : Худож. лит., 1978. – С. 395–413.
20. Рабле, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль : повесть / Ф. Рабле ; обраб. для детей Н. Заболоцкий. – СПб. : Сов. писатель, 1993. – 416 с.
21. Роттердамский, Э. Воспитание христианского государя / Э. Роттердамский. – М. : Мысль, 2001. – 365 с.
22. Роттердамский, Э. Похвальное слово глупости. Домашние беседы / Э. Роттердамский. – М. : Художественная литература, 1938. – 600 с.
23. Руссо, Ж-Ж. Избранное : [главы и отрывки из сочинений : пер. с франц.] / Ж-Ж. Руссо ; [сост., предисл. С. 5–60, и примеч. И. Верцмана]. – М. : Дет. лит., 1976. – 190 с.
24. Скарына, Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акфісты, пасхалія / Ф. Скарына; уступ. арт. падрыхт. тэкстаў, камент., слоўнік А. Ф. Коршунова, паказальнікі А. Ф. Коршунова, В. А. Чамярыцкага. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
25. Славинецкий, Е. Гражданство обычаев детских / Е. Славинецкий // Хрестоматия по истории педагогики / сост.: И. Е. Лакин, М. В. Макаревич, А. Х. Рычагов. – Минск : Вышэйшая школа, 1971. – С. 350–354.

26. Смотрицкий, М. Г. Грамматика словенская правильное синтагма / М. Г. Смотрицкий // Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э. К. Дорошевич [и др.]. – М. : Педагогика, 1986. – С. 111.

27. Татищев, В. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ // Собрание сочинений : в 8-ми томах (5-ти книгах) : кн. 5 / Т. 8 : Избранные произведения : Репринт с изд. 1968, 1979 гг. – М. : Ладомир, 1996. – С. 51–132.

28. Тяпинский, В. Н. Из предисловия к «Евангелию» / В. Н. Тяпинский // Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э. К. Дорошевич [и др.]. – М. : Педагогика, 1986. – С. 74–77.

29. Фрагменты Демокрита и свидетельства о его учении // Материалисты Древней Греции : собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – М. : Гос. изд. Политической литературы, 1955. – С. 172–174.

В хрестоматии представлены тексты первоисточников, необходимые для организации самостоятельной работы студентов в процессе усвоения курса «Педагогика» (раздел «История образования и педагогической мысли»). Работы философов, педагогов различных исторических эпох распределены по темам согласно типовой программы.

Хрестоматийные материалы разделены на три части. В первой части представлены первоисточники по истории развития образования и педагогической мысли в Беларуси, России и за рубежом до XVIII века (включительно).